

Ю С Т Е И Н Г О Р Д Е Р
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
МИСТЕРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Амфора»

- [Рождественская мистерия](#)

- - [1 ДЕКАБРЯ](#)
 - [2 ДЕКАБРЯ](#)
 - [3 ДЕКАБРЯ](#)
 - [4 ДЕКАБРЯ](#)
 - [5 ДЕКАБРЯ](#)
 - [6 ДЕКАБРЯ](#)
 - [7 ДЕКАБРЯ](#)
 - [8 ДЕКАБРЯ](#)
 - [9 ДЕКАБРЯ](#)
 - [10 ДЕКАБРЯ](#)
 - [11 ДЕКАБРЯ](#)
 - [12 ДЕКАБРЯ](#)
 - [13 ДЕКАБРЯ](#)
 - [14 ДЕКАБРЯ](#)
 - [15 ДЕКАБРЯ](#)
 - [16 ДЕКАБРЯ](#)
 - [17 ДЕКАБРЯ](#)
 - [18 ДЕКАБРЯ](#)
 - [19 ДЕКАБРЯ](#)
 - [20 ДЕКАБРЯ](#)
 - [21 ДЕКАБРЯ](#)
 - [22 ДЕКАБРЯ](#)
 - [23 ДЕКАБРЯ](#)
 - [24 ДЕКАБРЯ](#)
-

Рождественская мистерия

Вы держите в руках настоящую волшебную книжку. Потому что это и книга, в которой рассказывается удивительная история, и в то же время календарь.

Главный герой книги, мальчик по имени Иоаким, живет в Норвегии. А в Норвегии, как и в других скандинавских странах, существует традиция покупать накануне праздника Рождества календари, которые называют рождественскими.

Каждый день, начиная с 1 декабря, дети или их родители открывают маленькое окошко в календаре, за которым спрятаны шоколадки, фигурки или картинки. Так продолжается все время адвента — то есть ожидания Рождества, вплоть до 24 декабря, когда вечером празднуют рождественский Сочельник, а на следующий день наступает великий праздник Рождества Христова.

Настоящая рождественская ночь была лишь однажды, но с тех пор Рождество празднуют по всему миру.

Обычай отмечать этот праздник 25 декабря принят у тех, кто принадлежит к католической вере. В православной традиции Рождество в наши дни отмечают 7 января. Но если от 25 декабря отсчитать 13 суток (именно столько составляет в XX и XI вв. разница между старым и новым стилем), то получится 7 января. За много-много поколений менялись церковные обычаи и установления, но общим началом в христианстве было знаменательное событие: та ночь две тысячи лет назад, когда в городе Давидовом Вифлееме появился на свет младенец Иисус.

Каждый день открывая новую главу книги, вы будете продвигаться в глубь истории, к ее истокам, к моменту рождения Иисуса Христа, и сопровождать вас на этом пути будут истинные чудеса!

Эта книга известного писателя Юстейна Гордера написана прежде всего для детей и рассчитана на семейное чтение.

Юстейн Гордер

Перевела с норвежского Элеонора Панкратова

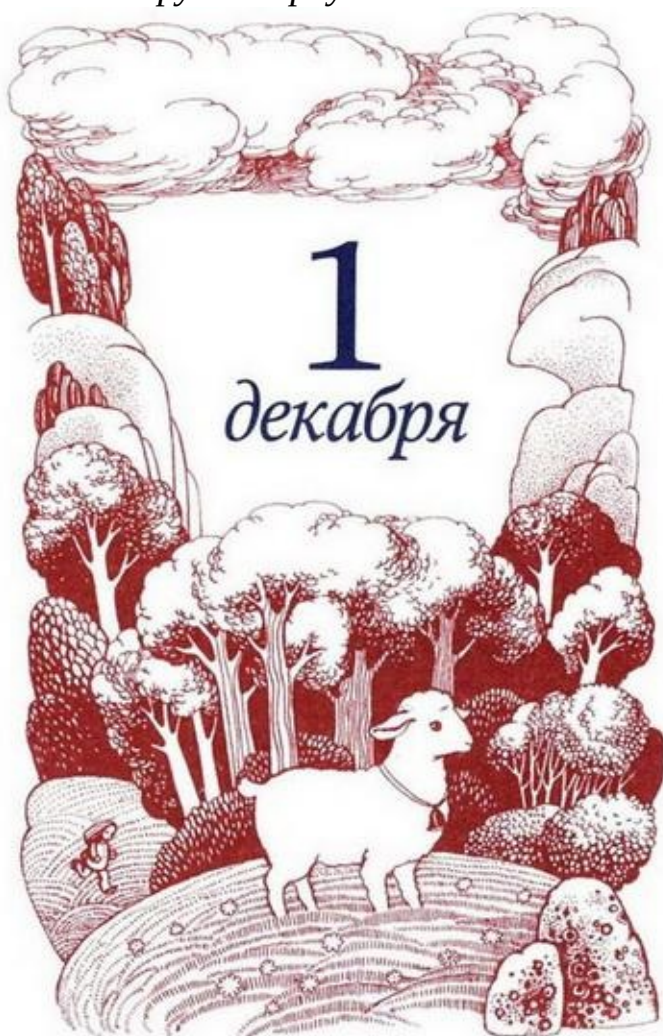
Художник Светлана Кондесюк

Издательство: Амфора, С.-Петербург, 2006 г.

1 ДЕКАБРЯ

...Вероятно, стрелкам часов так надоело год за годом двигаться в одну и ту же сторону, что они вдруг повернули вспять...

Смеркалось. В свете фонарей кружились снежные хлопья. На улицах царило оживление.

Среди праздничной толпы шел и Иоаким со своим папой. Они приехали в город, чтобы купить рождественский календарь, и это была их последняя надежда, ведь завтра уже первое декабря. Увы, все календари в газетном киоске и в большом книжном магазине на площади были проданы.

Иоаким дернул отца за руку и указал на крохотную витрину маленькой

лавки. К стопкам книг был прислонен красочный рождественский календарь.

— Вот, смотри! — воскликнул Иоаким.

Папа повернул голову.

— Слава Богу.

Они вошли в тесную лавку. Иоаким решил про себя, что магазинчик старомодный и обшарпанный. Вдоль стен тянулись книжные полки, и все они от самого пола и до потолка были сплошь заставлены книгами. Причем почти каждая в единственном экземпляре.

На прилавке лежала кipa рождественских календарей. На одних был изображен Санта-Клаус рядом с оленьей упряжкой. На других — хлев, в котором сидел крошечный рождественский гном и ел кашу из огромной миски.

Папа взял в руки оба календаря.

— В этом за створками окошек спрятаны шоколадные фигурки, что, как ты понимаешь, не очень-то полезно для зубов.

А тут — пластмассовые.

Иоаким стоял рядом и разглядывал то один, то другой календарь. Он никак не мог решить, какой ему больше нравится.

— Когда я был маленький, календари делали совсем другие, — продолжал рассуждать папа.

Иоаким поднял голову и приготовился слушать.

— А какие?

— В каждом окошке находилась всего лишь маленькая картинка. Но все равно мы с волнением открывали их. Сначала пытались угадать, что именно там будет. А когда наконец створки распахивались, у нас от восторга замирало сердце. Мы словно заглядывали в неведомый мир.

Внезапно Иоаким что-то заметил на одной из книжных полок.

— Там тоже стоит рождественский календарь.

Он подбежал к полке, вытащил календарь и показал папе. На картинке были изображены Иосиф и Мария, склонившаяся над яслями, где лежал младенец Иисус. Чуть поодаль стояли на коленях волхвы. У входа в хлев теснились пастухи и овцы. С неба спускались ангелы. Один из них трубил в трубу.

Краски на картинке совсем поблекли, словно календарь целое лето пролежал на солнце. Но он был настолько прекрасен, что Иоаким даже разволновался.

— Хочу этот, — сказал он.

Папа улыбнулся.

— Видишь ли, этот календарь, скорее всего, не продается. Я думаю, он очень старый. Наверное, ему столько же лет, сколько и мне.

— Но ведь никто не открывал в нем окошки...

— Это просто для украшения витрины.

Иоаким не мог отвести взгляд от старого календаря.

— Хочу этот, — повторял он. — Я хочу только этот, потому что он особенный.

Подошел хозяин лавки, пожилой седой человек. Он с интересом посмотрел на календарь в руках Иоакима.

— Красивый, — одобрил он. — Самый настоящий рождественский календарь, какие делали раньше. Кажется, будто нарисован от руки.

— Мой сын, — папа указал на Иоакима, — хочет, чтобы мы купили именно этот. Я пытался объяснить ему, что календарь не продается.

Книготорговец с удивлением поднял брови.

— Вы говорите, что нашли его... здесь? Лично я давненько таких не видел.

Иоаким показал пальцем на полку, где он нашел календарь:

— Он стоял вот тут, перед книжками.

Хозяин лавки кивнул головой:

— Вероятно, это старина Иоанн заглянул к нам.

Папа недоверчиво покосился на него.

— Иоанн?

— Да, есть тут один чудаковатый старик. Продает розы на площади, причем совершенно непонятно, откуда он их берет. Бывает, заходит ко мне и просит стакан воды. Летом, в жаркую погоду, прежде чем снова выйти на улицу, выливает немного воды себе на голову. Пару раз он окропил и меня.

Папа кивнул, а седой книготорговец продолжал:

— В благодарность за воду он иногда оставляет одну-две розы у меня на прилавке... или кладет на полку какую-нибудь старинную книгу. А однажды поместил на витрину фотографию молодой женщины. Явно иностранки. Вероятно, из тех же краев, откуда он сам. Под портретом стояло имя — Элизабет.

Папа встрепенулся.

— А теперь, стало быть, подарил календарь?

— Да, скорее всего.

— Тут что-то написано, — воскликнул Иоаким и громко прочитал:

— «ВОЛШЕБНЫЙ КАЛЕНДАРЬ. Цена семьдесят пять эре».

Книготорговец кивнул:

— Да, это, должно быть, очень старый календарь.

— А можно мне его купить за семьдесят пять эре? — спросил Иоаким. Седой продавец засмеялся:

— Думаю, ты можешь взять его бесплатно. Наверное, старый Иоанн оставил его именно для тебя.

— Огромное-преогромное спасибо, — проговорил Иоаким и вместе с календарем поспешил выйти из магазина.

Папа пожал руку хозяину лавки и вскоре уже стоял на тротуаре рядом с Иоакимом.

Иоаким крепко прижимал к груди календарь.

— Я открою первое окошко завтра, — сказал он.

Спал Иоаким плохо. Он то и дело вспоминал о седом продавце и об Иоанне, торговавшем розами на площади. Раз он даже встал и выпил воды на кухне. А когда пил, то вспоминал рассказ о том, как Иоанн кропил голову водой.

Но, конечно, больше всего его занимал волшебный календарь. Надо же, ему столько лет, сколько папе, и за все это время никто не открыл окошки! Прежде чем снова лечь спать, Иоаким несколько раз оцупал календарь и все окошки от первого до двадцать четвертого. А 24 декабря — это уже Сочельник. Окошко, на котором стояла цифра 24, было больше всех остальных. Оно почти закрывало ясли в хлеву.

Интересно, где же календарь пролежал все это время, больше сорока лет? И что произойдет, когда Иоаким откроет первое окошко? Родители повесили календарь над его кроватью.

Когда Иоаким проснулся в следующий раз, было уже семь часов. Он привстал на кровати и попытался открыть первое окошко. Иоаким прямо сгорал от нетерпения, пальцы плохо слушались его. Наконец ему удалось ухватиться за крохотный уголок, и створка открылась.

Перед Иоакимом предстала картинка — отдел игрушек в магазине. Среди множества покупателей он заметил маленькую девочку, а рядом с ней ягненка, но не успел как следует рассмотреть картинку, потому что, когда он открывал створку, что-то упало к нему на кровать. Он нагнулся и поднял упавший предмет. В его руке оказался сложенный в несколько раз листок бумаги. Иоаким развернул листок и увидел, что тот с обеих сторон испещрен текстом. И вот что он прочел:

Ягненок с колокольчиком на шее

— Элизабет! — крикнула мать ей вслед. — Элизабет, вернись!

Элизабет Хансен долго стояла на месте, разглядывая длинную полку с мишками и разными мягкими игрушками, пока мама покупала рождественские подарки для родственников, живущих в Тотене {Тотен — область в восточной части Норвегии.}. Вдруг от компании этих симпатичных игрушечных зверьков отделился ягненок. Он спрыгнул с полки и стал пугливо озираться по сторонам. На шее у него висел колокольчик, но его звон не мог заглушить стрекот кассовых аппаратов.

Мягкую игрушку с колокольчиком на шее Элизабет видела не впервые. Но вот чтобы игрушка вдруг ожила... Это так поразило Элизабет, что она бросилась вслед за ягненком, а тот засеменил по огромному торговому залу в сторону эскалатора.

— Бяша, бяша, бяша, — звала ягненка Элизабет.

Ягненок вскочил на движущуюся вниз лестницу. Лестница скользила стремительно, но ягненок бежал еще стремительней. Так что Элизабет приходилось мчаться еще быстрее, чем лестница с ягненком, вместе взятые.

— Поди же сюда, Элизабет! — снова позвала мама, и голос у нее теперь был сердитый.

Но Элизабет уже стояла на ступеньке эскалатора. Она увидела, как ягненок пробирался среди прилавков и полок первого этажа, там, где продавались галстуки и белье.

Когда Элизабет соскочила с эскалатора на пол, — тот уже был на улице, где в свете гирлянд, развешанных над проезжей частью, кружились снежные хлопья. Опрокинув прилавок с разложенными на нем варезками, Элизабет устремилась вслед за ягненком.

Среди уличного шума было так трудно уловить звон колокольчика, а ягненок уже почти добрался до улицы Куркевейен. Но Элизабет не сдавалась: она решила во что бы то ни стало догнать ягненка и погладить его по мягкой шерстке.

Ягненок с колокольчиком на шее перебежал улицу на красный свет,

наверное, он решил, что красный человечек означает «иди», а зеленый — «стой», кажется, Элизабет доводилось слышать, что овцы не различают цвета. Как бы там ни было, раз ягненок не обратил внимания на красный свет, то не могла остановиться и Элизабет. Ей надо было непременно догнать его, даже если бы для этого пришлось бежать за ним на край света.

Машины сигналили, а одному мотоциклу пришлось даже свернуть на тротуар, чтобы не сбить Элизабет или ягненка. Занятые рождественскими покупками люди с изумлением взирали на них. Ведь не каждый день встретишь девочку, которая перебегает улицу Киркевейен на красный свет, чтобы догнать плюшевого ягненка, убежавшего из отдела игрушек большого универмага. Не говоря уже о том, что саму погоню за ягненком посреди зимы вряд ли можно назвать обычным делом.

На бегу Элизабет услышала, как часы на колокольне пробили три раза. Она весьма удивилась этому, так как они с мамой приехали в город пятичасовым автобусом, вероятно, стрелкам часов так надоело год за годом двигаться в одну и ту же сторону, что они вдруг повернули вспять. Элизабет подумала про себя, что даже часам может наскучить целую вечность делать одно и то же.

На этом странности не кончились, изменилось и еще кое-что. Когда Элизабет вошла в тот большой магазин, где находился отдел игрушек, на улице было совсем темно. А сейчас почему-то снова стало светло, ночь как будто бы отступила.

Ягненок, видимо, решил скрыться в лесу: он быстро нашел нужную дорогу и затрусил из города в сторону перелеска. А там побежал по тропинке, петляющей между высокими елями. Правда, уже помедленней, потому что тропинка была завалена снегом, выпавшим в последние дни.

Элизабет продолжала погоню за ягненком. Теперь ей стало труднее бежать, но у ягненка было целых четыре ноги, которые то и дело увязали в снегу, а у Элизабет — только две. Видимо, это дало ей некоторое преимущество.

Мамин крик утонул в уличном шуме. А потом Элизабет перестала слышать и уличный шум. Хотя в ее ушах все еще звучали слова:

— Ну что, какую игрушку будем покупать, ту или эту? Как ты считаешь, Элизабет? Хочешь, мы купим обе?

Быть может, ягненок ожил и убежал из магазина просто потому, что ему до смерти надоели стрекот кассовых аппаратов и разговоры о покупках? А Элизабет бросилась догонять ягненка потому, что никогда особенно не любила ходить по магазинам.

Иоаким оторвался от тоненького листочка, который выпал из магического календаря. То, что он прочел, показалось ему настолько удивительным, что он так и застыл с открытым ртом.

Иоаким очень любил тайны. И тут он вспомнил про шкатулку с ключиком, которую бабушка привезла ему из Польши. Мама и папа однажды торжественно поклялись, что никогда в жизни не притронутся к ключику и не станут сами открывать шкатулку, пока Иоаким спит или находится в школе. Потому что это так же нехорошо, как распечатывать чужое письмо.

До этого дня у Иоакима не было ничего по-настоящему тайного, что он мог бы спрятать в шкатулке. И вот теперь он положил в нее тоненький листок из рождественского календаря, повернул в замке ключик и спрятал его под подушку. Когда мама с папой проснулись и посмотрели на рождественский календарь, то увидели в открытом окошке просто картинку, изображавшую ягненка в большом магазине.

— Помнишь? — спросила мама и взглянула на папу. — Такую картинку мы видели в детстве.

Папа кивнул:

— И мы могли вообразить самих себя на этой картинке и домыслить все остальное. И это было гораздо лучше, чем пластмассовые фигурки, которые потом валяются, разбросанные по всему полу, и рано или поздно становятся добычей пылесоса.

Все ликовало внутри у Иоакима. Он один на белом свете знал о таинственном листочке, который выпал из календаря.

Иоаким показал пальцем на картинку, где был изображен ягненок с колокольчиком на шее.

— Этот ягненок решил убежать из магазина, потому что ему страшно надоели шум кассовых аппаратов и разговоры о покупках.

А как раз в это время в магазине находилась маленькая девочка по имени Элизабет, и она бросилась за ягненком, потому что ей очень хотелось погладить его мягкую шерстку.

— Что я говорил! Разве пластмассовая фигурка доставила бы нашему мальчику столько радости?

Весь день Иоаким только и думал о том, удастся ли Элизабет догнать ягненка, чтобы погладить его по мягкой шерстке. Узнает ли он об этом завтра утром?

Ведь, наверное, из календаря снова выпадет листочек бумаги?

2 ДЕКАБРЯ

...Я знаю короткий путь...

На следующее утро Иоаким проснулся раньше мамы с папой. Впрочем, так бывало почти всегда. Он приподнялся на кровати и посмотрел на рождественский календарь.

И сразу заметил ягненка, лежащего у ног одного пастуха. Разве это не удивительно? Ведь Иоаким столько раз уже рассматривал эту большую картинку с ангелами и волхвами, пастухами и овцами. Но никогда не замечал, чтобы там был еще и маленький ягненок.

А может быть, он обратил на него внимание сейчас лишь потому, что прочитал о ягненке на том листочке, что выпал из календаря, когда он

открыл первое окошко?

Интересно, этот ягненок на картине с Девой Марией и младенцем — тот же самый, о котором он читал? Но ведь тот ягненок убежал из современного магазина, тогда как этот, на картинке в рождественском календаре, жил в Вифлееме очень-очень давно. Никаких машин и светофоров тогда еще не было. Какие-то магазины существовали, но, конечно же, не такие, как теперь — с эскалаторами и кассовыми аппаратами. Элизабет слышала, как часы на колокольне пробили три раза. Но ведь две тысячи лет назад не было башенных часов. Иоаким знал, что именно столько лет прошло с тех пор, как родился младенец Иисус.

Иоаким нащупал створку с цифрой 2 и осторожно открыл ее. Он увидел картинку, на которой был изображен лес. В лесу стоял ангел, одной рукой он обнимал за плечи маленькую девочку. И тут же из календаря снова выпал небольшой свернутый листок.

Иоаким нагнулся и поднял листочек, упавший прямо ему на кровать. Раскрыв его, он увидел, что тот с обеих сторон весь испещрен мелкими буквами. Иоаким принялся читать:

Эфириил

Элизабет Хансен не представляла себе, как далеко она убежала и как долго преследовала ягненка с колокольчиком на шее, который умчался из отдела мягкой игрушки в большом универмаге, потому что ему надоело слушать стрекот кассовых аппаратов и неумолкающие разговоры покупателей. Когда она бежала по улицам, падал густой снег. А сейчас? Мало того что снегопад прекратился, но, к изумлению Элизабет, на тропинке тоже не было снега. Под деревьями росли мать-и-мачеха, подснежники, фиалки, что выглядело довольно-таки странно перед Рождеством.

Элизабет сорвала фиалку и стала задумчиво разглядывать нежные лепестки. Рвать цветы в это время года было также невероятно, как играть в снежки в разгар лета. Может быть, она убежала так далеко, что оказалась в стране, где всегда царит лето? А может быть, она

бежала так долго, что зима прошла, потеплело и наступила весна? Если так, то она по-прежнему в Норвегии. Но тогда куда же делось Рождество?

Так она стояла, задумавшись, пока издали до нее не донесся переливчатый звон колокольчика. Элизабет снова побежала и вскоре увидела ягненка. Он нашел крохотную лужайку со свежей травой, которую и начал с жадностью щипать.

Ничего удивительного, ведь он успел здорово проголодаться! Зимой же невозможно найти траву. И наверняка у ягненка не было во рту ни травинки за все то время, что он был мягкой игрушкой, а это продолжалось довольно долго.

Элизабет решила подкрасться к ягненку, но, как только она прыгнула, чтобы поймать его, ягненок снова пустился бежать.

— Бяша, бяша, бяша!

Элизабет изо всех сил пыталась не отстать, но вскоре споткнулась о корень сосны и растянулась во весь рост.

Хуже всего было не то, что Элизабет ушиблась, а то, что она потеряла надежду когда-нибудь догнать ягненка. Она собиралась бежать за ним хоть на край света, но ведь Земля-то круглая, и вполне могло случиться так, что ей пришлось бы бежать целую вечность или по крайней мере до тех пор, пока она не превратилась бы в совсем взрослую тетю, а тогда, наверное, ей уже стало бы неинтересно догонять ягненка с колокольчиком на шее, чтобы погладить его по шерстке.

Подняв голову, Элизабет увидела какой-то неясный силуэт между деревьями. И широко раскрыла глаза от удивления, потому что перед ней возникло удивительное существо: не человек и не зверь. Прямо из белого платья, такого же белого, как шерсть ягненка, если не белее, у этого существа росли два крыла.

Элизабет только еще начинала постигать окружающий мир. Ей уже были известны названия многих животных и птиц, хотя она все еще не могла отличить, например, зяблика от жаворонка. Или обычного верблюда от дромадера. И все же сейчас ей было совершенно ясно: эта светлая фигура наверняка ангел. До этого ей доводилось видеть ангелов только на картинках в книжках и на слайдах, и вот теперь впервые она встретилась с ним в реальной жизни.

— Не бойся, — проговорил ангел нежным голосом.

Элизабет слегка приподнялась.

— Я совсем не боюсь тебя, — ответила она чуть обиженным тоном, потому что все-таки ушиблась, когда споткнулась о корень.

Ангел подошел поближе. Казалось, что его ноги не касаются земли. Элизабет вспомнила свою двоюродную сестренку Анну, которая умела танцевать на пуантах. Ангел опустил на колени, наклонился к Элизабет, осторожно провел кончиком крыла по ее затылку и произнес:

— Я сказал «не бойся» просто на всякий случай, мы не так часто появляемся перед людьми, так что, когда это происходит, лучше предупредить человека. Ведь вы, люди, обычно очень пугаетесь при виде ангела.

Тут Элизабет вдруг расплакалась, и вовсе не потому, что испугалась ангела. И не потому, что ушиблась. Она сама не могла понять, почему расплакалась, и проговорила с трудом, всхлипывая:

— Я хочу... погладить ягненка.

Ангел кивнул:

— Конечно же, Господь для того и создал ягненка с такой мягкой шерсткой, чтобы кому-то захотелось погладить его.

Элизабет снова всхлинула:

— Ягненок бежит гораздо быстрее меня... ведь у него в два раза больше ножек, чем у меня... Разве это справедливо? И я не могу понять, куда ягненок с колокольчиком на шее так ужасно спешит.

Ангел помог Элизабет подняться на ноги и доверительно сообщил:

— Он спешит в Вифлеем.

Элизабет перестала плакать.

— В Вифлеем?

— Да, в Вифлеем, в Вифлеем! Ведь там родился Иисус Христос.

Элизабет очень удивили слова ангела. Пытаясь скрыть изумление, она начала стряхивать землю и траву со своих брюк. Ее красная курточка тоже испачкалась.

— Тогда и я пойду в Вифлеем, — сказала Элизабет.

Ангел будто снова затанцевал на кончиках пальцев.

— Вот и хорошо. Ведь и я собираюсь туда. Мы можем отправиться все втроем.

Элизабет давно прочно усвоила, что никогда не следует разговаривать с незнакомыми людьми. И это, несомненно, относилось также к ангелам и троллям. Она подняла глаза на ангела и спросила:

— А как тебя зовут?

Элизабет думала, что ангел — мужчина, но теперь засомневалась. Ведь он сделал реверанс, как его делают балерины, а потом ответил:

— Меня зовут Эфириил.

— Похоже на название бабочки. Ты сказал: Эфириил?

Ангел кивнул.

— Да, меня зовут просто Эфириил. У ангелов нет ни матери, ни отца — и потому нет фамилии.

Элизабет шмыгнула носом в последний раз. А потом произнесла:

— Мне кажется, у нас нет времени для разговоров, если мы точно решили идти в Вифлеем. Ведь это очень-очень далеко?

— Нам придется идти далеко и на много лет назад... Но я знаю короткий путь.

И они тотчас отправились вперед. Первым бежал ягненок, за ним Элизабет, а последним, пританцовывая, едва касаясь земли, парил ангел.

На бегу Элизабет с сожалением подумала о том, что не спросила ангела, почему это вдруг неожиданно наступило лето. Но тут же заметила на тропинке впереди себя ягненка с колокольчиком на шее и не решилась останавливаться.

— Бяша, бяша, бяша!

Иоаким поспешно спрятал листочек в потайную шкатулку, ключик от которой был только у него.

Этот старинный календарь оставил в книжной лавке торговец цветами Иоанн. Интересно, знал ли Иоанн об этих записках, выпадающих из окошек? Или Иоаким единственный в целом мире знает об этой тайне? Ведь никто, кроме него, не открывал окошек в календаре.

Но тут ему пришла в голову еще одна мысль. Элизабет — осенило его. Кажется, так звали даму, портрет которой Иоанн поставил на витрине книжной лавки.

Ну да, точно. Неужели это та самая Элизабет, о которой рассказывается в магическом календаре? Там она маленькая девочка, но календарь-то уже такой старый, что у нее вполне хватило бы времени, чтобы вырасти.

И сегодня мама с папой пришли в его комнату, чтобы взглянуть на новую картинку в календаре.

— Ангел, — торжественно прошептала мама и закрыла рот ладошкой.

— Он утешает Элизабет, — объяснил Иоаким. — Она так быстро бежала за ягненком, что упала и ушиблась.

Мама подмигнула папе, и тот заговорщически улыбнулся. Потому что им казалось, будто Иоаким горазд придумывать разные истории насчет картинок в календаре. Им было невдомек, что он абсолютно ничего не выдумал.

В тот день уроки в школе начинались совсем рано, так что времени на разговоры с родителями не оставалось. Но по дороге в школу Иоаким не

мог думать ни о чем другом.

За последние дни выпало столько снега, что, когда он пересекал большую спортивную площадку, его ноги увязали в сугробах. Вдруг он остановился и принялся размышлять. В самом начале своей погони за ягненком с колокольчиком на шее Элизабет тоже вязла в снегу. А потом внезапно наступило лето. Но ведь это невероятно!

Придя домой из школы, Иоаким сам открыл ключом входную дверь. Почти каждый день он приходил домой раньше, чем возвращалась с работы мама.

Иоаким бросился в свою комнату и посмотрел на волшебный календарь. Да, он висит на том же месте. Несколько раз за день Иоаким спрашивал себя: уж не выдумал ли он все это, ведь Иоаким и вправду любил пофантазировать.

Сейчас он прямо-таки сгорал от любопытства. Какая картинка откроется под окошком, на котором стояла цифра 3? Что случится дальше с Элизабет и ангелом Эфириилом?

А что, если взять и открыть створку прямо сейчас? Ведь он может приклеить ее обратно и сделать вид, будто не открывал.

Но ведь это будет обманом. Не годится плутовать в карточной игре, а что касается Рождества, и того хуже. Это то же самое, что заглядывать в свертки с подарками, которые нельзя открывать раньше, чем наступит Сочельник, все равно что обкрадывать самого себя.

Вскоре пришла с работы мама и принялась чистить картошку и морковку. Потом пришел папа. Он пожаловался, что потерял водительское удостоверение.

— Уму непостижимо, — сетовал он. — Нигде нет: ни в машине, ни на работе, ни в кармане пальто.

— Ты просто-напросто растяпа, — заявил Иоаким, ведь то же самое папа всегда говорил ему, когда он не мог найти свой пенал или не убирал игрушки на место.

В этот вечер Иоаким сам объявил, что ему пора спать. Кажется, впервые в жизни Иоаким без напоминания изъявил желание лечь в постель.

— Уж не захворал ли ты, мальчик мой? — спросила мама.

— Да нет же. Просто я не могу дождаться утра, чтобы открыть следующее окошко в волшебном календаре.

3 ДЕКАБРЯ

*...То же самое, что плыть на всех парусах
или бежать вниз по эскалатору...*

Третьего декабря Иоаким проснулся пораньше. Он посмотрел на ходики в виде утенка Дональда, которые висели над его письменным столом. Они показывали без пятнадцати семь. Оставалось еще целых полчаса до того времени, когда обычно просыпались мама и папа.

Ему приснился странный сон, но он никак не мог его вспомнить. Кажется, что-то про ангела Эфириила и ягненка с колокольчиком на шее.

И вновь Иоаким приподнялся в своей кровати и взглянул на волшебный календарь, который ему подарил седовласый книготорговец.

Наверху там было изображено несколько ангелов, которые смотрели вниз на Землю. Один из них трубил в трубу. Конечно же для того, чтобы разбудить всех овец и пастухов на поле. Именно таким Иоаким и представлял себе Эфириила, когда читал о нем на листке, выпавшем из календаря.

И вдруг Иоакиму показалось, что ангел, изображенный на картинке справа, улыбается и словно бы хочет взмахнуть рукой. И еще — что по сравнению со вчерашним днем изображение ангела стало сегодня более отчетливым.

Иоаким встал в кровати и открыл створки с цифрой 3. Он увидел на картинке старинный автомобиль. Такой автомобиль был в Музее истории техники, куда они ходили вместе с бабушкой.

Иоакиму было совершенно непонятно, какое отношение к Рождеству мог иметь старинный автомобиль, но он не стал над этим задумываться, а просто раскрыл листок, снова выпавший из окошка прямо ему в руки. Уютно завернувшись в одеяло, он начал читать:

Вторая овца

Элизабет и ангел Эфириил спешили вслед за ягнёнком с колокольчиком на шее, который сбежал от шума кассовых аппаратов и болтовни покупателей в большом универмаге. Вскоре все трое выбежали из леса и оказались на проселочной дороге. Вдали виднелось несколько высоких фабричных труб, из которых вырывался чёрный дым.

— Это какой-то город, — сказала Элизабет.

— Халден, — пояснил ангел. — Он расположен недалеко от границы со Швецией. Это означает, что мы на правильном пути. Ведь наш путь в Вифлеем лежит через Швецию.

Не успел ангел закончить фразу, как его прервал какой-то дребезжащий звук, раздавшийся у них за спиной. Элизабет оглянулась и увидела старинный автомобиль. За рулем сидел мужчина в пальто и шляпе. У него была окладистая борода, и он чем-то напоминал прадедушку Элизабет, фотография которого стояла на камине. Когда автомобиль

проезжал мимо них, мужчина протрубил в рожок и помахал им шляпой.

— Старинный автомобиль. Наверное, старая рухлядь.

Ангел Эфириил прикрыл лицо рукой, чтобы скрыть улыбку.

— Да нет же, он новехонький.

Элизабет недоуменно вздохнула.

— Я всегда думала, что ангелы гораздо умнее людей, но, кажется, не по части автомобилей. — Ей вовсе не хотелось ссориться с ангелом, и поэтому она добавила: — Впрочем, это не удивительно, ведь у вас есть крылья, и конечно же, там, у себя на небе, вы не ездите на автомобилях. Кроме того, я могу предположить, что Бог запретил все виды загрязнения окружающей среды.

Эфириил указал Элизабет на сложенные у дороги бревна.

— Сядь, — сказал ангел. — Ты заслужила небольшой отдых, к тому же я должен рассказать тебе кое-что важное о нашем странствии в Вифлеем.

Элизабет села на бревно и посмотрела на ангела.

— А ты разве не устал? — спросила она.

Ангел покачал головой:

— Нет, ангелы не устают, ведь мы не из плоти и крови, когда вы, люди, устаете, именно ваша плоть страдает больше всего.

Элизабет стало неловко: как она могла подумать, что ангелы устают. Будь это так, вряд ли они отважились бы летать в огромном пространстве между небом и землей. Ведь расстояние от неба до земли гораздо больше, чем путь в Вифлеем. Что же касается проехавшего мимо автомобиля, тут, кажется, она была права: ведь это же и вправду был старинный автомобиль?

Ангел спросил:

— Скажите мне, милое дитя, куда именно мы направляемся?

— В Вифлеем, — ответила Элизабет. Об этом-то она как раз и размышляла.

— Хорошо, а зачем мы идем туда?

— Мы хотим погладить ягненка.

Ангел кивнул.

— Мы идем туда, чтобы приветствовать приход в мир младенца Иисуса. Его называли агнцем Божиим. Потому что он такой же кроткий и невинный, как и маленький ягненок с его пушистой шерсткой.

Элизабет пожала плечами, она ни о чем таком не думала. Ангел продолжал:

— И сейчас мы не просто направляемся в Вифлеем, мы должны

совершить почти двухтысячелетний обратный путь во времени — ведь к тому моменту, когда ты бросилась догонять ягненка с колокольчиком на шее, прошло примерно столько лет со дня рождения Иисуса. Мы попытаемся успеть в Вифлеем как раз к этому великому событию.

Элизабет открыла рот от удивления.

— Но разве можно путешествовать во времени в обратную сторону?

Эфириил утвердительно кивнул:

— Вполне. Для Господа Бога нет ничего невозможного, а я его посланник, так что и для меня почти нет невозможного. Мы уже прошли часть пути. Перед тобой город Халден, и мы находимся в начале двадцатого столетия от Рождества Христова. Понимаешь?

У Элизабет глаза округлились от изумления.

— Теперь, кажется, да... понимаю. Тогда, наверное, проехавший автомобиль не такой уж старый.

— Верно, он и был новехонький. Ты наверняка заметила, с какой гордостью трубил в рожок человек, который вел машину, ведь сейчас, в начале века, автомобиль — большая редкость.

Элизабет Хансен ловила каждое слово ангела в белых одеждах, а Эфириил продолжал:

— Если в Вифлеем идти обычным путем, то это займет невероятно много времени. Но ведь мы движемся по наклонной плоскости в глубь истории и поэтому как бы все время спускаемся вниз по склону горы. Это примерно то же самое, что плыть на всех парусах или бежать вниз по эскалатору.

Элизабет кивала, она не была уверена, что поняла все сказанное ангелом, но по крайней мере стало ясно, как все сложно.

— А откуда ты знаешь, что сейчас начало двадцатого века?

Ангел поднял руку и показал золотые часы у себя на запястье.

Ремешок украшали жемчужины. На циферблате виднелась цифра — 1916.

— Это ангельские часы, — объяснил Эфириил. — Они не так точны, как обычные. У нас на небе часы и минуты не столь важны.

— А почему?

— В нашем распоряжении целая вечность, — сказал ангел. — К тому же нам не нужно спешить на автобус, чтобы успеть на работу.

Элизабет очень удивилась словам ангела, но теперь, кажется, она стала догадываться, почему часы на церковной башне пробили только три раза, хотя, когда она выбежала из магазина, было уже по крайней мере шесть или семь часов. Теперь ей стало ясно, почему исчез снег и наступило

лето, она бежала во времени назад.

— Ты начала бежать словно бы по склону истории уже в то мгновение, когда пустилась догонять ягненка с колокольчиком на шее, — продолжал ангел Эфириил. — Тогда-то и началось твое великое странствие сквозь время и пространство.

Навстречу им проехал другой старинный автомобиль. За ним вился такой густой столб пыли и песка, что Элизабет расчихалась, когда пыль осела, Элизабет показала рукой:

— Вон наш ягненок. Ой, с ним еще взрослая овца...

Ангел кивнул.

— Истинно говорю тебе, что и эта овца тоже направляется в Вифлеем.

И они снова пустились бежать. Элизабет и ангел чуть не догнали овцу с ягненком, но те еще быстрее пустились вперед.

— Бяша, бяша, бяша! — звала Элизабет.

Но ни овца, ни ягненок не останавливались: ведь они спешат в Вифлеем, в Вифлеем!

На окраине Халдена они на секунду приостановились, чтобы окинуть взглядом людей, спешащих по улицам и площади. Дамы были в ярких хлопчатобумажных платьях и широкополых шляпах различных цветов. По улицам с тарактеньем проезжали старинные автомобили, но можно было увидеть и экипажи, запряженные лошадьми.

Но вот город уже остался позади, и они подошли к пограничному пункту. На огромном щите было написано: «Государственная граница. ШВЕЦИЯ».

Элизабет остановилась как вкопанная.

— Как ты думаешь, нас пустят в Швецию?

Подобно гигантской бабочке, ангел парил рядом с Элизабет.

— Никто не осмелится воспрепятствовать шествию паломников, — отозвался он. — К тому же всего несколько недель назад у Норвегии и Швеции был один и тот же король.

— Можно мне еще раз взглянуть на твои ангельские часы?

Эфириил вытянул перед ней руку. Стрелки показывали 1905 год.

И вот все они пробежали мимо двух солдат, охранявших границу, — сначала овца с ягненком, а немного погодя Элизабет Хансен и ангел Эфириил.

— Стойте! — кричали солдаты. — Именем закона!

Но маленькая процессия была уже в глубине Швеции. Они еще на несколько лет приблизились к дню рождения Иисуса Христа.

Иоаким снова встал в кровати. Так вот что означает картинка с изображением старинного автомобиля!

И вот почему наступило лето.

Иоаким поспешил спрятать листок с историей про Элизабет и ангела и запереть секретную шкатулку — ведь мама и папа в любую минуту могли войти в комнату. После этого он долго сидел, размышляя над прочитанным.

Теперь ему многое стало понятно. Элизабет не просто бросилась догонять ягненка с колокольчиком на шее и стала пробираться вслед за ним через большой лес — она начала обратный бег во времени. Она уже успела прибежать в 1905 год, но ее целью был Вифлеем времен рождения Христа. Иоаким знал, что это произошло почти две тысячи лет назад.

Иоаким был уже большой мальчик и понимал, что бежать назад во времени невозможно. Но этот путь можно проделать мысленно.

В школе он слышал, что тысячелетие для человека — это всего лишь один день для Бога. Да и ангел Эфириил растолковал Элизабет, что для Господа нет ничего невозможного.

Но неужели Элизабет и ангел действительно перемещались назад во времени?

Тут он услышал, как вошла мама. Она приотворила дверь в комнату Иоакима и спросила:

— Ты уже открывал сегодня рождественский календарь?

Он кивнул, а мама склонилась над календарем.

— Надо же! Старинный автомобиль! — воскликнула она.

В ее голосе звучало некоторое удивление, даже разочарование. Наверное, она думала, что в каждом окошке должны быть изображения ангелов или еще что-то божественное, связанное с Рождеством.

— Это потому, что Элизабет и ангел Эфириил прибежали в Швецию как раз в то время, когда такие автомобили появились, — объяснил Иоаким. — Они будут бежать до самого Вифлеема.

— Ах ты, мой сочинитель, — сказала мама и потрепала его по волосам. А потом ушла в ванную.

У Иоакима даже закололо в животе, когда он стал размышлять обо всех этих удивительных и загадочных приключениях, о которых ему довелось узнать и которые мама с папой считали всего лишь его выдумкой. И тут его осенила прекрасная мысль. Перед Сочельником он завернет все листочки, выпавшие из календаря, в красивую бумагу и положит под елкой, а на пакетике напишет: «Самым лучшим на свете маме и папе».

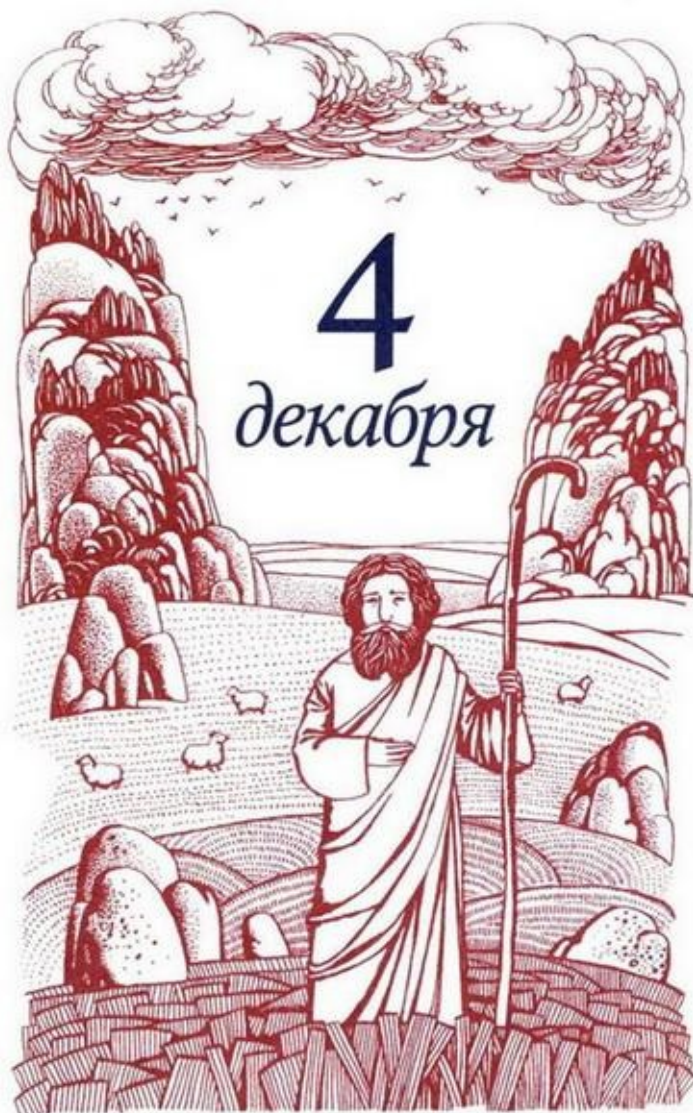
Здорово придумано, и теперь он с еще большей радостью ожидал приближающееся Рождество, хотя в предвкушении праздника была не

только радость. Было и сожаление, ведь ждать надо было еще так долго. И когда с волнением ждешь чего-то радостного, от этого прямо-таки начинает болеть голова.

После обеда папа опять начал жаловаться, что никак не может найти свое водительское удостоверение. Мама сказала, что он теперь больше не имеет права садиться за руль. Услышав такое, папа запыхтел как паровоз.

4 ДЕКАБРЯ

...Он едва успел пошире раскрыть глаза...

У Иоакима было теперь целых две тайны. Одна заключалась в том, что он находил и прочитывал выпадавшие из волшебного календаря листочки до того, как утром просыпались мама и папа. Другая — в том, что он хранил эти листочки в шкатулке, которую бабушка привезла ему из Польши.

Иоаким начал готовить самый лучший на свете рождественский подарок. Единственное, что от него требовалось, — это незаметно извлекать листочки из календаря и прятать их в секретной шкатулке,

которую он один имел право открывать. А потом ему останется только найти подходящую подарочную бумагу, пока мама будет готовить рождественский ужин.

Но самым загадочным во всей этой истории был, конечно же, сам рождественский календарь, который оставил в книжной лавке старик Иоанн.

Кто же этот таинственный продавец роз? С какой целью он поставил волшебный календарь на полку в лавке?

Старик Иоанн был когда-то знаком с женщиной по имени Элизабет. Во всяком случае, он выставил ее портрет в витрине. Была ли это та же самая Элизабет, о которой рассказывалось в посланиях, выпадавших из рождественского календаря всякий раз, когда Иоаким открывал очередное окошко? Там говорилось о маленькой девочке, которая была, пожалуй, не старше Иоакима. Но ведь с того времени прошло уже столько лет!

Проснувшись в пятницу 4 декабря, Иоаким сразу же открыл четвертое окошко в календаре. Правда, сначала он прислушался и убедился, что в доме стоит полная тишина.

На картинке перед ним предстал человек в голубом одеянии, похожем на ночную рубашку. В одной руке он держал длинный посох. Но Иоакиму было некогда изучать картинку, так как на его постель опять упала сложенная записка. Он развернул ее и прочел:

Иисус Навин

Элизабет Хансен и ангел Эфириил бежали вслед за овцой и ягненком с колокольчиком на шее. Они миновали красный деревянный домик, а за ним небольшие участки возделанной земли, расположенные на расчищенной от леса территории. Потом остановились на холме, и Эфириил показал рукой на огромное озеро.

— Это самое большое озеро в Скандинавии, — объяснил ангел. — Мои часы показывают тысяча восемьсот девяносто первый год от Рождества Христова, а мы все еще в Швеции.

Из озера вытекала быстрая река, через реку был перекинут мост, и

они перебрались по нему на другую сторону.

Это Гёта-Эльв, — объяснил Эфириил. — Мы пойдем по старой проселочной дороге вдоль ее берега.

— Бяша, бяша, бяша, — позвала Элизабет, но овца с ягненком снова припустились бежать.

На пути показалась деревня, на околице стояла выкрашенная в красный цвет деревянная церковь: к ней направлялся поток людей со всех концов деревни. Большинство шли пешком, но некоторые сидели в крепко сколоченных двуколках, запряженных лошадьми. Мужчины были в черных костюмах и шляпах, женщины — тоже в черном. Некоторые держали в руках сборники псалмов.

— Наверняка сегодня воскресенье, — заметила Элизабет.

Они приостановились на пару секунд, чтобы посмотреть на этих людей. Вдруг какой-то маленький мальчик заметил их, но едва он успел пошире раскрыть глаза, как ангел Эфириил продолжил свой бег. И Элизабет поспешила за ним, чтобы не отстать от всех. Один разок она все же оглянулась, но люди перед церковью уже исчезли из поля зрения, также как и лошади с повозками.

Когда деревня осталась далеко позади, Элизабет повернулась к ангелу и сказала:

— Нас заметил только один маленький мальчик.

— Вот и прекрасно. Мы стараемся не привлекать к себе внимания. Случается, что кто-то порой увидит нас, но длится это всего одно мгновение.

Они продолжили свой путь среди лесов и полей. Время от времени они встречали людей, которые развешивали сушиться сено на колья с поперечинами или жали рожь и пшеницу, чтобы не испугать их, им порой приходилось сворачивать с дороги и двигаться в обход.

Вскоре овца с ягненком оказались на пастбище со свежей, ослепительно зеленой травой.

— У нас снова появилась надежда погладить ягненка, — прошептала Элизабет. — Если мы только сумеем осторожно подкрасться.

Но не успела она договорить до конца, как заметила, что к ним приближается какой-то человек, одетый в голубую тогу. В одной руке он держал длинный посох с загнутым концом. Подойдя к ним, человек торжественно произнес:

— Мир да пребудет с теми, кто идет по узкой дорожке вдоль Гёта-Эльв. Я пастух. Меня зовут Иисус Навин.

— Значит, ты один из нас, — обратился к нему ангел Эфириил.

Элизабет не поняла, что имел в виду ангел. Но пастух отозвался:

— Я пойду с вами в Святую землю, потому что должен быть там на поле, когда ангелы провозгласят радостную весть о рождении младенца Иисуса Христа.

И тут Элизабет пришла в голову счастливая мысль:

— Если ты взаправду пастух, то, наверное, сможешь приманить ягненка.

Пастух низко поклонился:

— Для подлинного пастыря это самое простое дело.

И пастух решительно направился к овце и ягненку. Вскоре ягненок уже опустился на землю перед Элизабет. Элизабет встала на колени и погладила ягненка по мягкой шерстке.

— Наверное, ты самая быstroногая мягкая игрушка на свете, — сказала она. — Но я все же поймала тебя в конце концов.

Вскоре пастух ударил посохом о землю и провозгласил:

— В Вифлеем, в Вифлеем!

Ягненок и овца вновь пустились бежать. А за ними — пастух, ангел и Элизабет.

И опять на их пути оказался маленький городок. Прямо с холма они увидели стайку тесно прижавшихся друг к другу красных деревянных домиков, на бегу ангел успел сообщить Элизабет, что город называется Кунгельв.

— Это название означает «королевская каменная плита», потому что здесь встречались скандинавские короли для обсуждения своих важных дел. Одним из них был Сигурд Йорсалфар.

Йорсалфар! Элизабет это имя показалось таким смешным, что она расхохоталась.

— Значит, он наверняка был отцом мальчика или девочки по имени Йорсал {Far (норв.) — отец.}, — сказала она.

Но ангел покачал головой:

— Йорсалфар означает «посетивший Иерусалим». Сигурда назвали так потому, что он совершил паломничество в Святую землю {Farer (норв.) — путешественник, здесь: паломник. От этого слова и произошло прозвище Сигурда.}, туда, где родился младенец Иисус.

Овца и ягненок бежали уже далеко впереди. За ними спешил пастух Навин. Элизабет и ангелу Эфириилу пришлось поднапрячься и побежать быстрее. Вскоре они увидели большой город в устье Гёта-Эльв. Они остановились на холме, чтобы взглянуть на город. По улицам прогуливались дамы в длинных платьях и мужчины в шляпах и с тростью в

руках. Некоторые восседали в красивых каретах, запряженных парой лошадей.

— Это Гётеборг, — объяснил Эфириил. — Мои часы показывают тысяча восемьсот четырнадцатый год, именно в эти дни Норвегия освободится от датского владычества и заключит унию со Швецией. Теперь у Норвегии будет своя конституция.

Пастух Навин оглянулся и махнул им рукой.

— В Вифлеем, — провозгласил он, — В Вифлеем!

И все они побежали дальше.

Едва Иоаким успел спрятать листок бумаги в секретную шкатулку, как мама вошла к нему в комнату.

— Ну что, какая картинка в календаре сегодня? — спросила она.

Иоаким знал: можно и не отвечать на этот вопрос. Мама все равно захочет увидеть картинку сама. Она всплеснула руками:

— Наверно, это один из пастырей на поле.

Иоаким посмотрел на нее:

— Почему ты так говоришь — «на поле»?

И мама рассказала ему, что в старых добрых рождественских календарях любили изображать пастырей на поле, которым ангелы возвещают о рождении младенца Иисуса Христа.

— Пастырь — это то же самое, что пастух, а те, кого пасет пастырь, называются паствой.

— Они уже в Гётеборге, — объяснил Иоаким.

— В Гётеборге? — Мама с удивлением посмотрела на него. — Кто это — они?

— Элизабет Хансен, ангел Эфириил и пастух Навин. Они все идут в Вифлеем.

У мамы рот открылся от изумления.

— Не надо чересчур серьезно относиться к картинкам в календаре. Это всего лишь картинки.

Тут Иоаким понял, что ему не следует больше рассказывать маме и папе о приключениях Элизабет. Иначе он не сможет сохранить в тайне все эти листочки из календаря, а ведь он собирается преподнести их родителям в подарок на Рождество.

Иоаким подумал еще вот о чем: надо попытаться как-нибудь поговорить с Иоанном. Ведь только он знает, откуда взялся этот волшебный календарь. Наверное, ему известно еще что-нибудь об Элизабет Хансен. Но как найти Иоанна? Иоакиму никто не разрешит ехать в город одному и разгуливать по площади.

В тот самый день он, как обычно, вернулся домой из школы, но едва успел войти, как раздался звонок в дверь. Это не могла быть мама, ведь она знала, что Иоаким никогда не запирает за собой. Кто же это?

Он подошел к входной двери и открыл ее. У входа стоял седовласый хозяин книжной лавки, который подарил Иоакиму старинный календарь.

— А, это ты, — сказал книготорговец. — Я так и предполагал, что дома окажешься только ты.

— Ну и что из этого? — спросил Иоаким, который слегка перепугался: а вдруг владелец книжной лавки пришел, чтобы забрать свой календарь обратно?

Интересно, а откуда он узнал их адрес?

Книготорговец сунул руку в карман пальто и достал водительское удостоверение.

— Твой отец оставил его на прилавке, — объяснил он. — Я думал, вы сами придете за ним в магазин, но, раз вы не пришли, решил найти ваш адрес в телефонном справочнике. Оказалось, что я ваш сосед. Клеверная улица, двадцать один.

Это действительно недалеко. Одноклассник Иоакима живет в доме № 7 на той же улице.

— Ну, и как у тебя идут дела с волшебным календарем? — спросил книготорговец.

— Просто замечательно. Этот календарь не только сам по себе волшебный. В нем еще находятся удивительные, загадочные послания.

— Да неужели?

Владелец лавки широко улыбнулся и протянул Иоакиму папино водительское удостоверение.

— Ну ладно, мне пора. Сейчас у нас, книготорговцев, дел хоть отбавляй.

Вскоре вернулись с работы и родители Иоакима. А потом все вместе они сели обедать.

Иоаким решил молчать о водительском удостоверении до тех пор, пока папа сам не затеет о нем разговор. Поэтому он завел беседу о совершенно других вещах:

— Что такое «странствие паломников»?

Мама и папа очень удивились такому вопросу, ведь «странствие паломников» довольно трудное выражение для ребенка. Папа добавил себе на тарелку рыбного филе и сказал:

— Паломник, или пилигрим, — это тот, кто совершает путешествие к святым местам.

— Так же, как Сигурд Йорсалфар? — продолжал спрашивать Иоаким.
— Он побывал в самом Иерусалиме. И потому получил свое прозвище.

Мама с папой переглянулись.

— Это вам в школе рассказывали о Сигурде Йорсалфаре? — спросила мама.

Иоаким покачал головой. Он понял, что пришло время заговорить о водительском удостоверении. И посмотрел на папу.

— Ты нашел свое водительское удостоверение?

— Увы, нет, — ответил папа почти сердито.

— Оно у меня, — сообщил Иоаким.

Он принес из своей комнаты удостоверение. Протянул его отцу и лукаво улыбнулся.

Папа едва не подавился. А затем нахмурился и спросил:

— Где же ты нашел его, Иоаким? Уж не ты ли...

Иоаким поспешил прервать отца, прежде чем тот успеет произнести нечто такое, в чем потом будет раскаиваться.

— Ты забыл его в книжной лавке, там, где мы купили рождественский календарь.

Папа так обрадовался, словно среди бела дня его вдруг посетил ангел. Собственно говоря, в какой-то мере так оно и было, только ангел прилетел не сам, а послал вместо себя седовласого книготорговца.

— Он приходил незадолго до того, как вы вернулись с работы, — объяснил Иоаким. — Он сказал, что разыскал нас по телефонному справочнику.

Тут наконец мама с папой поняли, как все было.

— Это очень необычно для книготорговца, — заметил папа. Он повернулся к маме. — Ты понимаешь, это просто невероятно.

— Ты просто невероятный растяпа, — заключил Иоаким.

5 ДЕКАБРЯ

*...Год спешит за годом,
поколений прежних заносит след,
но и сегодня ангелов пенье славит
Творца, как и в прежний век...*

Иоаким был очень рад, что за окошками календаря не было ни шоколадок, ни пластмассовых фигурок. Но и папа был не прав, когда сказал, что там всего-навсего лишь картинки. Этот волшебный календарь, стоивший когда-то 75 эре, хранил в себе удивительную историю о девочке Элизабет, которая пустилась вдогонку за ягненком, бежавшим в Вифлеем,

где две тысячи лет назад явился на свет Иисус Христос. Чтобы прочитать всю эту историю до конца, требовалось 24 дня, потому что она была разделена на 24 главы, причем на каждый день приходилась одна глава. Каждый день к процессии паломников присоединялся кто-то новый.

Пятого декабря была суббота. Обычно по субботам мама с папой спали дольше обычного. А Иоаким проснулся как в будний день — около семи. Он приподнялся на кровати и долго вглядывался в большую картинку на календаре.

И вдруг заметил, что один из пастухов держит в руках точно такой же посох, как и пастух Навин.

Почему же он не видел этого раньше?

И так всякий раз, когда Иоаким вновь начинал разглядывать волшебный календарь, он замечал что-то новое. Но неужели там может появиться что-то такое, чего не было раньше? Тогда это будет самое настоящее волшебство.

Иоаким затаил дыхание.

Может быть, именно это и делало календарь волшебным? Видимо, изображение на нем менялось всякий раз после того, как Иоаким открывал очередное окошко и прочитывал написанное на листочке.

Но разве это возможно?

Иоаким знал, что, когда печешь булочки, самое главное — дать тесту подойти, а потом придать форму булочке на доске для раскатки, а уж потом поставить ее в духовку, где она окончательно приобретет форму, испечется. Он знал: каким-то образом это связано с дрожжами, ведь Иоаким много раз помогал маме или папе печь булочки. Когда он был совсем маленьким, то думал, что до своего рождения дети в животе у мамы точь-в-точь похожи на такие комочки теста, из которых потом получаются настоящие булочки.

А может быть, и весь окружающий мир — это волшебный рисунок, который преобразуется сам собой? Ведь мир вокруг нас постоянно изменяется.

Иоаким замер, напряженно вглядываясь в волшебный календарь: если Бог создал мир таким, что тот способен изменяться сам собой вплоть до самых незначительных деталей, значит, он вполне мог создать и картинку, которая может преобразуется сама собой прямо на глазах того, кто ее рассматривает?

И тут Иоаким перевел дух. У него теперь уже не было сомнения в том, что пастух на большой картинке был тот же самый, которого Элизабет повстречала по дороге в Вифлеем. Единственно, что вызывало сомнение Иоакима, — был ли в руках у пастуха посох уже тогда, когда Иоаким

получил календарь от книготорговца в книжной лавке. Но пусть он так никогда и не узнает этого, все равно ясно: картинка на календаре необыкновенная, ведь всякий раз на ней открывается что-то новое. Уже одно это делало календарь совершенно удивительным.

Иоаким стал снова рассматривать те маленькие картинки, которые обнаружил за окошками. На самой первой была изображена Элизабет рядом с ягненком в отделе игрушек. А потом перед ним предстали ангел в лесу, старинный автомобиль и пастух с посохом.

Иоаким раскрыл окошко с цифрой 5. На картинке была нарисована лодка. В лодке сидели пастух, ангел, маленькая девочка и несколько овец. Иоаким сразу понял, кто это. Но больше всего его интересовало послание на тоненьком листочке бумаги.

Он развернул его и с нетерпением начал читать:

Третья овца

Элизабет, ягненок, ангел, овца и пастух бежали через Швецию по дорогам, засыпанным гравием, по заросшим травой проселочным дорогам, среди золотистых полей, сквозь густые леса и наконец пришли к маленькому городку у моря. Дул такой сильный ветер, что море было беспокойно и волны обрушивались на причал. Вдали, на горизонте, они заметили ишуну с тремя высокими мачтами. На окраине города стоял огромный замок.

— Мы находимся в провинции Халланд, — пояснил Эфириил. — Город называется Хальмстад, а о берег бьются волны пролива Каттегат. Часы показывают, что прошло уже тысяча семьсот восемьдесят девять лет от Рождества Христова.

— Мы все еще в Швеции? — спросила Элизабет.

Эфириил кивнул.

— Но не так давно это была часть Дании.

Пастух Навин снова стал торопить их. Чем дальше на юг, тем более равнинной становилась местность. Среди пастбищ и огороженных выгонов там и сям попадались деревушки всего из нескольких домиков; в

каждой была церковь.

Они бежали сквозь густой дремучий лес. Вдруг пастух Навин остановился и опустился на колени возле березы. Он заметил овцу, попавшую в силки.

— Кто-то расставил силки для зайца или для лисы, — сказал он, затем освободил ногу овцы из веревочной петли и добавил: — Но теперь эта овца должна отправиться с нами в Вифлеем.

Ангел Эфириил решительно кивнул:

— Да, ведь она тоже одна из нас.

Казалось, что овца так и старается подтвердить их слова.

— Бе! — отозвалась она. — Бе-е...

И они снова пустились в путь: впереди ягненок и две овцы, за ними пастух, замыкали процессию Элизабет Хансен и ангел Эфириил.

Они подошли к какому-то городу и остановились перед старой церковью с двумя башнями у входа.

Ангел объяснил, что они находятся в провинции Сконе, город называется Лунд, а эту старинную церковь правильнее называть собором. Ангел посмотрел на свои ангельские часы.

— На моих часах тысяча семьсот сорок пятый год. Этот величественный собор стоит здесь уже много лет. Ведь по всему миру построено огромное количество церквей и соборов в ознаменование того, что в Вифлееме родился младенец Иисус. Когда бросаешь в землю маленькое зернышко, из него вырастает колос, который кладет начало целому полю пшеницы. Так и небесная благодать — от одного зернышка распространяется по всему миру.

Элизабет подивилась словам ангела.

— А можно войти внутрь?

Ангел кивнул, и они вошли под высокие своды храма. Сначала овцы с ягненком, потом пастух, а потом Элизабет Хансен.

Здесь, внутри, Элизабет услышала самые прекрасные звуки, какие ей когда-либо доводилось слышать. Их изливали струны большого органа. Звуки были настолько нежными и величественными, что на глаза Элизабет навернулись слезы. Ангел заметил это и сказал ей:

— Да-да, плачь, дитя мое. Эту чудесную музыку сочинил Иоганн Себастьян Бах. Он живет в Германии, но его музыка уже покорила всю Европу. И это неудивительно, ведь в его музыке — частица небесной благодати.

Единственное, что мешало слушать чарующую музыку, — это блеяние двух овец да ягненок, который носился вокруг, отчего колокольчик

на его шее залиvisto звенел.

Облаченный в черное человек сошел с хоров. Это был настоятель собора.

— А ну-ка, прочь отсюда, — произнес он сурово. — Это вам не хлев, а кафедральный собор города Лунда.

Тогда ангел Эфириил выступил вперед, прямо навстречу священнику. Он взмахнул крыльями и произнес:

— Не бойтесь, господин пастор. И в то же время вспомните, что Иисус родился в хлеву и его называют «добрым пастырем».

Священник оторопел: хоть он долгое время и был пастырем в том старинном соборе, но отнюдь не привык к встречам с ангелами и тому подобным чудесам. Он упал на колени и молитвенно сложил руки.

— Боже всемогущий! — воскликнул он.

Он так и остался стоять на коленях, когда ангел сделал знак, чтобы все удалились.

— Подобные встречи никогда не должны затягиваться, — пояснил Эфириил. — Вероятно, теперь он напишет послание епископу. И либо эта история погрузится в забвение, либо о чуде в Лунде начнут распространяться всевозможные слухи. Но, как бы то ни было, епископ, конечно же, напомним священнику, что слово «пастор» означает «овечий пастух».

Навин ударил своим пастушьим посохом по церковной стене.

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Они проходили через большой парк, где пело и щебетало множество птиц, вдруг впереди показались вооруженные всадники. Увидев шумную процессию с блеющими овцами, они закричали:

— Стой!

И поскакали прямо на наших пилигримов. Но в то самое мгновение, когда всадники уже наклонились в седлах, чтобы схватить пастуха Навина, все они неожиданно исчезли, как пропадает капля росы под теплыми солнечными лучами.

Элизабет от изумления разинула рот, потому что они никуда не перенеслись, а оставались точно на том же самом месте, где им встретились стражники.

— Они исчезли! — воскликнула она.

Ангел засмеялся своим серебряным смехом.

— В некотором роде это так. Но на самом деле для них исчезли мы. Наверное, они так перепугались, что попадали с лошадей.

Удивлению Элизабет не было границ. Она никак не могла взять в

толк, что же произошло, тогда Эфириилу пришлось снова подробнее объяснить ей, куда именно они исчезли.

— Мы странствуем одновременно в двух измерениях. Ясно, что наш путь лежит в пространстве — по поверхности земли на юг, в город Вифлеем, расположенный в Иудее. С другой стороны, наше путешествие идет во времени сквозь историю, назад, в город Давида, к тому часу, когда родился Христос. Это весьма необычное странствие, многие сочтут его совершенно невероятным, но для Господа ничего невозможного нет. И как поется в псалме: «Год спешит за годом, поколений прежних заносит след, но и сегодня ангелов пенье славит Творца, как и в прежний век...» Но ведь то же самое можно сказать и о нас, идущих в Вифлеем.

Элизабет поразили слова ангела.

— К тому же это помогает избежать всех опасностей, — продолжал Навин. — Если уж нам не удастся обойти сурового священника или сердитых стражников, сделав шаг в сторону с их пути в пространстве, мы можем отступить на шаг назад во времени. Достаточно отступить всего на пятнадцать минут или на полчаса.

И они снова пустились в путь. Они шли мимо больших полей и маленьких деревушек. Наконец вдали заблестело море. И вскоре все они уже стояли на его пустынном берегу.

— Это Эресунн, — сказал Эфириил, — Мои часы показывают тысяча семьсот третий год от рождества христового. Мы должны пройти через Данию прежде, чем закончится семнадцатое столетие.

— Я вижу лодку, — вскоре оповестил всех Навин.

Они сели в лодку. Сначала овцы, потом Элизабет и Эфириил. Пастух Навин оттолкнул лодку от берега и вскочил в нее последним.

Ангел Эфириил с такой силой налегал на весла, что вода так и пенилась под носом лодки. Лодку сильно качало на волнах, и звон колокольчика на шее ягненка далеко разносился над водной гладью.

Навин сидел на корме. Вдруг он вытянул руку вперед и произнес:

— Я вижу Данию.

«Я вижу Данию».

Иоаким вообразил, что и он находится в той лодке и постепенно вместе с другими паломниками различает впереди Данию.

Было так странно, что девочка Элизабет могла путешествовать обратно во времени. Удивительно было также осознавать, что минуло уже целых две тысячи лет с тех пор, как родился Христос. Но рассказы о его рождении прошли сквозь толщу этих лет, и потому Иоаким тоже знал о Христе.

А Элизабет путешествовала сквозь толщу лет в обратную сторону, и понять, каким образом такое путешествие оказалось возможным, было еще труднее.

Мама с папой уже встали и, конечно, сразу же захотели взглянуть на очередную картинку в рождественском календаре. Иоаким показал лодку, где сидели Элизабет, Эфириил, Навин и три овцы. Он не стал ничего рассказывать о происшествии в большом парке. Не стал он рассказывать и о посещении Лундского собора. Иначе бы они принялись расспрашивать, откуда он знает, что такое собор, а ведь Иоаким решил ничего не говорить им о загадочных листочках, которые выпадают из календаря и которые он прячет в шкатулку, привезенную бабушкой из Польши.

После завтрака они все вместе отправились в город покупать рождественские подарки. Кое-что они пошлют по почте в Тронхейм, остальное — в Сёрланн, на юг Норвегии. Скорее за подарками!

Они подъехали к большому универмагу. В отделе игрушек на втором этаже Иоаким вспомнил об Элизабет и о своем волшебном календаре.

Кто знает, быть может, именно из этого магазина Элизабет и начала свое путешествие вслед за ягненком с колокольчиком на шее? Во всяком случае, здесь был старый эскалатор. Но ведь тот день, когда Элизабет пустилась вдогонку за ягненком, которому порядком надоел шум кассовых аппаратов, был очень-очень давно.

Иоаким спросил у мамы:

— Наверняка этому магазину никак не меньше сорока лет?

Мама бросила на него удивленный взгляд.

— Он существует гораздо дольше, — спокойно ответила она.

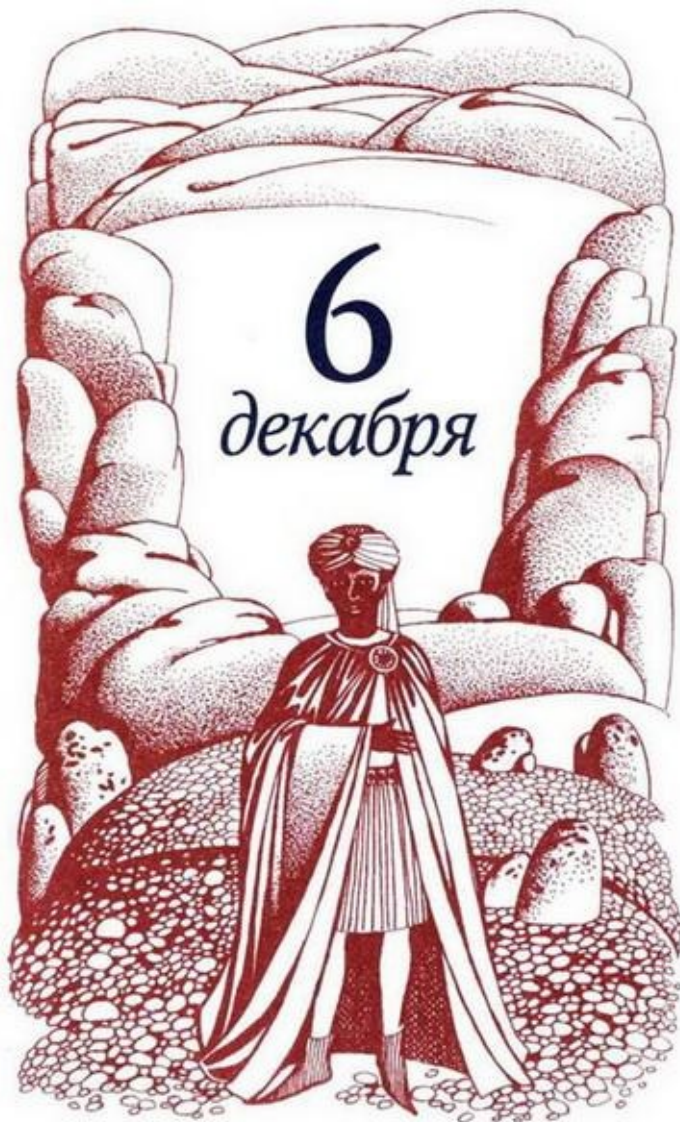
Ну что ж, теперь он знает важную вещь. Вероятно, именно из этого магазина убежали ягненок и Элизабет. Иоаким вполне мог понять их, ведь он сам терпеть не мог ходить с родителями за покупками в большие универмаги. И сейчас ему досаждал надоедливый звук, издаваемый кассовыми аппаратами.

Суббота казалась бесконечно долгой, потому что Иоаким только и думал о том, что же произойдет, когда Элизабет и ангел Эфириил попадут в Данию. Еще невыносимей тянулось время, когда Иоаким лег спать. Ведь прямо над ним висел волшебный рождественский календарь, наполненный настоящими тайнами.

А спать рядом со всеми этими тайнами было все равно что жить в кондитерском магазине и не попробовать хотя бы самую маленькую шоколадку.

6 ДЕКАБРЯ

*...Верблюд способен передвигаться по пустыне,
как ладья по шахматной доске...*

Когда в воскресенье утром Иоаким проснулся, оказалось, что всю ночь он беспробудно спал. Потом он вспомнил, что ему приснился удивительный сон, и, припомнив этот сон, удивился, до чего же долгой была эта ночь.

А привиделось ему, будто за каждым окошком волшебного календаря находится шоколадная фигурка. Как только Иоаким открывал окошки и выпускал фигурки на волю, они тут же оживали. Чтобы они совсем не

разбежались кто куда, он был вынужден запереть их всех в свою секретную шкатулку, а выпустил только в Сочельник. И тогда все эти 24 шоколадные фигурки вылезли из окон дома Иоакима и припустились через леса и поля. Ведь им надо было поскорее попасть в Вифлеем — туда, где родился младенец Иисус. Иоакиму было доподлинно известно, что Иисус любил всех людей, но в его сне он любил также и шоколад.

Окончательно проснувшись и полежав некоторое время в кровати, он четко осознал, что все это просто приснилось ему; он сел на кровати и расхохотался. Потом он вспомнил, что вчера они были в городе и он догадался, из какого именно магазина Элизабет убежала вслед за ягненком тогда, много-много лет назад.

Он встал на кровати, чтобы открыть шестое окошко в рождественском календаре. Картинку он решил разглядеть позднее. Прежде он прочтет написанное на листочке:

Каспар

Когда лодка с Элизабет, ангелом Эфириилом, пастухом Навином и тремя овцами причалила к датскому берегу пролива Эресунн, их торжественно приветствовал какой-то темнокожий человек.

Элизабет заметила его первой. Ангел греб и потому сидел спиной к берегу, а Навин был занят тем, что старался утихомирить овец.

— Там стоит негр, — сказала Элизабет.

Ангел оглянулся и пояснил:

— Значит, это один из нас.

Негр был в темной мантии с золотыми застежками, красных штанах в обтяжку и башмаках из овечьей кожи. Он подошел ближе, крепко ухватился за лодку и вытащил ее на берег, сначала из лодки проворно выпрыгнули овцы и ягненок, а вскоре уже и все остальные стояли на берегу.

Человек в роскошных одеждах низко поклонился Элизабет и взял ее за руку:

— Приветствую тебя, дитя мое. Добро пожаловать в Ютландию. Я

— царь Каспар Нубийский.

— А я — Элизабет, — отозвалась девочка и сделала красивый реверанс.

Она так смутилась, что не знала, как себя вести. Быть может, стоило добавить, что ее фамилия Хансен и что она из Норвегии, но это вряд ли произведет впечатление после того, как этот человек сообщил, что он царь Нубии.

— Это один из трех восточных мудрецов, — прошептал Эфириил.

— Иначе говоря, один из трех священных царей, — уточнил Навин.

Эти объяснения отнюдь не помогли Элизабет, ведь, чтобы достойно ответить Каспару, ей следовало бы сказать, что она принцесса Тотена или что-либо в этом духе. Тогда, вероятно, священный царь подумает, что Тотен — это могущественное королевство. Негритянский царь поклонился снова и произнес:

— Примите еще раз мое радостное приветствие с этой стороны Эресунна. Я стоял здесь и ждал вас так долго, что мне пришлось перенестись из тысяча семьсот первого года в тысяча шестьсот девяносто девятый, как бы перескочив через клетку при игре в «классы».

Слова прозвучали так загадочно, что Элизабет даже протерла глаза, чтобы убедиться, не снится ли это ей. Ведь порой бывает так трудно перепрыгнуть через лишнюю клетку «классов», нарисованных на асфальте! Как же мог этот восточный царь перепрыгнуть через два года и попасть в другое столетие?

А тот пустился в подробности:

— Когда я явился на этот берег в год Господень тысяча семьсот первый, здесь находилось несколько рыбаков, и они так перепугались, увидев меня, одного из священных царей, что мне пришлось отступить немного назад. Таким образом я попал в тысяча семисотый год. Я сидел и смотрел на другой берег Эресунна, но вскоре увидел двух солдат, скачущих верхом из крепости Копенгаген. Они тоже слегка испугались, встретив негритянского царя. Вероятно, в то время я был единственным темнокожим человеком в пределах Дании — во всяком случае, единственным свяственным царем. Такое привлекает внимание, друзья мои. Согласно старым приметам, возвращаться назад не к добру, но и к новым нравам и обычаям трудно приспособиться. Поэтому я поспешил возвратиться в тысяча шестьсот девяносто девятый год и с тех пор поджидаю вас здесь. Больше мне не довелось встречать людей или зверей, а что касается солнца, луны или звезд на небе, то мне не было нужды скрываться от них: они близки к Богу и никогда не позволяют себе судачить

о людской жизни.

Элизабет не была уверена, что она поняла все сказанное восточным царем, но ей было совершенно ясно, что она разговаривала с настоящим мудрецом. Он был такой мудрый, что Элизабет засмуцалась и не знала, куда девать глаза.

И потому она обрадовалась, когда пастух ударил посохом о землю:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Маленькая процессия вновь пустилась в путь. Сначала три овцы, потом Навин, потом негритянский царь. Замыкали шествие Элизабет и Эфириил. Они двигались по широким, вымощенным булыжником мостовым большого города, Эфириил рассказывал, что это столица Дании Копенгаген. День только начинался, и улицы были почти безлюдными.

Элизабет с восторгом заметила, что в этом большом городе нет ни одной машины, а мостовые кое-где запачканы навозом, подобное Элизабет доводилось наблюдать только в Тотене, когда она гостила там у родных.

— Часы показывают тысяча шестьсот сорок восьмой год, —

объявил ангел Эфириил. — Это последний год правления Кристиана Четвертого, он стал королем Дании и Норвегии еще ребенком, много-много лет тому назад.

— Он стал королем Норвегии? — переспросила Элизабет.

— Да, и королем Норвегии тоже. Ведь в то время Норвегия была частью Дании. Кристиан Четвертый основал города Кристиансанн и Конгсберг. Это он дал Осло его первоначальное имя — Кристиания. Он очень любит Норвегию и часто наезжает туда.

Вскоре они оказались в самом центре датской столицы. Остановились возле церкви, к которой сбоку была пристроена круглая башня.

Эфириил пояснил:

— Король Кристиан только что повелел пристроить ее к новой церкви Пресвятой троицы и, хотя эта башня красива сама по себе, решил, что не следует ей стоять без пользы, и потому распорядился, чтобы она стала обсерваторией, откуда астрономы могли бы спокойно наблюдать пути движения планет и расположение звезд на небе. Ведь совсем недавно как раз были изобретены первые подзорные трубы.

— Какое странное сочетание — церковь и обсерватория, — заметила Элизабет.

Она полагала, что и ей следует иногда говорить что-то значительное. Но на этот раз, кажется, ей это не очень-то удалось,

потому что мудрец покачал головой,

— Звезды тоже созданы Богом, — сказал он. — И посему изучать звезды означает служить Богу, хотя здесь нет ни пустынь, ни верблюдов.

Элизабет взглянула на него, а он продолжал:

— Как считают все священные цари, лучше всего изучать звезды, сидя на спине верблюда в пустыне. Это ведь почти то же самое, что сидеть в башне-обсерватории, даже лучше, потому что верблюд способен передвигаться по пустыне приблизительно так же, как ладья или тура, то есть башня, по шахматной доске. Единственно, что весьма затруднительно для верблюда, так это пройти сквозь игольное ушко.

Элизабет удивленно посмотрела на мудреца. Она не могла целиком согласиться с тем, что спина верблюда похожа на только что увиденную башню-обсерваторию. Ей также показалось весьма сомнительным сравнение пустыни с шахматной доской.

Каспар несколько раз откашлялся.

— Башни-обсерватории, как правило, стоят совершенно неподвижно, и в этом их слабое место. Мне лично довелось видеть башню, которая простояла на одном и том же месте больше тысячи лет. Пожалуй, за столько лет стенам мог наскучить один и тот же обзор. С другой стороны, они перевидали множество поколений, и наверняка это сделало их мудрыми.

Элизабет кивнула в знак согласия, и это не прошло незамеченным для Каспара. Выразительным жестом он пресек возможное вмешательство других и продолжил свой рассказ, обращаясь к Элизабет;

— Существуют два пути достижения мудрости. Один из них — это путешествия по всему миру, что дает возможность увидеть многое из сотворенного Господом. Другой путь — пустить крепкие корни и внимательно наблюдать за происходящим вокруг, жаль только, что невозможно осуществить сразу и то и другое.

И снова Элизабет подивилась словам мудреца, на всякий случай в знак одобрения Элизабет захлопала в ладоши, и то же самое сделали ангел и пастух. Одобрение окружающих окрылило и самого Каспара, так что и он захлопал в ладоши, радуясь изреченной им мудрости.

Элизабет сделала для себя вывод: это здорово, когда тебе в голову приходят такие умные мысли, что другим хочется аплодировать тебе.

Кажется, священный царь понял, о чем она подумала. Он сказал:

— Выстраивать хитроумные парадоксы и жонглировать понятиями — это то же самое, что устраивать представления в цирке. Но я не имею в виду клоунаду или выступления дрессированных слонов — нет, я

устраиваю своего рода цирк для ума. И, как в цирке, мне хочется обратиться к своим мыслям: «Благодарю всех клоунов и слонов за доставленное удовольствие».

Навин ударил посохом о брусчатую мостовую:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Процессия вновь пришла в движение. Сначала овцы, потом пастух, затем мудрец; ангел и Элизабет замыкали шествие.

Они пересекли город, а потом отправились дальше через пригородные селения, через поля, где ветер волновал колосья ржи и пшеницы, и через тенистые лиственные леса. Элизабет убедилась, что Дания равнинная страна, хотя, конечно, она хорошо знала об этом. Особенно плоской эта страна казалась потому, что на глаза не попадалось ни одного высокого строения. А если что-то вдруг и возвышалось, то это непременно была церковь. Одна из многих. А все они были построены в честь младенца, который был когда-то рожден в Вифлееме.

Они увидели, как вдали заблестело море, и вскоре подошли к маленькому городку. Эфириил пояснил всем, что город называется Корсёр и расположен на берегу широкого морского пролива Большой Бельт — пролива между Зеландией и Фюном.

Завидев странную процессию, жители маленького городка буквально застывали на месте. Но испуг продолжался всего одно мгновение, потому что уже в следующую секунду наши странники перемещались на одну-две недели назад. И тогда на секунду они появлялись в поле зрения других людей, так что в те времена в городе шли постоянные разговоры об ангелах и всяких чудесах.

Навин указал на лодку, стоящую у берега.

— Придется воспользоваться этой лодкой, — сказал он.

— Поторопитесь. Скоро наступит тысяча шестисотый год от Рождества Христова.

И он тут же принялся загонять овец в лодку.

Элизабет не удержалась и спросила ангела, не будет ли это воровством. Но ангел напомнил Элизабет, что Иисусу пришлось взять чужого осла, чтобы въехать на нем в Иерусалим.

И вскоре они уже плыли по волнам Большого Бельта. Ангел греб одним веслом, а негритянский царь — другим. Волхву пришлось стараться вовсю, чтобы поспевать за Эфириилом.

Мама вошла в комнату Иоакима, чтобы посмотреть на календарь, а Иоаким совсем забыл, что он не должен ничего рассказывать о прочитанном на таинственных листочках.

Мама наклонилась над очередной картинкой.

— Наверное, это Вавилонская башня?

Иоаким замотал головой.

— Да нет же, это Круглая башня в Копенгагене.

Мама удивленно посмотрела на него.

— Кто рассказал тебе о ней?

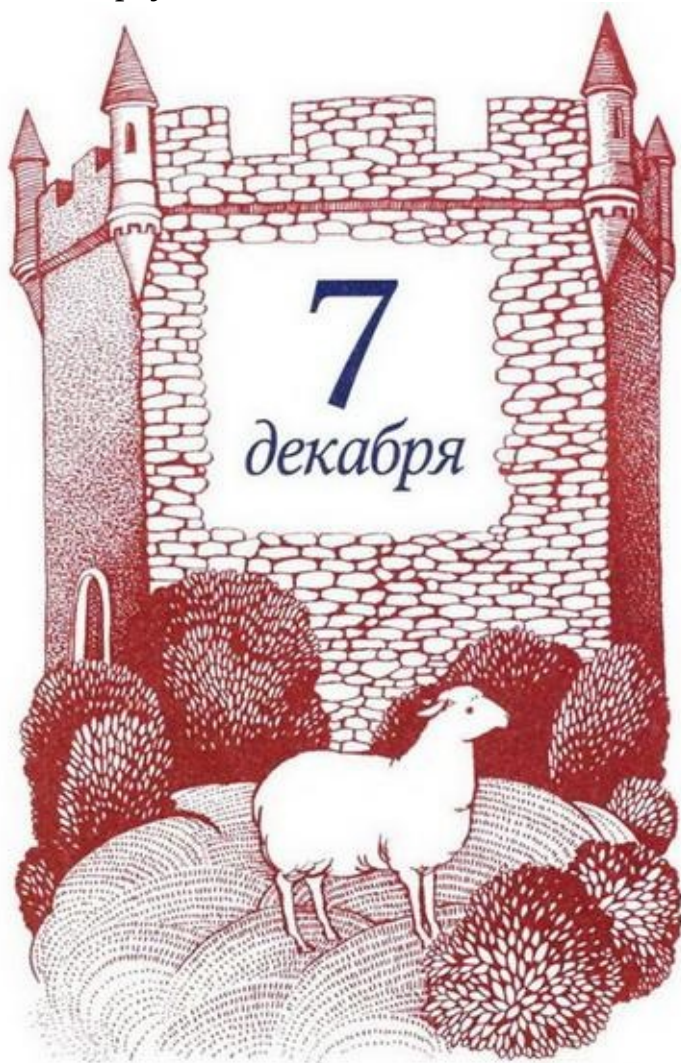
— Не имею ни малейшего представления, — ответил Иоаким, подражая маме, ведь именно так она обычно говорила, когда не могла ответить на какой-нибудь вопрос. — Впрочем, такую башню совершенно невозможно использовать как ладью при игре в шахматы, потому что она все время стоит неподвижно на своем месте. И если кто-то постоянно находится в ней, то устает от одного и того же обзора. Но зато у человека обостряется внутренний взор, он обретает мудрость.

Мама всплеснула руками. Иоаким подумал, что это, вероятно, оттого, что он сказал нечто умное. Но вместо аплодисментов она только спросила:

— Иоаким, откуда ты берешь все это?

7 ДЕКАБРЯ

...Мы на небе всегда считали это легким преувеличением...

Всю вторую половину дня Иоаким напряженно размышлял о негритянском царе Каспаре, о том, как он в Дании ожидал Элизабет, ангела Эфириила и пастуха Навина, которые должны были переправиться через Эресунн.

Как он узнал об их приходе? Может быть, у ангела Эфириила и царя Нубии был давний уговор о встрече здесь в 1699 году? Никак нельзя было предположить, что встреча их случайна. «Это один из нас», — произнес ангел, едва завидев темнокожего человека.

Началом всему послужил маленький ягненок, который неожиданно

спрыгнул с полки отдела мягких игрушек и пустился бежать из большого универмага, потому что не мог больше переносить болтовню покупателей и надоедливый стрекот кассовых аппаратов. Наверное, никто не подозревал, что Элизабет устремится за ним, но ангелу в лесу, по-видимому, было известно заранее, что именно здесь мимо него пробежит ягненок.

Потом мысли Иоакима переключились на седовласого книготорговца. Тот сказал, что календарь самодельный, и Иоаким был согласен с ним. Похоже, он был составлен в основном из разных вырезок и склеен где-нибудь дома на кухне. Во всяком случае, ясно, что он не был напечатан в типографии. Ведь только в самодельном календаре можно найти тоненькие бумажные листочки, исписанные длинными историями.

И если сделал этот волшебный календарь Иоанн, то он наверняка решил назвать героиню всех своих историй Элизабет в честь девушки, портрет которой был выставлен в витрине книжной лавки. Но почему он решил сделать это? Зачем он изготовил этот таинственный календарь, неужели всего лишь ради того, чтобы оставить его в книжной лавке, не заботясь о его дальнейшей судьбе?

Вечером, прежде чем лечь спать, Иоаким попытался закрыть все окошки, чтобы лучше рассмотреть картинку на календаре целиком. И вновь на картинке произошли изменения, на этот раз с одним из трех волхвов, склонившихся над младенцем в яслях. Он стал таким же чернокожим, как и негритянский царь Каспар. Как Иоаким не заметил этого раньше? Он столько раз смотрел на волшебный календарь, но никогда не замечал, что у одного из волхвов темная кожа.

Почему же он не замечал этого?

Быть может, календарь нарисован такими особенными волшебными красками, которые постоянно изменяются? Или, быть может, на большой картинке изображено так много всего, с таким количеством деталей, что Иоаким просто не в состоянии разглядеть все за один раз?

И вновь у него появилось ощущение, что с каждым днем изображения Марии, Иосифа и младенца Иисуса в яслях становились все отчетливей и ярче.

Прежде чем выключить свет, Иоаким еще раз бросил взгляд на ангелов и пастухов на поле, на Иосифа, Марию, волхвов и на младенца Иисуса. Он подумал о том, насколько это, должно быть, удивительно — оказаться в Вифлееме как раз в то время, когда там родился младенец Иисус.

Сейчас на пути туда находится Элизабет, а некоторым образом и он сам.

Проснувшись на другое утро, Иоаким открыл седьмое окошко в

календаре и увидел овцу, которая паслась у подножия высоких крепостных стен. Иоаким подобрал записку и прочел очередное послание:

Четвертая овца

Ангел Эфириил и негритянский царь Каспар перевезли Элизабет Хансен, пастуха Навина и трех овец через Большой Бельт.

— Теперь мы снова будем странствовать по суше, — объявил Эфириил. — Этот остров называется Фюн, сейчас тысяча пять сот девяносто девятый год от Рождества Христова. Прошло ровно тысяча пятьсот девяносто девять лет с тех пор, как Иисус родился в Вифлееме.

От моря они побежали в сторону большого замка на холме, который был окружен земляными валами и рвами. Ангел пояснил:

— Это замок Нюборг. Самая старинная крепость во всей Скандинавии.

Элизабет показала вдаль.

— Вон гуляет овца.

Ангел кивнул:

— Эта овца тоже одна из нас.

И тогда они побежали по земляному валу в ту сторону. Сначала овцы, потом пастух, затем негритянский царь Каспар, а за ними Элизабет и Эфириил.

Внезапно из-за стены замка показался стражник. Он поднял копье и закричал:

— Похитители овец!

И сразу же несколько солдат бросились к нашей процессии. У всех были копья, а у одного даже нечто похожее на ружье, тогда ангел Эфириил выступил навстречу солдатам. Они бросились на землю и закрыли голову ладонями.

— Не бойтесь, не пугайтесь, — произнес ангел кротко. — я принес вам радостную весть. Эта овца отправится вместе с нами в Святую землю, туда, где родился младенец Иисус.

Только один из солдат осмелился посмотреть на них. Как раз тот,

который назвал их похитителями овец.

— Окажите нам честь, возьмите с собой нашу овцу! — воскликнул он.

А овца уже и сама затерялась среди своих сестер, спешащих в Вифлеем, как будто и раньше была в этом стаде. Навин ударил посохом по земляному валу:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Они тронулись в путь по зеленому острову. Сначала четыре овцы, за ними Навин, потом Каспар, Эфириил и Элизабет.

Проходя по берегу реки, они миновали город с узкими улицами и низкими домами, на окраине стояла старая каменная церковь с четырехугольной башней.

— Это кафедральный собор города Оденсе, — объяснил Эфириил. — Он носит имя святого Кнута, убитого здесь в тысяча восемьдесят шестом году.

Элизабет протянула руку к запястью Эфириила, туда, где сияли золотом и перламутром часы.

— Сколько там на твоих ангельских часах?

— Стрелки показывают тысяча пятьсот тридцать седьмой год от Рождества христового. С этого времени Библия печатается на всех существующих языках в мире, так что все могут читать об Иисусе, ведь уже изобретено книгопечатание. Ранее книги писались от руки, и Библия была доступна только священникам. Правда, в то время не так уж много людей умели читать. А теперь было решено, что все должны ходить в школу.

Каспар, негритянский царь, добавил:

— Несколько лет назад прославился польский звездочет по имени Коперник. Он поведал о том, что Земля имеет форму шара и вращается вокруг Солнца. Мудрецы уже знали это, но для большинства людей это было настоящее открытие. Мореплаватели поняли, что возможно путешествовать вокруг света, и таким образом Колумб в тысяча четыреста девяносто втором году открыл Америку. А потом испанские мореплаватели принесли множество бед индейцам. По мнению священных царей, лучше бы они странствовали на кораблях пустыни. Ведь более мирного животного, чем корабль пустыни — верблюд, не сыскать, а провозглашение мира — это и есть смысл Рождества.

Элизабет поняла примерно лишь половину сказанного мудрецом, но прежде, чем она смогла осмыслить вторую половину, пастух Навин ударил посохом о землю:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Их путь лежал по холмам, откуда был хорошо виден весь Фюн. Время от времени в поле их зрения попадали то лошадь, тянущая плуг, то вол, запряженный в повозку, на бегу Элизабет заметила:

— Здесь местность не такая уж ровная. А мы все еще в Дании?

Ангел кивнул:

— Да. И датчане страшно гордятся этой грядой холмов, хотя их высота не превышает ста метров над уровнем моря, вон те холмы, которые мелькают слева, датчане называют Фюнскими Альпами. Другому гребню они дали имя Поднебесный. Мы на небе всегда считали это легким преувеличением.

Процессия остановилась, и вновь заговорил Каспар:

— В жизни очень важно радоваться тому малому, что имеешь. Ведь это бесконечно больше, чем ничего.

Элизабет задумалась, а потом произнесла:

— Если вообразить, что наша планета была бы совершенно гладкой, как мячик, без единой горы, то в таком случае даже простая гряда камней могла бы показаться более высокой, чем Гальхёпигген {Самая высокая гора в Норвегии и во всей Скандинавии.}.

— Вот видишь, — кивнул Каспар.

Элизабет пожала плечами. Она не совсем поняла, что он имел в виду.

— Теперь ты видишь, как легко мудрые мысли распространяются дальше, — продолжал волхв. — Ты совсем недолго находишься рядом с мудрецом, но уже постигла частицу небесной мудрости. Bravo!

Элизабет была рада, что и она высказала что-то глубокомысленное. Она почувствовала себя настолько окрыленной, что решилась еще на одно высказывание:

— И даже если бы планета Земля была столь же невелика, как месяц на небе, никто бы и не подумал сетовать на то, что она не создана большой.

Каспар положил руку на голову Элизабет.

— Все обстоит именно так, как ты сказала. Будь наша Земля величиной с горошину, все равно она представляла бы собой великую тайну. Ведь откуда происходит и самая маленькая горошина? Она тоже создана Богом. А создать горошину ничуть не легче, чем создать Солнечную систему. Не думаю, что для этого нужно меньшее усилие, скорее наоборот.

Последнее показалось Элизабет легким преувеличением, потому что, будь Земля не больше горошины, на ней не нашлось бы места для Адама и Евы.

Похоже, волхв опасался, что девочка начнет возражать ему. Чтобы избежать этого, он снова заговорил:

— Будь на небе всего лишь одна-единственная звезда, эта звезда была бы достойна такого же восхищения, как и все звезды, вместе взятые. Никто же не жалуется из-за того, что на небе светит только одна луна, напротив, будь на небе сотни лун, они просто мешали бы друг другу. Мириады звезд — это очень много. А когда чего-то слишком много, человек перестает замечать это. Так, гуляя под звездным небом, не замечаешь каждую звезду в отдельности, а только целую россыпь.

Элизабет полностью согласилась с его словами. Она часто смотрела на звездное небо, но не могла различить на нем каждую звездочку.

Каспар продолжал:

— По мнению священников царей, Бог немножко избаловал людей тем, что создал сразу слишком много всего, и столь удивительного, что кое-кто не замечает самого Творца. В некотором роде он как бы спрятался от всех. А это было бы невозможным, если бы результатом его творения были только четыре человека, три дерева, две овцы и восемь верблюдов. Если бы в море жила одно-единственная рыба, тогда люди могли бы видеть, насколько она совершенна. И конечно же, в таком случае все постоянно задавались бы вопросом, кто ее создатель.

Мудрец замолчал и огляделся вокруг. Элизабет подумала, что, вероятно, он ждет аплодисментов в награду за свои слова, на всякий случай она захлопала в ладоши. Тогда и все остальные зааплодировали.

— Ладно, ладно, — остановил их Каспар. — Никакой особенной мудрости я не высказал.

А потом, подумав, он возразил сам себе:

— Хотя высказанное мною все же бесконечно больше, чем ничего.

Процессия паломников спустилась вниз, к маленькому городку на берегу узкого пролива.

— Этот пролив называется Малый Бельт, а городок — Миддelfарт, — пояснил Эфириил. — Время тысяча пятьсот четвертый год от Рождества Христова.

Не успела Элизабет спросить, на чем они будут переправляться через пролив, как увидела, что Навин идет к лодке, пришвартованной к небольшой пристани. В лодке сидел молодой человек и изо всех сил тянул тонкую рыболовную снасть. Завидев ангела Эфириила, он выпустил ее из рук и упал навзничь на настил лодки.

— Не бойся, — произнес Эфириил. — Мы — пилигримы на пути в Священную землю, где родился Иисус. Не можешь ли ты перевезти нас

через Малый Бельт?

— Аминь, — отозвался перевозчик. — Аминь, аминь.

Ангел знал, что этот ответ означает «да». И тогда все паломники забрались в лодку.

Сидя на веслах, перевозчик не сводил глаз с ангела Эфириила. Первый раз в жизни он видел перед собой настоящего ангела. Даже негритянский царь Каспар удостоился только беглого взгляда.

Элизабет задумалась над происходящим.

Если бы среди них не было ангела, перевозчик наверняка не отводил бы взгляда от негритянского царя. А не будь здесь и его, скорее всего, он устался бы на нее. Да, так устроена жизнь и таковы люди, и это показалось ей довольно неприятным.

Когда они наконец причалили к другому берегу и овцы начали выпрыгивать из лодки, паломники поблагодарили перевозчика и распрощались с ним. А он лишь все повторял свое «аминь, аминь...».

Иоаким только-только закончил читать, когда в комнату вошла мама. Он поспешил скомкать тоненький листочек, но мама заметила, что он что-то прячет.

— Что это у тебя в руке?

— Ничего, — ответил он. — Только воздух.

— Можно мне посмотреть?

Но Иоаким с такой силой сжал руку, в которой держал листочек, что даже костяшки побелели.

— Это рождественский подарок, — сказал он. Очевидно, слова эти были волшебными, потому что, услышав их, мама широко улыбнулась.

— Подарок мне? Ну хорошо, тогда я действительно не должна его видеть, — сказала она. — Но если это рождественский подарок, то, кажется, он уж совсем крохотный.

— И в то же время он гораздо больше, чем ничего, — заявил Иоаким.

Мама ушла в ванную.

Это просто удивительно, подумал Иоаким: стоит заговорить о Рождестве, как многое обыденное становится необыкновенным. На всем белом свете нет ничего загадочней Рождества.

Но в одном мама очень даже ошиблась. Рождественский подарок, который он держал в руке, был отнюдь не крохотным.

8 ДЕКАБРЯ

*...Частица небесной благодати,
пролившейся на землю...*

Восьмого декабря Иоакима разбудила мама. Обычно раньше всех просыпался Иоаким, но на этот раз самой ранней пташкой оказалась она.

Мама потрепала его по волосам и сказала:

— Вставай, Иоаким, уже восемь часов, а у тебя сегодня уроки начинаются рано.

Он приподнялся в кровати. Первая его мысль была о волшебном календаре, висевшем над подушкой. Мама, казалось, прочла его мысли.

— Но у тебя все же есть время открыть календарь.

Иоаким стал быстро думать. И думал он так быстро, что умудрился перебрать множество мыслей, прежде чем мама успела произнести:

— Разве ты не хочешь открыть окошко сейчас? Мне тоже очень интересно посмотреть на картинку.

Нет, ни за что, решил про себя Иоаким.

Он не мог открыть волшебный календарь на глазах у мамы. Ведь тогда она увидит, как из-за открытой створки выпадает тоненький исписанный листок, а этого нельзя допустить. Он ведь решил спрятать все эти тайные послания и преподнести их родителям на Рождество. Это будет самый необыкновенный рождественский подарок в мире.

— Кажется, ты еще не проснулся, — продолжала мама. — Может быть, ты позволишь мне сегодня открыть окошко?

— Нет, — сказал Иоаким так громко и решительно, что мама даже вздрогнула.

Это было его самое первое слово за все утро. Все остальное были только его мысли.

— Я лучше открою календарь, когда приду из школы. Потому что... тогда у меня будет больше времени.

И Иоаким поспешил спрыгнуть на пол, чтобы убедиться, что мама уж точно не станет открывать календарь сама.

— Как хочешь, — сказала она,

И вышла на кухню, а Иоаким принялся одеваться.

Вернувшись домой из школы, он заметил у садовой калитки незнакомого человека. Поскольку Иоаким понятия не имел, кто бы это мог быть, он сделал вид, что не видит его. Он открыл калитку, а потом закрыл ее за собой. Незнакомец подошел поближе к калитке.

— Это тебя зовут Иоаким? — спросил он.

Уже войдя в сад, Иоаким остановился на дорожке, которую папа почти полностью расчистил от снега, и обернулся. Человек за калиткой был совсем старый и очень симпатичный. И все же Иоакиму не понравилось, что чужой человек знает его имя. Но что делать, все равно надо отвечать.

— Да, — сказал он, — меня.

Незнакомец кивнул. Он подошел к калитке и перегнулся через нее. На голове у него была зеленая фетровая шляпа.

— Я так и думал.

Он говорил с каким-то странным акцентом. Вероятно, не был чистокровным норвежцем.

— Тебе достался чудесный рождественский календарь.

Иоаким вздрогнул. Как он узнал про календарь?

— Волшебный календарь, — отозвался Иоаким.

Старик еще раз кивнул:

— Волшебный рождественский календарь, да? Цена семьдесят пять эре... А меня зовут Иоанн. Это я торгую цветами на площади.

Иоаким замер. В рождественском календаре он читал о встречах людей с ангелами. Теперь у него было такое ощущение, как будто его самого посетил ангел.

Встреча с этим человеком была для Иоакима очень важным событием, и ему хотелось сказать что-то значительное. Но он сумел только выдавить из себя:

— Откуда вы узнали, где я живу?

Старый Иоанн усмехнулся и заметил:

— Хороший вопрос, мальчик мой. Дело в том, что я постоянно захожу к тому книготорговцу в книжную лавку. Конечно же, мне было интересно узнать, в чьи руки попал старый рождественский календарь.

Иоаким кивнул, а старик продолжал:

— Хорошо, что твой папа забыл на прилавке водительское удостоверение. Если бы не это, мне было бы гораздо труднее найти тебя. Но я думаю, что ты рано или поздно пришел бы ко мне на площадь, так мне кажется. Ведь правда?

Иоаким снова кивнул. Он думал об этом.

Они постояли молча. Наконец Иоаким спросил:

— А вы знаете о том, что в календаре есть таинственные листочки?

Старик загадочно улыбнулся.

— Я долго был единственным на всем белом свете, кто знал о них. Но теперь знаешь и ты.

Иоаким посмотрел ему в глаза.

— Этот календарь самодельный?

Иоанн снова усмехнулся.

— Конечно же, самодельный и очень старый. Но ведь и история эта тоже старая. Ты уже открывал окошко сегодня?

Иоаким покачал головой.

— Я не могу открывать окошки при родителях, ведь они не должны знать об этих листочках. Потому что я хочу сложить их все вместе, завернуть в красивую бумагу и положить под елку.

Иоанн хлопнул в ладоши.

— Здорово придумано. Ну а помнишь, о чем говорилось во вчерашней истории? Ты ведь прочитал про то, как путники взяли овцу из старого замка на острове Фюн, а ангелу Эфириилу пришлось говорить «не

бойтесь» всем стражникам в замке?

Иоакиму стало прямо-таки не по себе оттого, что Иоанну все известно.

— Это вы сделали волшебный календарь? — спросил он.

— И да и нет...

Иоаким испугался, что Иоанн вот-вот уйдет, и потому поспешил с дальнейшими расспросами.

— Это все произошло на самом деле, или вы это просто придумали?

Лицо Иоанна стало серьезным.

— Ты задаешь очень умные вопросы... И на них не всегда легко отвечать.

— Мне очень хотелось бы знать: эта девочка, Элизабет, история которой рассказывается в волшебном календаре, и та женщина, чья фотография была выставлена на витрине в книжной лавке — один и тот же человек?

Иоанн тяжело вздохнул:

— Значит, продавец рассказал и об этой старой фотографии. Ну что ж, мне больше нечего скрывать, я слишком стар для этого. Но Рождество еще не наступило, так что об Элизабет мы поговорим в другой раз.

Он сделал шаг назад.

— Забет... Тебаз... — бормотал он себе под нос.

Иоаким не понял, о чем идет речь, но, вероятно, эти слова и не предназначались для его ушей. На прощание Иоанн сказал:

— Сейчас я должен уйти. Но мы увидимся снова, ведь эта старая история связывает людей.

Иоанн стремительно зашагал прочь и вскоре скрылся из виду.

Иоаким корил себя за то, что ему не удалось как следует расспросить Иоанна. И прежде всего надо было спросить о главной картинке, которая меняется всякий раз, стоит ему прочесть очередной листочек.

После этого Иоаким вошел в дом и открыл в календаре окошко с цифрой 8. На картинке был изображен пастух, который нес на плече ягненка. Иоаким поднял тоненький листочек бумаги, аккуратно развернул его и принялся читать:

Иаков

В один из последних дней 1499 года от Рождества Христова из лодки, переплывшей через Малый Бельт в Ютландию, на берег высадились четыре овцы, священный царь, ангел, маленькая девочка из Норвегии. Их переправил перевозчик, который мог вымолвить лишь одно-единственное слово — «аминь». Зато он повторял это слово много раз. Перед этим наша маленькая процессия пересекла Большой Бельт и Эресунн.

— Ну слава Богу, — вырвалось у Каспара, когда они сошли на берег. Теперь подобное предстоит нам не скоро, — отозвался Навин.

Ангел Эфириил кивнул:

— Истинно говорю вам, что нам предстоит это всего лишь один раз, прежде чем мы попадем в Вифлеем.

Трое спутников Элизабет были так единодушны, что это еще больше сбilo ее с толку.

— Но ведь нам еще невероятно долго идти до Вифлеема, — сказала она.

— О да, — объяснил ангел. — Идти придется далеко и в глубь столетий тоже, но нам предстоит только одна водная переправа — через Черное море, впрочем, это еще не скоро.

И вновь за четырьмя овцами поспешили пастух Навин, негритянский царь Каспар, ангел Эфириил и Элизабет Хансен из Норвегии. Они подошли к городу на берегу фиорда. На окраине города возвышалась большая крепость.

— Этот город называется Коллинг, и расположен он в Южной Ютландии, — объяснил ангел Эфириил. — Он уже несколько столетий является важным торговым центром. Крепость называется Коллинхюс, в ней часто останавливались датские короли. Время — тысяча четыреста восемьдесят восьмой год от Рождества Христова.

Пастух Навин ударил посохом о землю:

— В Вифлеем, в Вифлеем!

Они взошли на небольшой холм, и перед ними открылся прекрасный вид. Повсюду росли недавно распустившиеся цветы. Совершенно ясно, что

было начало лета.

На бегу Элизабет указала рукой на цветущий луг.

— Взгляните, какие чудесные полевые цветы! — воскликнула она.

Ангел с таинственным видом кивнул.

— Это частица небесной благодати, пролившейся на землю, — объяснил он. — На небе так много этой благодати, что она с легкостью распространяется и на землю.

Элизабет задумалась над этими словами и сложила сказанное ангелом в своем сердце.

Вдруг пастух остановился и показал на их маленькое стадо:

— Ягненок потерялся!

— Где же он? — воскликнула Элизабет, хотя было ясно, что и пастух этого не знал.

К этому было нечего добавить, потому что все тут же заметили, что тот самый маленький ягненок с колокольчиком на шее, который убежал из магазина в Норвегии, потому что не мог больше переносить шум кассовых аппаратов, бесследно исчез, как сквозь землю провалился.

Навин покачал головой:

— Ягнята бывают такие славные, и шерсть у них такая белая, что это просто наслаждение для взора. Но в то же время они такие непоседливые и резвые, что за ними не уследишь. И колокольчик на шее не всегда помогает. Бывает, пока любишься одним ягненком, другой отобьется от стада. А когда найдешь второго ягненка, то оказывается, что первый воспользовался случаем и отбил от стада. Пастушье дело — нелегкое. А уж гнать стадо до самого Вифлеема особенно трудно, как сказано в Писании, теперь придется оставить всех овец ради того, чтобы найти одного-единственного пропавшего ягненка.

Элизабет почувствовала, что ей на глаза навернулись слезы. Но не успел пастух договорить, как все увидели, что по гребню холма идет человек, он был одет точно также, как Навин. На плече он нес ягненка с колокольчиком на шее.

— Это один из нас, — произнес Эфириил.

Человек положил ягненка прямо к ногам Элизабет. Он протянул руку Навину и сказал:

— Меня зовут Иаков, пастух, я — второй пастырь на поле. Теперь я тоже буду присматривать за овцами на пути в Вифлеем, куда мы все идем, чтобы приветствовать нового царя, явившегося на свет в городе Давида.

Элизабет захлопала в ладоши, Навин ударил посохом о землю и

произнес:

— В Вифлеем, в Вифлеем!

И за небольшим стадом овец теперь бежали два пастуха, затем негритянский царь Каспар и наконец ангел Эфириил и Элизабет.

Когда они проходили мимо торгового города Фленсбурга, Эфириил объявил:

— Время — тысяча четыреста второй год после Рождества Христова. Скоро мы пересечем границу с Германией и окажемся в глубоком средневековье.

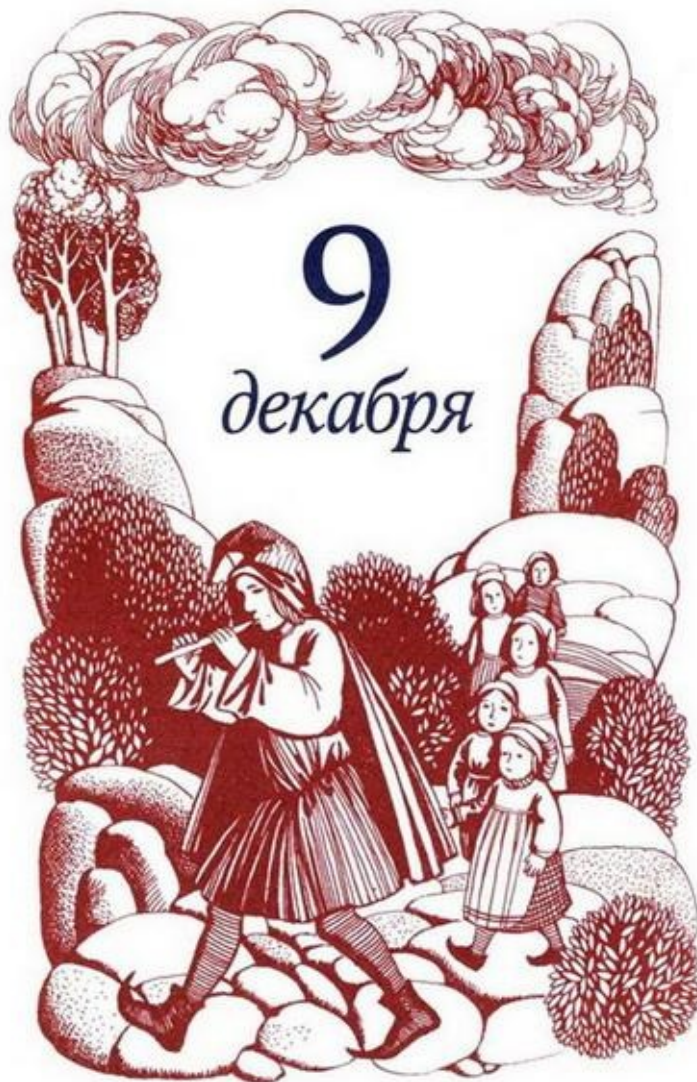
Иоаким стоял задумавшись. Полевые цветы — это часть безграничной небесной благодати, и она с легкостью распространяется и на землю... Такое мог написать только продавец роз!

Иоаким не рассказал папе с мамой, что к ним приходил Иоанн. Ведь если рассказать об этом, то придется раскрыть тайну тоненьких листочков.

Теперь голова Иоакима была настолько переполнена тайнами, что прямо-таки раскалывалась от них.

9 ДЕКАБРЯ

...Они нарушили данное ими обещание...

Иоанн — это старый торговец цветами, который время от времени заходит в книжную лавку, чтобы попросить стакан воды. Летом, в жаркую погоду, он, случалось, выливал остаток воды себе на голову, прежде чем вернуться продавать розы на площади. Несколько раз он кропил водой также и хозяина лавки.

Иногда он оставлял на прилавке одну или две розы. А однажды выставил в витрине магазина фотографию молодой женщины по имени Элизабет. Кто эта женщина? Жива ли она сейчас?

В один прекрасный день этот Иоанн оставил среди книг старый

рождественский календарь. Это волшебный рождественский календарь, который стоит 75 эре.

Волею случая Иоаким находит волшебный календарь, и хозяин книжной лавки отдает его бесплатно. В окошках календаря — тоненькие листочки бумаги, сложенные в несколько раз. На этих листочках описано необыкновенное странствие в Вифлеем.

И вот Иоаким встретился со старым продавцом цветов. Тот знает о рождественском календаре больше, чем говорит, и обещает рассказать об Элизабет в другой раз. Ведь Рождество еще не наступило.

Интересно, что это такое он тогда бормотал себе под нос?

Всю вторую половину дня Иоаким думал только об этих словах: «Забет... Тебаз».

Кто или что эти Забет и Тебаз? Имеют ли странные слова какое-то отношение к волшебному календарю?

Прежде чем лечь спать, Иоаким написал эти слова в маленькой записной книжечке, чтобы не забыть их к утру. И тут он обнаружил одну удивительную вещь: если читать задом наперед, ЗАБЕТ станет ТЕБАЗ. Так же как из ТЕБАЗ получается ЗАБЕТ.

Это показалось ему настолько загадочным, что он написал эти два слова следующим образом:

Т
Е
Т Е Б А З
А
З

Может быть, эти волшебные слова помогут когда-нибудь разгадать загадку старинного календаря.

И вдруг он вспомнил слова книготорговца. Кажется, тот говорил, что продавец роз немного странный, как будто не в себе. Иоаким так не считал.

Конечно же, это не совсем обычный поступок — лить воду на голову людям, но Иоаким подумал, что он сам мог бы так поступить.

Проснувшись девятого декабря, Иоаким быстро поднялся на кровати и стал вспоминать, что произошло днем раньше. Ах да, он встретился с Иоанном! Маме с папой он не рассказал об этом, ведь тогда бы ему пришлось раскрыть секрет тайных записок.

И он поспешил открыть очередное окошечко рождественского календаря, прежде чем проснутся родители. На картинке был изображен

человек, игравший на дудке. За ним шла длинная вереница детей, больших и маленьких.

Иоаким долго не отрывал взгляда от картинки, а уж только потом подобрал листочек, как обычно выпавший из календаря. Он удобно устроился и принялся читать:

Пятая овца

1378 год после Рождество Христова. Три священных овцы и ягненок с колокольчиком на шее появляются в ганзейском {Ганзейский — принадлежащий Ганзе — союзу немецких торговых городов, существовавшему с XIII до XVII века} городе Гамбурге. Позади миленького стада бегут два пастуха в голубых тогах. У одного из них в руках пастуший посох, какой часто можно видеть в южных странах. За пастухами идет изысканно одетый негритянский царь. За ним бежит во всю прыть на своих маленьких ножках девочка. За девочкой, не касаясь земли, парит ангел.

Раннее воскресное утро. Редкие прохожие направляются к утренней мессе в собор Святого Иакова. Внезапно увидев перед собой шествие наших пилигримов, они всплескивают руками. Некоторые закрывают глаза ладонью, а один выкрикивает как заклинание:

— Господи, спаси и помилуй!

Нечто подобное случилось в Ганновере несколько лет назад. Сейчас на дворе 1351 год, только что страшная чума унесла множество жизней — как в Германии, так и в остальной Европе. Сегодня понедельник, скоро начнется торговля на большой рыночной площади. Крестьяне в сильно поношенной сермяжной одежде и торговки в грубошерстных юбках уже начали выкладывать свой товар. Каждый из них потерял кого-то из своих близких. Вот-вот взойдет солнце и начнется новый день.

И вдруг на площадь вбегает небольшое стадо овец. Одна из них опрокидывает прилавок с овощами. За овцами следует странная процессия: два пастуха и человек в весьма необычном платье. У него такая же темная кожа, как у негров в Африке. За черным человеком идет некто

в белых одеждах, с крыльями за спиной. А в конце появляется маленькая девочка. Она спотыкается о веревки, привязанные к ручной тележке с капустой, падает и так и остается лежать, в то время как удивительная процессия уже покинула площадь.

Элизабет горько заплакала, увидев, что ангел Эфириил и все остальные ушли вперед. Уже второй раз во время этого долгого странствия на юг она упала и ушиблась. Когда это случилось в первый раз, она потеряла из виду ягненка, убежавшего из большого универмага, потому что ему надоел стрекот кассовых аппаратов. А теперь все паломники, с которыми она путешествовала, ушли вперед, и вокруг нее толпились незнакомые люди. Она оказалась в чужой стране и в другом столетии.

Люди на площади были потрясены увиденным. Они окружили Элизабет, а один мужчина осторожно пнул ее ногой, боясь дотронуться до нее руками. Он наморщил нос и отвратительно хрюкнул. Но потом к Элизабет подошла старушка и стала утешать ее. Она говорила на непонятном для Элизабет языке.

— Я иду в Вифлеем, — сказала Элизабет.

Старушка переспросила:

— Гамельн? Гамельн?

— Нет, нет, — всхлипывала Элизабет, — В Вифлеем, в Вифлеем!

Приблизительно такой состоялся разговор. В следующее мгновение ангел Господень описал дугу над площадью. Элизабет протянула к ангелу руки и позвала его:

— Эфириил! Эфириил!

Все люди на площади упали на землю, а ангел поднял Элизабет в воздух, облетел вокруг шпиля новой церкви на площади и скрылся из виду.

Он опустил Элизабет на землю там, где находились все остальные, — на проселочную дорогу за городом. Здесь их ждали овцы, пастухи и негритянский царь Каспар. Трое мужчин принялись аплодировать.

— Все так, как я и говорил, — засмеялся Навин. — Коли от стада отбилась овца, пастух оставляет все стадо, чтобы найти ее.

Вскоре они подошли к городу на берегу реки.

— Это Гамельн, — объяснил Эфириил. — Река называется Везер, а время — тысяча триста четвертый год от Рождества Христова. В этом городе несколько лет назад случилось несчастье... Хотя... собственно говоря, жители сами виноваты, ведь они нарушили данное ими обещание, а этого никогда не следует делать.

Элизабет взглянула на Эфириила:

— Что же там произошло?

— Город в течение долгого времени страдал от нашествия крыс. Но вот однажды в город явился крысолов. Он играл на волшебной дудочке, и все крысы сбегались на звук его дудочки и пошли за ним. Он же привел их к реке, они вошли в нее и все утонули.

— Значит, все кончилось хорошо?

— Да, но жители города обещали дудочнику щедрое вознаграждение, если он избавит их от крыс. А когда крысы исчезли, горожане отказались выдать ему обещанную награду.

— Ну и как поступил тогда дудочник?

— Он снова принялся играть на своей волшебной дудочке, и тогда все дети в городе, замороженные этими звуками, пошли за ним.

Все они вместе с дудочником вошли в большую гору, и больше уже никто никогда их не видел.

Тут Элизабет поняла, что старушка на рыночной площади в Ганновере, вероятно, приняла ее за одну из тех, кого заманил в гору гамельнский крысолов.

Они уже были готовы снова двинуться дальше через Европу и глубже в историю, когда откуда ни возьмись на проезжей дороге появилась незнакомая овца и пристала к их стаду. Теперь уже в нем насчитывалось пять овец.

Пастух Навин ударил оземь своим посохом:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Иоаким достал ключик от шкапулки и запер тонкий листок вместе с другими. Когда позднее в комнату вошла мама, он сидел на кровати и разглядывал картинку в календаре.

Мама наклонилась к нему.

— Надо же, дудочник...

Иоаким поднял голову.

— Это крысолов, — объяснил он. — Жители города не хотели отдавать ему плату за то, что он избавил Гамельн от крыс, и тогда он увел из города всех детей. Их родители нарушили данное ими обещание, а этого никогда не следует делать.

Вскоре пришел и папа.

— О чем это ты рассказываешь? — спросил он.

И тут только Иоаким сообразил, что увлекся и выболтал содержание прочитанного на листочке, выпавшем из календаря.

— Я просто фантазирую, — сказал он. — Это просто мои выдумки.

Но тут папа решительно возразил:

— Тут что-то не так, Иоаким. Ты рассказал о гамельнском крысолове, это старинное немецкое предание. Откуда ты узнал о нем?

Что ответить? Надо скорее придумать что-нибудь хитроумное.

— Ингвилд рассказывал, - объяснил он. Так звали его учителя. — Или, может быть, кто-то из ребят.

Иоаким лгал. Но быть может, допустимо солгать ради рождественского подарка. Быть может, это одна-единственная причина, по которой можно лгать сколько душе угодно.

После школы Иоаким поехал с мамой в город покупать курточку «дудик». На обратном пути Иоаким попросил маму, чтобы они зашли на площадь. Он, мол, хочет посмотреть, что там делается.

Сейчас на площади было меньше народу, чем летом. Кое-кто продавал праздничные венки и стеариновые свечи, а также всевозможные подарки к Рождеству.

— И как только им всем не холодно здесь зимой, — проговорила мама, зябко поежившись. — Смотри-ка, есть даже человек, который продает цветы.

Все пело внутри у Иоакима.

— Он продает цветы среди зимы, потому что цветы — это часть небесной благодати, а она распространяется на землю, — сказал он.

Мама сильно сжала ему руку.

— Что? О чем ты говоришь? — спросила она.

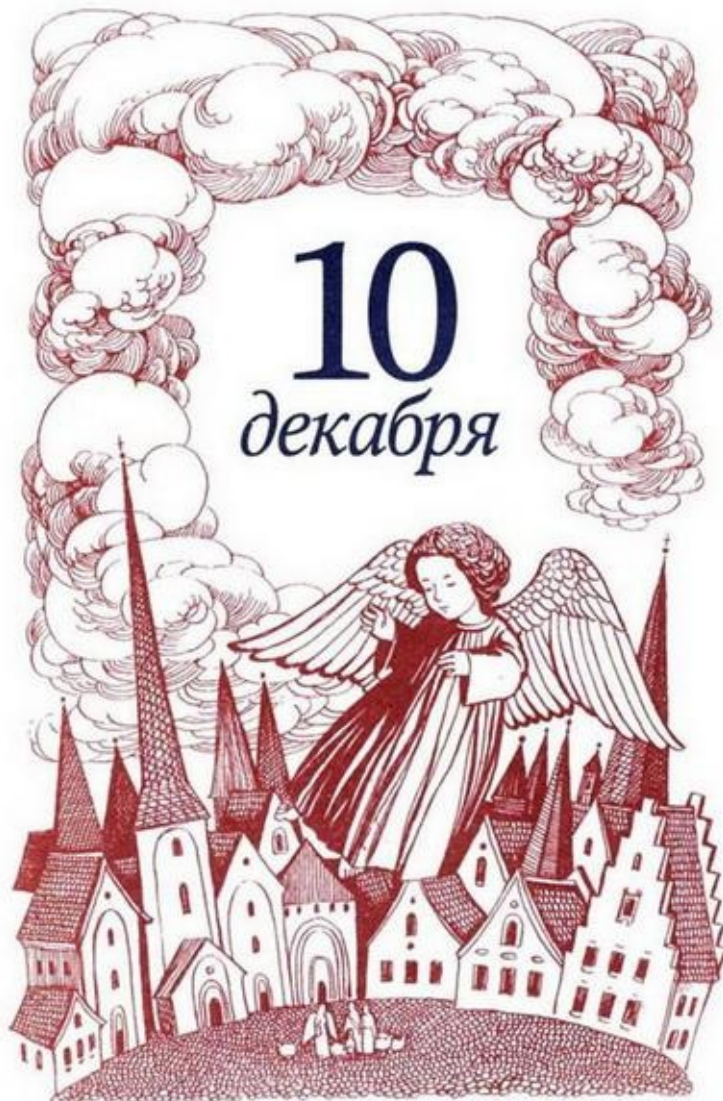
— Этот человек продает зимой цветы, потому что цветы — это небесная благодать, которая опустилась на землю, — повторил Иоаким. — На небе столько красоты, что она легко проливается на землю.

Мама покачала головой и растерянно кивнула. Ей явно было не по себе оттого, что сын употребляет такие необычные выражения. Иоанн стоял за прилавком, на котором было разложено множество цветов. Он подмигнул Иоакиму и помахал ему рукой.

Когда они уходили с площади, Иоаким оглянулся. Иоанн изобразил, будто играет на невидимой дудочке.

10 ДЕКАБРЯ

*...Через несколько секунд
существо, показавшееся Элизабет птицей,
кружа в воздухе, начало опускаться
рядом с процессией паломников...*

Проснувшись, Иоаким открыл десятое окошко в волшебном календаре. На этот раз там был нарисован ангел на церковной башне. Из календаря выпала сложенная в несколько раз бумажка. Иоаким развернул ее и принялся читать:

Умораил

Это случилось в Падерборне в конце XII века, однажды по улицам маленького городка, расположенного между Ганновером и Кёльном, прошествовало стадо резвых овец, за которыми следовали два пастуха, негритянский царь, маленькая девочка в красной куртке и синих брюках и ангел с расправленными крыльями.

Раннее утро, городок еще не пробудился к жизни, только сторож ходит по улицам. Он кричит что-то громким голосом вслед двум пастухам, которые гонят через город стадо овец, в следующее мгновение он видит ангела, парящего над булыжной мостовой. И тогда он простирает руки к утреннему небу и восклицает:

— Аллилуйя! Аллилуйя!

Потом сторож заходит за угол и предоставляет улице священной процессии.

Странники останавливаются перед церковью посреди города.

— Это церковь Святого Варфоломея, — сообщил Эфириил. —

Она была построена в одиннадцатом веке и названа в честь одного из двенадцати апостолов, учеников Христа. Что касается святого Варфоломея, то он добрался до самой Индии и рассказывал там о Христе.

Тут Элизабет заметила нечто странное. Она показала на шпиль церковной башни.

— Там наверху сидит какая-то белая птица, — сказала она.

По лицу ангела скользнула улыбка.

— Если бы так, — вздохнул он.

Но через несколько секунд существо, показавшееся Элизабет птицей, кружа в воздухе, начало опускаться рядом с процессией паломников. И задолго до того, как оно опустилось на землю, Элизабет поняла, что это отнюдь не птица. Оказывается, на церковном шпиле сидел не кто иной, как настоящий ангел. Но это был не взрослый ангел, а ангелок — ростом он был не больше Элизабет.

Ангел-малыш опустился на землю прямо у ног Элизабет.

— Прекрасно, — воскликнул он. — Меня зовут Умораил, и я тоже иду

с вами в Вифлеем.

Он шаловливо покрутился вокруг странников и набрал немного высоты, чтобы оглядеть Каспара. В конце концов он воззрился на Эфириила и сказал:

— Однако я ждал этой встречи четверть вечности.

Каспар задумчиво замер на месте. Потом решительно откашлялся, он хотел что-то сказать.

— Четверть вечности, — начал он, — это приблизительно шестьдесят шесть тысяч двести восемьдесят девять лет... или около ста пятидесяти девяти тысяч четырехсот девяноста восьми лет... или, если это определить более точно, — четыреста тридцать девять миллионов восемьсот одиннадцать тысяч девятьсот семьдесят семь лет и четыре секунды... или, кажется, чуть побольше. Не так-то легко определить точно, как долго длится четверть вечности. Ведь прежде нужно определить продолжительность самой вечности, а потом разделить на четыре части, но определить точно, сколько продолжается вечность, очень трудно. Независимо от того, из какого числа человек исходит, вечность всегда оказывается еще немножко больше. Таким образом, можно утверждать, что четверть вечности это также долго, как и целая вечность. Даже тысячная доля вечности не менее велика, чем остальная часть вечности. Понять это весьма трудно, потому что сосчитать продолжительность вечности или ее половину может только Бог.

Ангел Умораил обиженно насупился, глядя на волхва.

— Во всяком случае, я просидел на верхушке церковной башни долгие годы, — заявил он.

Каспар снова откашлялся:

— Возможно, ты и прав, но это вовсе не значит, что ты просидел на верхушке башни четверть вечности.

Но, чтобы не успело возникнуть ни целой ссоры, ни даже ее четверти между волхвом и ангелочком, Навин ударил посохом о мостовую и произнес:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

И они отправились в путь через город и дальше по дорогам и склонам. Умораил парил над самой землей впереди овец. Таким образом шествие паломников оказалось под ангельской защитой спереди и сзади.

По пути им попадалось множество городов и деревень, но они не останавливались, пока не подошли к старинному городу Кельну, в древности римской колонии, расположенной на берегу реки Рейн. Эфириил

объяснил, что их путь через Европу проложен так, чтобы как можно меньше попадаться на глаза людям.

— Ангельские часы показывают тысяча двести семьдесят второй год от Рождества Христова, — проговорил он и показал на строящийся очень большой собор. — Как мы видим, здесь в Кёльне началось возведение Божьего храма, но окончательно он будет готов лишь через много сотен лет.

Пастух ударил посохом:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Процессия пилигримов уже снова тронулась в путь, как вдруг впереди послышался тоненький голосок. Это Умораил повернулся к ним и воскликнул:

— Здесь удивительная природа! Мы пойдем вдоль сказочно красивой Рейнской долины. Вы увидите множество крепостей и замков, равнины с виноградниками и готические соборы, а еще кругом растут целые поляны одуванчиков и ревеня.

Они быстро шли вдоль берега самой большой реки, какую Элизабет Хансен когда-либо видела. По сравнению с ней Гломма {Гломма — самая большая река в Норвегии.} казалась всего-навсего маленьким ручейком.

Постепенно долина реки сужалась, а горы становились все выше. Они миновали немало небольших городков и деревень. По реке плыли баржи.

На бегу, среди всего этого природного великолепия, Элизабет спросила, встречал ли ангел Эфириил Умораила когда-нибудь раньше.

Эфириил не мог удержаться от смеха.

— Все ангелы небесные знакомы между собой уже целую вечность, — ответил он.

— Вас очень много?

— Да, целая рать.

— А как же вы узнаете друг друга?

— Но ведь, как я уже сказал, мы знакомы целую вечность, а это значит — очень давно.

Элизабет задумалась: она не сразу поняла, что имел в виду Эфириил. Тогда ангел разъяснил более подробно:

— Если кто-то приглашает гостей на несколько часов, не следует звать более пяти или шести человек, чтобы у всех была возможность пообщаться друг с другом, но если бы, например, вечеринка продолжалась три дня, то можно было бы пригласить и пятьдесят человек.

Элизабет кивнула, потому что этот вопрос они с мамой обсуждали всякий раз, когда у Элизабет был день рождения.

— И?.. — спросила она.

Ангел широко развел руки.

— Небесное застолье длится уже целую вечность.

Так что Элизабет немножко узнала о жите на небе, но ей ужасно хотелось узнать об этом поподробнее:

— И у каждого ангела свое имя?

— Конечно. Ведь иначе мы не могли бы обращаться друг к другу, к тому же тогда мы не были бы ЛИЧНОСТЯМИ.

И тут Эфириил принялся называть одно за другим имена ангелов:

— Вот они, имена ангелов небесных: Ариил, Бериил, Курукоил, Даниил, Эфириил, Фабиил, Гавриил, Гаммурабиил, Иммануил, Йокиил, Какадуриил, Луксуриил, Михаил, Нариил...

— Ну ладно, достаточно, — прервала Эфириила Элизабет, — Как долго тебе пришлось бы говорить, чтобы назвать имена всех ангелов?

— Пожалуй, мне пришлось бы говорить целую вечность.

Элизабет в изумлении покачала головой:

— Это просто потрясающе, что ты смог запомнить имена всех без исключения ангелов.

— Но ведь это не так уж и трудно, если в твоём распоряжении целая вечность.

Голова у Элизабет совсем пошла кругом. И она продолжала:

— Подумать только, что можно было придумать такое количество имен, оканчивающихся на «ил».

Ангел Эфириил кивнул:

— Фантазия Всевышнего так же безгранична, как безгранично число звезд на небе. Не существует двух ангелов, точь-в-точь похожих друг на друга, также как и двух совершенно одинаковых людей. Конечно же, можно создать тысячи совершенно одинаковых машин, но это настолько легко, что человек и сам способен справиться.

В конце своего рассказа Эфириил произнес несколько слов, которые Элизабет сложила в своем сердце:

— Каждый человек на земле — это само по себе совершенное Божье творение.

Улыбка не сходила с лица Иоакима. Так забавно было читать про ангелов. Вдруг он услышал мамины шаги в прихожей. Он не успел спрятать листочки в заветную шкатулку и потому поспешно положил их под подушку.

Мама перегнулась через кровать, чтобы рассмотреть очередную картинку в его календаре.

— Ангел, — произнесла она. — На шпиле церковной башни.

И тут Иоаким повел себя весьма глупо, так глупо, что потом целый день об этом жалел. Он забыл, что ни в коем случае не следует рассказывать о том, что написано на тоненьких листочках. Вероятно, он заговорил об этом потому, что пытался запомнить все необыкновенные имена ангелов. Он взял да и выпалил:

— Это ангелочек Умораил.

Мама посмотрела на него.

— Умораил?

Иоаким кивнул. Он подумал, что это было очень подходящее имя для ангела-малыша, такое забавное, что он повторял его множество раз про себя, а потом оно неожиданно вырвалось вслух при маме.

— Ангел сидит на вершине собора Святого Варфоломея, — сказал он. — Он сидел там четверть вечности, а на картинке как раз изображен тот момент, когда он собирается взлететь, а потом, покружив, спуститься прямо к Элизабет и прочим странникам.

Услышав все это, мама ничего не сказала Иоакиму, а просто позвала папу. Когда тот вошел в комнату, она попросила Иоакима повторить название церкви.

— Ой! — тут только Иоаким понял, что он проговорился. —

Церковь Святого Варфоломея, — сказал он. — Варфоломей добрался до самой Индии и проповедовал там об Иисусе, а церковь находится в Германии, город называется Падербург или что-то в этом роде.

Мама с папой так и застыли, глядя друг на друга.

— Я посмотрю в энциклопедии, — сказал папа. — Тогда что-то прояснится.

Из соседней комнаты он вернулся бледный, как привидение. Во всяком случае, вид у него был такой, как будто он только что встретил по дороге ангела или двух сразу.

— Все сходится. Город называется Падерборн. И там есть старинная церковь Святого Варфоломея.

И они посмотрели на Иоакима точно так же, как в тот день, когда накануне Сочельника он съел все песочное печенье. Это было то ли в прошлом, то ли в позапрошлом году.

Папа снял рождественский календарь со стены и, осмотрев его с обеих сторон, повесил обратно.

Я попался, подумал Иоаким.

— Где ты узнал о святом Варфоломее, мальчик мой? — спросил папа. — И в связи с этим — о Падерборне?

— В школе, — ответил Иоаким.

— Это правда?

Если уж лгать ради рождественских подарков, то до конца.

— Да, — прошептал Иоаким.

Но теперь им всем надо было спешить, и они уже больше не упоминали ни святого Варфоломея, ни Умораила, ни Падерборн. Мама с папой не успели даже приготовить себе бутерброды на работу.

Самой большой победой Иоакима было то, что перед тем, как убежать в школу, он исхитрился убрать все выпавшие из календаря за это время листочки в секретную шкатулку. Ключ он спрятал на книжной полке.

Когда Иоаким вернулся из школы, мама была уже дома. И оказалось, что она открыла его тайную шкатулку!

ОНА ОТКРЫЛА ЕГО ТАЙНУЮ ШКАТУЛКУ! А ведь мама обещала не делать этого никогда. Она нарушила обещание. Она поступила так же отвратительно, как если бы распечатала чужое письмо.

На обеденном столе были разложены десять листочков тонкой бумаги, которые Иоаким обнаружил в волшебном календаре.

Иоаким был в ярости. Он так рассердился на маму, что ему захотелось ее ударить.

— Вы обещали мне, что секретная шкатулка будет только моей и что вы никогда не станете открывать ее, — произнес он. — Значит, вы лжецы и воры.

Вскоре вернулся папа. Он говорил с мамой по телефону. Это он предложил ей попытаться найти ключик, чтобы открыть секретную шкатулку. Ведь должны же они были узнать, каким образом Иоакиму стали известны такие редкие названия и почему он стал употреблять так много взрослых выражений.

Иоаким заявил родителям, что такие, как они, не имеют права заводить детей. Те, кто лгут своим детям, могут начать и бить их, а уж это явно противозаконно. Они могли бы по крайней мере подождать, пока он вернется из школы, и попросить у него разрешения открыть шкатулку. В конце концов он рассказал, что спрятал все эти загадочные листочки только для того, чтобы потом красиво завернуть их и подарить папе с мамой на Рождество. Он сказал, что вообще выбросит этот волшебный рождественский календарь. А потом Иоаким расплакался, убежал в свою комнату и громко хлопнул дверью.

Он никогда в жизни не простит их! Он не хочет даже слышать о них. И никогда не будет им верить. Никогда!

Иоаким уселся на кровать и попытался взглянуть на волшебный

календарь, но его глаза застилали слезы, и потому изображение стало таким размытым, что он не мог различить, где ангелы, а где пастухи на поле. Теперь все пропало, этот рождественский календарь стал таким же обыкновенным, как и всякий другой, — во всяком случае, теперь он уже не был волшебным.

И вдруг в его ушах зазвучала какая-то песня, и она была приблизительно такой: ЗАБЕТ — ТЕБАЗ — ЗАБЕТ — ТЕБАЗ — ЗАБЕТ — ТЕБАЗ.

И песня эта была настолько чудодейственной, что он тут же понял: узнали мама с папой или нет о тоненьких листочках из календаря, собственно говоря, не имеет значения. Может быть, волшебный календарь настолько переполнен тайнами, что их хватит на всю семью?!

Ведь он еще не рассказал, что встретил Иоанна. Об этом событии по-прежнему знал только он один.

В дверь постучали. Иоаким не ответил, но папа сам осторожно открыл дверь.

— Ты прав, мы поступили ужасно некрасиво, — сказал он.

Вскоре пришла мама.

— Ты можешь простить нас? — спросила она.

Иоаким смотрел в пол.

— Это еще неизвестно...

Молчание.

— Вы прочли то, что написано на этих листочках? — спросил Иоаким.

Мама посмотрела на папу, а потом снова на Иоакима.

— Я прочитала их. Но я не знаю, какой из листочков выпал из календаря первым. Может быть, ты нам покажешь и прочтешь их подряд вслух для папы?

Иоаким глубоко задумался.

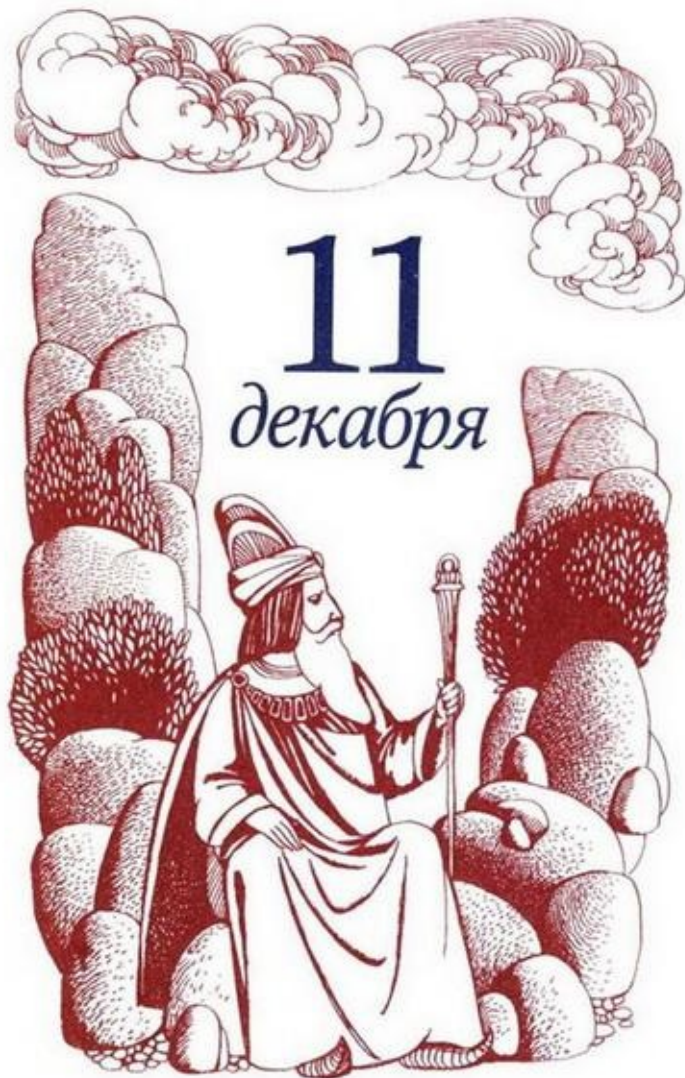
— Ну хорошо.

Он почувствовал своего рода облегчение. Может быть, это было и к лучшему, что все случилось именно так. Теперь ему не нужно ничего скрывать. К тому же теперь он мог спрашивать у мамы и папы обо всем непонятном.

С этой минуты магия и волшебство рождественского календаря стали достоянием всей семьи.

11 ДЕКАБРЯ

*...Многие ужасно пугаются,
встретив одного из ангелов небесных...*

Всю вторую половину дня они сидели втроем, склонившись над тоненькими бумажками, выпавшими из календаря, стараясь разложить их точно в нужной последовательности. Наконец Иоаким сумел сложить их так, чтобы мама с папой смогли узнать всю историю о девочке Элизабет, которая пустилась догонять ягненка, убежавшего из универсама, потому что ему надоел стрекот кассовых аппаратов.

Во время чтения папа восклицал:

— Уму непостижимо! Надо как-то в этом разобраться... Интересно,

сколько экземпляров подобных календарей было издано...

Ему вторила мама:

— Сроду такого не видела... Подумать только, Иоаким, какой календарь достался вам с папой!

Настал вечер, и пора было ложиться спать, но Иоаким еще долго сидел в кровати и разглядывал волшебный календарь. И снова произошло нечто необыкновенное. На самой главной картинке было изображено несколько ангелов, которые опускались с неба на землю. Эту картинку Иоаким видел и раньше и, конечно же, видел ангелов. Но только сегодня он заметил, что один из ангелов — малыш.

Совершенно точно, ангела Умораила раньше на картинке не было. Он появился только после того, как Иоаким прочитал, что, кружа в воздухе, этот ангелочек спустился с церковной башни и присоединился к процессии пилигримов.

— Мама, — негромко позвал Иоаким. — Папа!

Родители стремительно вбежали в комнату. Вид у них был испуганный. Они подумали, что с Иоакимом случилось что-то страшное. Самую капельку испугался и он сам.

— Я вижу ангела Умораила.

Мама и папа огляделись вокруг. Они подумали, что их сына посетил настоящий ангел, но Иоаким сказал им, чтобы они внимательно рассмотрели большую картинку в календаре.

— Вы замечаете что-нибудь, чего не было здесь прежде? — спросил он.

Они склонились к календарю.

Папа сказал, что он вообще не успел как следует рассмотреть его. Ведь тогда в книжной лавке он был такой усталый, что даже забыл на прилавке свое водительское удостоверение. Он, например, не замечал раньше, что один из пастухов держит в руке посох.

— И мне кажется, что я не замечала раньше этого маленького ангелочка, — подхватила мама.

— Конечно же, ты не замечала, — сказал Иоаким. — Потому что его раньше не было. Ведь этот рождественский календарь — волшебный.

— Да, но не следует уж так преувеличивать, — возразил папа.

Как всегда, он оказался самым разумным и рассудительным из них троих.

Последней мыслью Иоакима перед тем, как заснуть, была мысль о том, что на небе есть ангел с именем Йокиил, напоминающим его собственное.

На следующее утро Иоаким открыл одиннадцатое окошко в рождественском календаре. Он с трудом вытащил из него тоненькую бумажку, и только тогда смог увидеть картинку: человека верхом на лошади.

Иоаким удобно устроился под одеялом и стал читать написанное на листочке. Сегодня ему уже не надо было опасаться, что мама или папа «застанут его на месте преступления», потому что секретные листочки перестали быть секретными.

Бальтасар

Пятеро овец, два пастуха, два ангела, священный царь и маленькая девочка из Норвегии стремительно продвигались вдоль реки Рейн в год 1199 от Рождества Христова, на другом берегу реки виднелась церковная башня. Эфириил рассказал, что это кафедральный собор города Майнца.

Здесь они остановились для совета.

— Нам нужно переправиться через реку, — сказал Навин. —

И тут небольшая загвоздка, потому что опять мы напугаем бедного перевозчика и нам придется объяснять ему, что мы паломники на пути в Святую землю.

— Мы постараемся вести себя осторожно, — сказал Эфириил.

Вдруг один из них заволновался — это был ангелочек Умораил.

— Я вижу лодку там внизу! — воскликнул он.

Он тут же взлетел и бодро замахал крылышками. Все остальные последовали за ним. Умораил уже вступил в разговор с человеком, сидящим на берегу:

— Ты можешь перевезти нас на другую сторону? мы торопимся в Вифлеем и боимся опоздать ко времени рождения Христа. Мы делаем святое дело, поэтому, можно сказать, мы избранные, а не кто попало.

Эфириил удрученно покачал головой и бросился вслед за Умораилом. Догнав его, он прежде всего жестом извинился перед перевозчиком, потом повернулся к Умораилу и стал его увещевать:

— Сколько раз нужно повторять, что прежде всего ты должен

говорить: «не бойся»?

Но перевозчик, одетый в необычайно красивую длинную красную мантию, не выказал ни тени испуга. Он обернулся к Элизабет и произнес:

— Меня зовут Бальтасар, я второй волхв и священный царь Савский. Мне туда же, куда и вам.

— Значит, ты один из нас, — сказал Эфириил.

И все же он счел необходимым сделать Умораилу небольшое внушение:

— На этот раз, к счастью, все обошлось, но впредь всегда начинай со слов «не бойся». Люди страшно пугаются, увидев ангелов Господних, — во всяком случае, когда мы машем крыльями.

— Прости меня, — извинился Умораил.

— Ну ладно, ладно, — отозвался Эфириил.

— А не кажется ли вам это странным — пугаться при встрече с ангелом? — спросил Умораил. — Лично я не причинил вреда даже кошке — напротив, не упомяну, сколько раз я помогал этим несчастным созданиям слезть с высокого дерева. Вообще-то кошки должны раз и навсегда усвоить, что не следует забираться так высоко, но, когда мы, ангелы, приходим им на помощь, они отнюдь не выказывают испуга. Это только люди обмирают от страха при встрече с нами.

Волхвы обнялись.

— Да, давненько мы не виделись, — сказал первый волхв.

— И встречались мы далеко-далеко от берегов Рейна, — отозвался другой.

— Но я очень, очень, очень рад видеть тебя снова.

Волхвы стояли крепко обнявшись, и невозможно было понять, кто из них какую фразу произносил. Но вот уже все паломники вошли в лодку. Волхвы взяли за весла, и они поплыли через реку, которая казалась широкой как море.

Эфириил указал на прекрасный собор на другом берегу реки. Хотя было в нем нечто нескладное и у него не было такой высокой башни, как у многих других церквей, мимо которых они проходили, зато этот собор был выстроен намного раньше их всех.

— Сейчас тысяча сто восемьдесят шестой год от Рождества Христова. Строительство этого собора началось более двух столетий назад, прошло почти целое тысячелетие, прежде чем из зерна, посаженного в землю, выросло по всему миру поле церквей и соборов.

— Поле церквей, — насмешливо повторил Умораил. — Вот было бы забавно сосчитать, сколько килограммов камней и бревен было

израсходовано, чтобы отметить день рождения младенца Иисуса. Не говоря уже о том, сколько тортов было испечено и сколько подарков красиво упаковано. Собственно говоря. Сочельник — это большое празднование дня рождения, ведь на него приглашаются все люди во всем мире. И этот праздник повторяется каждый год уже много тысяч лет.

Навин ударил посохом о землю:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Пилигримы устремились вдоль западного берега Рейна. Было такое раннее утро, что тех, кому довелось перепугаться при виде пятерых овец, двух пастухов, двух священных царей, двух ангелов Господних и маленькой девочки, одетой отнюдь не так, как это было принято в средние века, оказалось совсем мало.

И все же, когда они стремительно вбежали в город Вормс в году 1162-м от Рождества Господа нашего Иисуса Христа, они встретили всадника. Вероятно, это был стражник, который нес ночную службу.

Неожиданно подлетев к нему и пошелестев крыльями, Умораил затараторил:

— Не бойся! Не бойся! Не бойся!

И хотя наш ангелок кружил над ним, как назойливый шмель, и повторял «не бойся» немислимое число раз, бедняга очень перепугался. Он прищпорил лошадь, помчался галопом и исчез среди низких зданий. Он даже не успел сказать «аллилуйя» или «Господи помилуй».

Эфириш удрученно покачал головой и снова начал поучать ангелочка:

— «Не бойся» следует говорить только один раз. Ты должен произносить это нежным, небесным, кротким голоском. «Не-е бо-ойся», — должен говорить ты. Научись опускать руки вниз.

Мы делаем это для того, чтобы показать, что у нас нет при себе оружия.

Волхв Бальтасар указал на собор с пятью башнями:

— Во все времена и повсюду люди простирали руки к Богу, церковные башни тоже устремяны в небо, но они простираются гораздо дальше, нежели руки.

Пастухи почтительно склонились перед его мудрыми словами, а Элизабет повторила их про себя для того, чтобы лучше вникнуть в смысл.

Навин напомнил:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

В городе Базеле на южном берегу Рейна они снова остановились перед большим собором.

— Часы показывают год тысяча сто девятнадцатый после

рождения младенца Иисуса, — объявил Эфириил, — этот собор с пятью нефами {Неф — часть собора, расчлененная колоннадой.} только что отметил свой столетний юбилей. А сам Базель в течение многих столетий был важным перевалочным пунктом для тех, кто пересекал Альпы на пути между Италией и северной Европой. Мы проделаем тот же путь через перевал Сен-Бернар.

— В Вифлеем, — сказал пастух и ударил посохом о землю.

И они пустились в путь по холмистой швейцарской земле.

Иоаким сидел у себя в кровати и размышлял о путешествии паломников в Вифлеем. Вскоре к нему в комнату вошли мама и папа. Оба очень хотели прочитать написанное на очередном листочке.

Вчера они почти целый вечер обсуждали волшебный рождественский календарь. Теперь заговорил папа:

— Этот рождественский календарь, который мы принесли с тобой от того торговца, просто-таки маленькое чудо, Иоаким. А как ты думаешь, откуда он все-таки взялся?

— Я думаю, что это Иоанн его сделал.

— Да, книготорговец упоминал человека по имени Иоанн.

Иоаким думал-гадал, стоит ли говорить родителям, что он встречал Иоанна. Но не стал этого делать: он решил, что должен иметь хотя бы одну маленькую тайну для самого себя. А еще с ней была связана и другая тайна: ЗАБЕТ... ТЕБАЗ... ЗАБЕТ... ТЕБАЗ. Тут снова заговорил папа:

— Если этот календарь сделал продавец цветов, значит, он явно человек творческий, с богатым воображением.

Мама была полностью согласна с ним.

— Да, уж чего-чего, а воображения ему не занимать.

Иоаким приподнялся выше на кровати.

— Когда я вам рассказывал об Элизабет и Эфирииле, вы решили, что это у меня богатая фантазия. Но я просто-напросто прочитал все листки, которые выпали из календаря.

— А теперь мы говорим, что тот, кто сделал этот календарь, обладает богатым воображением. В данном случае это почти одно и то же.

Иоаким помотал головой.

— При чем тут богатое воображение, ведь все, что он написал, — правда.

Папа засмеялся.

— По-твоему, можно бежать до самого Вифлеема и одновременно далеко в глубь времен?

— Для Господа нет ничего невозможного, — изрек Иоаким.

Родители не стали с ним спорить. Папа сказал, что надо взять большой атлас, тогда они смогут следить за путешествием Элизабет по карте. Был у них также и исторический атлас, с картами, на которых были обозначены все страны с географическими названиями в разные эпохи. Ведь часто одна и та же страна и один и тот же город в разные времена назывался по-разному, объяснил папа.

Неожиданно мама ахнула и прикрыла рот ладошкой.

— Если ты начинаешь икать, то надо выпить воды, — посоветовал Иоаким. — Наверное, тебе помогло бы также, если бы ты неожиданно встретила ангела.

Мама ему ничего не ответила. Вместо этого она повернулась к папе:

— Ты помнишь эту старую историю? Действительно, много лет назад у нас в городе пропала девочка. Она потерялась, когда они с мамой покупали рождественские подарки. Кажется, девочку звали Элизабет.

Папа кивнул.

— Это случилось после войны. Ее звали Элизабет?

— Мне кажется, — сказала мама. — Но я не совсем уверена.

Мама с папой как будто бы совсем забыли про Иоакима. Они так увлеклись разговором между собой...

— Вероятно, продавец роз слышал об этой истории, а все остальное сочинил сам. Если этот календарь действительно сделал он.

Тут Иоаким попытался вставить слово:

— А вы можете выяснить, вправду ли ту девочку звали Элизабет?

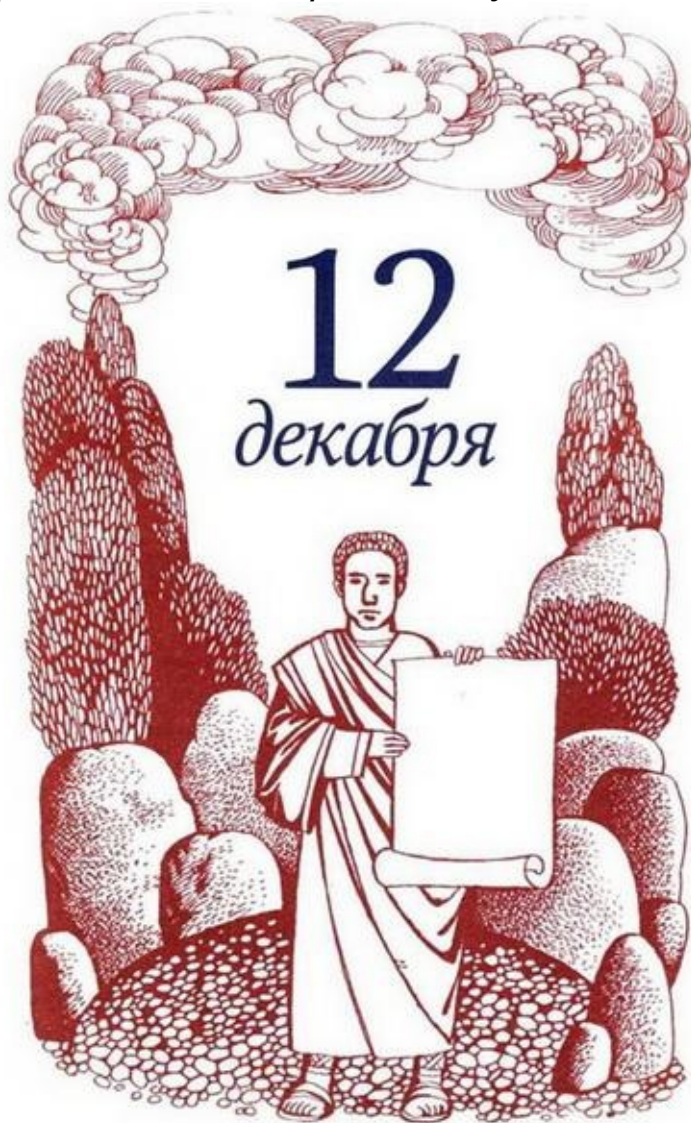
— Ну да, - ответил папа. — Но, в конце концов, неважно, как ее звали.

Тут все они заторопились завтракать, а последнее слово осталось за Иоакимом:

— Я считаю, что это очень важно. Потому что имя женщины, чья фотография была выставлена в витрине книжной лавки, — Элизабет.

12 ДЕКАБРЯ

*...Никакая вера не стоит выеденного яйца.
если она не учит человека
приходить на помощь ближнему в беде...*

Когда папа пришел с работы 11 декабря, они сразу же продолжили тот утренний разговор. Едва папа появился на пороге, как мама с Иоакимом бросились к нему.

— Ну как, ты узнал, как ее зовут? — спросил Иоаким.

Он пытался представить себе эту старую историю, которая потрясла в свое время весь город. Маленькая девочка непонятным образом вдруг

исчезла из универмага, куда пришла со своей мамой, и с тех пор уже никто и никогда не видел ее.

— Ну дайте же мне сначала войти в дом, — жалобно произнес папа. — Ту девочку действительно звали Элизабет. Элизабет Хансен. Она исчезла в декабре сорок восьмого года.

Мама уже успела приготовить обед, и они сели за стол.

— И еще я зашел к книготорговцу, — продолжал папа. — Я был у него на складе...

У мамы расширились глаза.

— Зачем?

— Там он нашел для меня ту фотографию, которую продавец цветов выставил в витрине его лавки в благодарность за то, что здесь ему давали стакан воды. Я взял ее с собой.

— Тогда носи ее скорей сюда, — потребовала мама.

Папа принес фотографию и положил на стол. Иоаким схватил ее, и они с мамой склонились над ней.

На фотографии они увидели молодую женщину с длинными светлыми волосами. На шее висел серебряный крестик с красным камнем. Женщина стояла, опершись на небольшой автомобиль. В верхней части фотографии виднелся церковный купол. Внизу на фото было написано: Элизабет.

— Фамилии нет. Имя распространенное. Но интересно, что написано оно по-норвежски. На других языках Элизабет пишется по-другому, — стал высказывать свои мысли папа.

Мама взглянула на него:

— Значит, она норвежка?

— Не знаю, — сказал папа. — Но рассмотри хорошенько фотографию!

Мама не поняла, что он имеет в виду, и ему пришлось объяснить:

— Тот церковный купол вдалеке — это купол собора Святого Петра. Элизабет стоит на улице, которая ведет к площади Святого Петра. Если судить по марке машины, фотография сделана в конце пятидесятых годов.

— Мне даже как-то не по себе, — прошептала мама. — Кажется, нас впутали в какую-то историю.

Папа сложил руки на столе.

— Да, в какую-то мистерию. Хотя вообще нет никаких оснований считать, что девочка, пропавшая в сорок восьмом году, и женщина на фотографии — одно и то же лицо.

Он сидел, глядя перед собой.

— А на площади его не было, — добавил он.

Иоаким сразу понял, кого имел в виду папа, а мама спросила:

— Кого не было? Теперь и ты говоришь загадками.

— Торговца цветами... Иоанна... того, с водой. Я дорого дал бы за возможность побеседовать с ним. Для нас теперь ясно одно: это он создал удивительный календарь. А теперь исчез.

Вот такой у них состоялся разговор. Иоакима это все так взволновало, что он решил лечь спать пораньше: ему не терпелось дожидаться утра. Тогда наконец он узнает что-то новое об Элизабет Хансен и ангеле Эфирииле.

Когда он проснулся 12 декабря, то папа и мама уже сидели в комнате и ждали его пробуждения. Это было немножко странно, так как день был субботний, а по субботам Иоаким обычно вставал гораздо раньше родителей.

— Ну, давай открывай окошко в календаре, — сказал папа. — Давай, давай скорее!

Ему явно хотелось сделать это самому.

В этот раз на картинке был изображен человек, одетый в красную тогу. В руках он держал огромный плакат.

Мама и папа сели на кровать к Иоакиму. А он подобрал тоненький, сложенный в несколько раз листочек бумаги. Развернул его и принялся читать написанное мелкими буквами:

Квириний

Пять овец пересекли гряду холмов и устремились вниз, к цветущей плодородной долине. Вокруг маленького стада кружил Умораил, а за овцами и ангелочком спешили Иаков, Навин, Каспар и Бальтасар, Эфириил и Элизабет. Они направлялись в Вифлеем, чтобы приветствовать появление на свет младенца Иисуса.

Сначала они прошли мимо озера, носящего название Бильского, а потом и мимо других. Самое большое и красивое из всех было Женевское озеро. Это было самое чистое и прозрачное озеро из всех когда-либо виденных Элизабет. Поверхность его была такой гладкой, что казалось, будто часть неба опустилась на землю. Только посмотрев на небо и убедившись, что никакой дыры там, наверху, не образовалось, она смогла

поверить, что это не небо, а его отражение в водной глади.

И вот они уже снова спешили по старой дороге вдоль реки в глубокой долине. Эфириил рассказывал, что река называется Рона и что свои воды со склонов Альп она несет в Женевское озеро, а потом снова вытекает из него и впадает в само Средиземное море.

По старому мосту они перебежали на другой берег реки и остановились перед монастырем Святого Маврикия. Он был окружен горами, на вершине которых белел снег.

— Сейчас тысяча семьдесят девятый год от Рождества Христова, — сказал Эфириил. — Монахи поселились здесь и неустанно славил Господа и его творения уже с шестого века. Монастырские стены были возведены вокруг могилы святого Маврикия, который был убит здесь в двести восемьдесят пятом году за то, что отказался поклоняться римским богам.

Едва успел Эфириил закончить свою речь, как из ворот монастыря вышел монах. Слегка поклонившись, он произнес:

— Глория Деи {Gloria Dei (лат.) — слава Богу, да будет славен Господь.}

— И вам того же, — сказала Элизабет, хотя она не поняла, что именно сказал монах. Она сочла, что молчать неудобно и кто-то должен ответить.

И тут монах заметил двух ангелов. Он опустился на колени и воскликнул:

— Аллилуйя! Аллилуйя!

Было совершенно очевидно, что здесь не привыкли к посещению ангелов, хотя монастырь располагался высоко в горах и монахи были, пожалуй, ближайшими соседями ангелов небесных.

Умораил взлетел примерно на полметра над землей, распластав крылья, приблизился к монаху и произнес нежным голосом:

— Не бойся. Мы просто отправились в небольшой поход к Вифлеему, чтобы поклониться младенцу Христу.

Тут выступил вперед царь Каспар из Нубии. Он обратился к монаху:

— Мир да пребудет с тобой и твоим монастырем. Как поведал тебе ангел, мы находимся на пути к Священной земле, чтобы приветствовать царя царей в граде Давидовом — Вифлееме.

С этими словами они отправились дальше. И вскоре пришли в маленькое местечко Мартиньи. Здесь находился древний римский театр.

— Этот путь через Альпы использовали еще римляне, — объяснил ангел Эфириил. — Много лет спустя по этой дороге вместе со своей

армией прошел Наполеон.

— В Вифлеем! — воскликнул Навин, и они двинулись вверх по горным склонам.

Воздух был такой чистый и прозрачный, что Элизабет стала думать, уж не возносится ли она на небеса. Несколько раз им на глаза попадались горный заяц, сурок или горный козел, над ними все время кружили вороны и грифы, а из кустарника нет-нет да и вспархивала куропатка.

На вершине горного перевала они увидели большой дом.

— Время — тысяча сорок пятый год от Рождества Христова, — произнес ангел Эфириил. — Этот дом, что перед нами, пріют для всех, кто переходит через Альпы. Он совсем новый, и воздвиг его человек по имени Бернар Ментонский. Здесь живут монахи-бенедиктинцы и несут спасательную службу, приходя на помощь людям, попавшим в беду в горах. Им очень помогают собаки породы сенбернар.

— Именно так! — воскликнул ангелочек. — Ведь Иисус учил людей помогать друг другу в беде, однажды он рассказал о человеке, который шел из Иерусалима в Иерихон. Внезапно на него напали разбойники. Он лежал полумертвый, совершенно беспомощный, на краю дороги, и, казалось, положение его было безнадежным. Мимо проходили священнослужители, но ни один не подумал наклониться и помочь несчастному человеку, которому угрожала смерть. Иисус считал, что нет никакого смысла быть священником, если не даешь себе труда помогать людям в беде. Молитвы таких священников не нужны Господу.

Элизабет кивнула, а Умораил продолжал:

— Тут как раз мимо проходил самаритянин, а надо сказать, что самаритян не очень-то жаловали в Иудее. Потому что их вера в Бога несколько отличалась от иудейской. Этот самаритянин был милосердным и потому помог горемыке. Тот остался жит. **ВОТ ТАК!** Выеденного яйца не стоит такая «истинная вера», которая не учит человека помогать ближнему в беде.

Элизабет снова кивнула и сложила слова ангела в своем сердце.

Они пошли дальше, и в том месте, где тропинка разделялась на две, стоял какой-то человек с табличкой в руке. Он был одет в длинную красную тогу. Если бы он стоял не шевелясь, можно было бы подумать, что это окаменевший римлянин из античной эпохи.

На табличке большими буквами было написано: «В ВИФЛЕЕМ». На нем была также нарисована стрелка, указывающая направление, в котором им следовало идти.

— Живой дорожный указатель! — воскликнула Элизабет.

Эфириил кивнул.

— Истинно говорю вам, этот живой дорожный указатель должен быть одним из нас.

Умораил засуетился, подлетел к человеку и затараторил:

— Не бойся! Не бойся! Не бойся!

Но человек с плакатом совсем не испугался. Он сделал шаг вперед к Элизабет, протянул ей руку и сказал:

— Поздравляю... нет-нет, это явно не то. Я хотел сказать: к вашим услугам, друзья мои! Прежде всего я должен назвать вам свое имя... ведь я тоже получил право находиться в этом волшебном рождественском календаре... меня зовут Квириний, я римский наместник в Сирии... У тебя красивое лицо, приятно познакомиться... хотя, конечно, главное — быть добрым и хорошим. Дикси!

Элизабет не смогла сдержать смеха: этот человек говорил так странно. Казалось, что говорит не один человек, а два, которые перебивают друг друга. Он протянул Элизабет свою табличку, с которой ему пришлось стоять на ветру целую вечность, и продолжил свою речь;

— Итак... я требую внимания, друзья мои... сейчас я дойду до самой сути дела... можно сказать, что я добрался наконец до запеченной в пироге изюминки, а предназначается она тебе.

Дикси!

Элизабет удивленно посмотрела на него.

— Мне? Я должна взять плакат?

А Квириний ответил:

— Нет, только с одной стороны... я имею в виду... что ты должна повернуть его... Дикси!

Элизабет никак не могла взять в толк, почему он все время говорил «дикси» да «дикси», ведь поблизости не было ни собаки, ни кошки. Но ангел Эфириил шепнул ей, что «дикси» по-латыни означает «я все сказал».

Элизабет повернула плакат другой стороной и, к своему удивлению, увидела, что держит в руке рождественский календарь с 24 окошками, которые надо открывать в течение декабря до Сочельника. Над всеми окошками была нарисована молодая светловолосая женщина на фоне церковного купола.

— Первые двенадцать, — произнес Квириний. — Я хочу сказать, что ты можешь открыть первые двенадцать окошек... ведь именно на столько мы продвинулись в своем странствии. Дикси.

Элизабет уселась на камень и открыла первое окошко. Там был нарисован ягненок. В следующем окошке обнаружился ангел, а в третьем

— овца. За ними последовали изображения пастуха, второй овцы, священного царя, третьей овцы, второго пастуха, ангелочка Умораила и еще одного священного царя. Элизабет догадалась, что это были изображения всех, кто присоединился к шествию паломников на их пути через Европу.

Но интересно, кто же была женщина на картинке?

— Большое спасибо! — поблагодарила Элизабет.

Квириний покачал головой.

— Напротив! Последнее из сказанного тобой нельзя считать справедливым... потому что не ты должна благодарить, а я. Я благодарю и тебя, и остальных... за то, что такой старый римлянин, как я... имеет возможность присоединиться к священной процессии, которая направляется прямо в Вифлеем. Отнюдь не я, а ты отправилась в путь за этим благословенным ягненком... который просто никак не мог большие переносить всю эту болтовню и суету в огромном торговом храме. Дикси! Дикси! Дикси!

Элизабет посмотрела на Эфириила и засмеялась.

— А ты ведь еще не открыла двенадцатое окошко, — заметил ангел.

Элизабет открыла и увидела изображение того самого календаря, который она сейчас держала в руках. И здесь также была нарисована светловолосая женщина на фоне церковного купола.

Навин ударил посохом по одной из каменных пирамидок, указывающих направление:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Мама, папа и Иоаким так и замерли, глядя друг на друга. Потом Иоаким начал смеяться.

— Я надеюсь, что Квириний дойдет с ними до самого Вифлеема.

Мама и папа внимательно изучали тоненький бумажный листочек.

— Сегодня он ввел в повествование о маленькой девочке Элизабет еще и молодую женщину, — заметил папа.

Мама с изумлением покачала головой.

— Кроме того, в большой календарь он вложил точно такой же маленький календарик.

Папа кивнул.

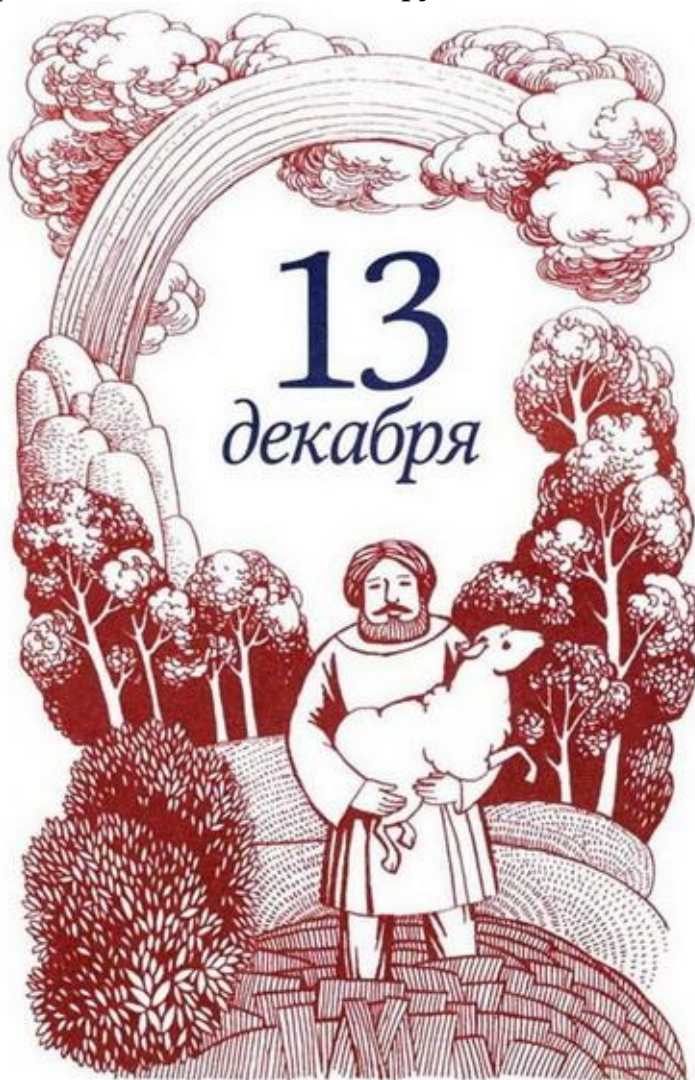
— И то и другое наверняка имеет важный смысл.

— Как вы думаете, может быть, в этом маленьком календарике есть еще один, поменьше? — спросил Иоаким.

— Кто знает? — отозвалась мама. — Кто знает?..

13 ДЕКАБРЯ

*...Так бывает, когда на небе вспыхнет молния
и на одно мгновение
яркий свет зальет все вокруг...*

Папе удалось выяснить, что маленькую девочку, пропавшую из большого универмага в декабре 1948 года, действительно звали Элизабет Хансен. А фамилия девочки Элизабет, о которой Иоаким читал в календаре, тоже была Хансен. Вместе с ангелом Эфириилом она направляется в Вифлеем. Они добираются туда не только через всю Европу, одновременно они странствуют сквозь историю. Ведь каждый день, открывая календарь, Иоаким вместе с ними передвигается примерно на сто лет в глубь истории.

И вот теперь и сама Элизабет получила рождественский календарь. На одной стороне его написано «В ВИФЛЕЕМ». А на другой нарисована светловолосая женщина.

Неужели это та самая женщина, которую однажды сфотографировали у собора Святого Петра в Риме? Ее тоже звали Элизабет, но та ли это Элизабет, которая исчезла, придя вместе с мамой в магазин за рождественскими покупками?

Вероятно, сделал этот волшебный календарь продавец роз Иоанн. Папа пытался найти его на рыночной площади, но он куда-то исчез.

Когда Иоаким проснулся 13 декабря, мама и папа уже стояли у него в комнате... Ясное дело, они так же, как и он, сгорали от нетерпения, желая узнать, что же окажется в календаре сегодня.

— Ну, открывай же скорее, мальчик мой, — попросил папа.

Иоаким приподнялся на кровати и извлек из окошка сложенный листочек. А на картинке была изображена радуга. Иоаким уселся на кровати, а мама и папа сели с ним рядом по обе стороны. Все склонились над листочком. Мама принялась читать:

Шестая овца

Пять овец сбегают по пологому альпийскому склону от перевала Сен-Бернар. За овцами идут два пастуха, двое волхвов, два ангела, римский наместник и маленькая девочка в красной куртке и брюках.

Они нигде не задерживаются более чем на секунду, потому что они не просто спускаются по отлогим склонам Альп в области Валь-д'Аоста в Северной Италии, они вихрем проносятся сквозь толщу истории. Их путь по земле лежит из Норвегии в город Давидов — Вифлеем, их путь во времени направлен из XX столетия к самому началу христианского летоисчисления, но эта дорога из Норвегии в Вифлеем оказывается не такой уж долгой. Ведь они бегут словно бы подгоняемые ветром, или это похоже на бег по движущемуся эскалатору.

В июне 998 года их видели монахи, возвращающиеся из Валь-д'Аосты, это продолжалось всего лишь миг — так бывает, когда на небе вспыхнет

молния и на одно мгновение яркий свет зальет все вокруг.

— Посмотри! — воскликнул один из монахов.

— Что там? — спросил другой.

— Сдается мне, я видел удивительную процессию внизу, в долине. Там были люди и животные, за ним бежала маленькая девочка, а вслед за ней ангел.

Вмешался третий монах:

— Я тоже видел их. Это было похоже на небесную рать.

Монах, который не заметил ничего, удрученно покачал головой.

— Может быть, здесь наверху слишком разреженный воздух и трудно дышать? — спросил он собратьев.

Дело в том, что, когда через долину проходили наши паломники, он как раз загляделся на альпийскую розу.

Пятью годами раньше то же самое видели миланские купцы. Всего лишь несколькими километрами дальше — здесь, в долине.

Наши священные паломники остановились на минуту-другую, чтобы полюбоваться видом Валь-д'Аосты. Эфириил указал на Монблан. А потом на острроверхую вершину Маттерхорн. А Элизабет в это время с увлечением рассматривала календарь, который она получила от наместника в Сирии.

Элизабет показала на окошко номер двенадцать, где был изображен маленький рождественский календарик, который был точь-в-точь такой же, как и тот, что она держала в руке, затем повернулась к Квиринию и спросила:

— А что, если открыть окошки в этом крохотном календарике?

Квириний покачал головой:

— Увы. Этот календарь за семью печатями. Дикси.

Тут Каспар кашлянул, а за ним кашлянул Бальтасар.

— Мы — мудрецы и благодаря нашей мудрости знаем, что именно находится внутри того календаря, — произнес первый волхв. — Там очень мелкими буквами написаны слова.

Элизабет взглянула на него.

— Какие же?

В первом окошке написано слово «Элизабет», — начал Каспар. — В другом — Лизабет, а в третьем — Изабет. и потом соответственно: Забет, Абет, Бет и Ет. Эти слова находятся за створками первых семи окошек.

Элизабет широко улыбнулась:

— А что дальше?

На это ответил второй мудрец:

— В других окошках написано: Те, Теб, Теба, Тебаз, Тебази, Тебазил и Тебазилэ. И тогда остается только десять окошек.

Элизабет засмеялась:

— А что там?

На этот раз ей ответил Каспар:

— Там написано: Элизабет, Лизабет, Изабет, Забет, Абет, Бет и Ет.

Элизабет принялась старательно считать.

— Но ведь остается еще три окошка, — заметила она.

Каспар важно кивнул:

— За дверкой окошка номер два написано ROMA (Рим), в окошке с числом двадцать три написано AMOR (любовь), а в окошке двадцать четыре...

— А там?

— Там невероятно красивым, художественным шрифтом написано имя «Иисус». Первая буква красная, вторая — оранжевая, третья — желтая, четвертая — синяя и пятая — фиолетовая.

Одним словом, почти все цвета радуги. Ведь Иисус — это радуга.

— Почему Иисус — это радуга?

— Когда идет сильный дождь и солнцу наконец удается пробиться сквозь тучи, на небе появляется радуга. Также бывает всегда, когда мы ощущаем присутствие Иисуса рядом с нами. Потому что Иисус, словно радуга, связывает небо с землей.

Навин снова поднял свой пастуший посох и с такой силой ударил им о придорожный камень, что по горам прокатилось эхо.

— В Вифлеем! — провозгласил он. — В Вифлеем!

И казалось, это горы отозвались: флеем, флеем, флеем...

Вскоре они уже спустились на Паданскую низменность. Так называется плодородная земля, расположенная по берегам величественной реки по, которая берет начало на западе в итальянских Альпах и течет на восток, в сторону Адриатического моря. Эфириил сказал, что их путь лежит как раз по течению реки. Продолжая двигаться, они прошли по плодородной равнине и добрались до самого устья реки По, туда, где она сливается с другой большой рекой — Тичино. Там расположен торговый город Павия. Эфириил сообщил, что время по ангельским часам 904 год и что в Павии уже существует учебное заведение, известное во всей Европе.

И только было Навин собрался ударить посохом о землю, чтобы произнести то, что уже вертелось на языке у Элизабет, как заговорил

пастух Иаков. Он указал на большой плот, стоящий у берега реки.

— Им-то мы и воспользуемся.

И тут же вся компания дружно попрыгала на плот. Они уже приготовились оттолкнуть плот от берега, когда неожиданно прибежал какой-то человек с овцой в руках.

— Примите мою жертву, я приношу ее от всей души! — произнес он.

Таким образом, на плоту стало одной овцой больше, и теперь шесть овец стояли, тесно прижавшись друг к другу.

Когда они уже плыли по реке, Квириний велел Элизабет открыть тринадцатое окошко в рождественском календаре. Там был изображен человек с овцой в руках.

Мама закончила читать, и вся семья долго сидела молча на кровати.

— Флеем, Флеем, Флеем! — наконец произнесла мама на распев.

— Забет... Тебаз, — отозвался Иоаким.

Глаза его расширились. Снова! Ведь именно эти слова бормотал Иоанн — это половинка имени Элизабет. И как это он не догадался раньше! К тому же потом Иоанн произнес эту половинку наоборот, справа налево.

Но почему он делал это?

Тут папе захотелось тоже вставить слово:

— Если бы только мне удалось найти этого продавца, тогда, пожалуй, мы смогли бы узнать, каким образом был создан этот рождественский календарь. Или почему он создан именно таким.

Мне весьма любопытно выяснить, что побуждает взрослого человека сидеть и вырезать всякие там бумажные фигурки, клеить и играть с буквами и словами.

— Все это наверняка ради того, чтобы небесная благодать пролилась на землю, — сказал Иоаким. — Мне кажется, что этот рождественский календарь и есть частица небесной благодати, и она достигла земли. Там, наверху, все настолько переполнено ею, что она очень легко распространяется вокруг.

Мама с папой расхохотались. Только теперь, прочтя все до единого плотно сложенные листочки, которые выпали из календаря, они наконец уразумели, почему Иоаким говорил так много непонятного в последнее время.

— Я подумала о тех трех монахах из Валь-д'Аосты, которые видели шествие пилигримов, — сказала мама.

И папа и Иоаким посмотрели на нее. Она сказала:

— Вот сейчас мы сидим тут все вместе и сами похожи на тех монахов. Ведь мы держим в руках чудо и не знаем, верить в него или нет.

Все происходящее казалось Иоакиму настолько необычным и удивительным, что он уже не мог больше держать в тайне свою встречу с Иоанном. Эта тайна, сначала маленькая, теперь разбухла. Кажется, настало самое время выпустить ее наружу.

— Однажды, когда я вернулся из школы, Иоанн стоял около нашей калитки. Он узнал наш адрес у книготорговца.

Папа вскочил с кровати и ударил рукой о дверцу шкафа.

— И ты не рассказал нам об этом?

— Я не знал, что это так важно... он просто хотел выяснить, кто я такой.

Папа принялся нетерпеливо, почти сердито расспрашивать:

— Так-так. Но что же все-таки он рассказал тогда? Ведь рассказал же он что-то о волшебном календаре?

— Он сказал, что Рождество еще не наступило и что расскажет об Элизабет подробнее в следующий раз.

Папа кивнул.

— Сегодня я снова пойду на площадь. И если мне наконец повезет увидеть Иоанна... я прямо-таки затащу его к нам.

Но, вернувшись домой, папа только развел руками.

— Его нет. Как сквозь землю провалился.

Всю вторую половину дня Иоаким ходил по дому и повторял про себя два имени: Элизабет... Тебазилэ... Элизабет...

Одно имя как зеркало отражало другое.

Но ведь, когда Иоаким смотрел на себя в зеркало, он видел в нем самого себя, хотя на самом деле там было всего лишь зеркальное отражение.

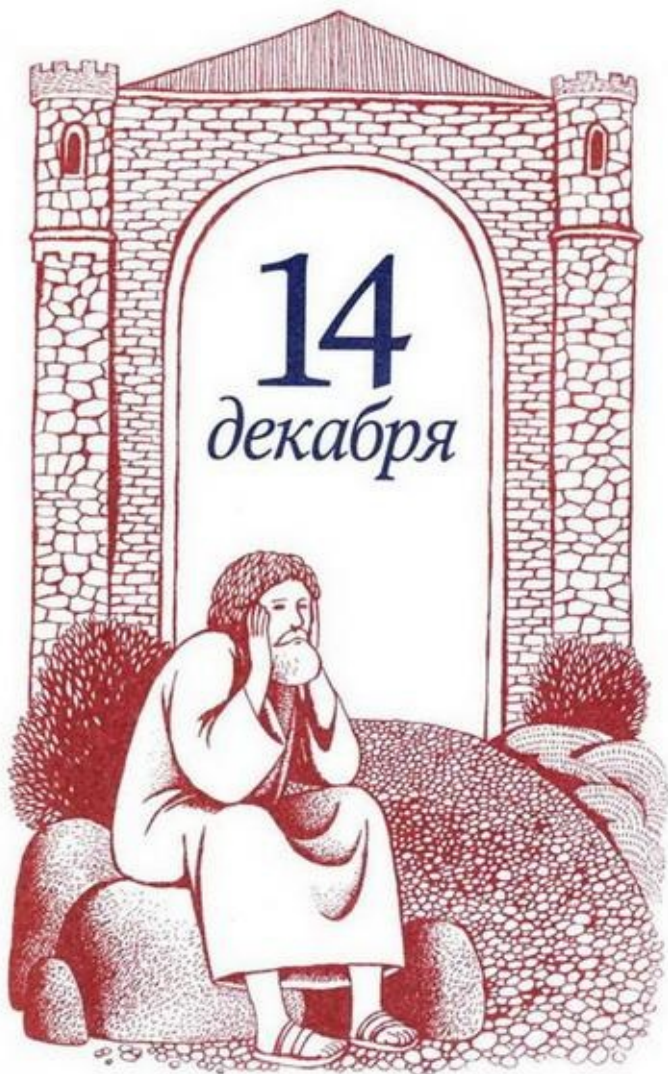
Могло ли все это означать, что речь шла об одной и той же Элизабет? Но ведь и Тебазилэ вполне могло быть чьим-то именем. Возможно, существует еще кто-то по имени Тебазилэ?

В тот вечер Иоаким долго лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, ему было не по себе. В конце концов он решил встать и написать нечто хитроумное в своей записной книжке. Он написал то, что вертелось у него в голове:

З А Б Е Т
А Е
Б Б
Е А
Т Е Б А З

14 ДЕКАБРЯ

*...Плот исчезает прежде,
чем ребенок успевает пошевелить пальчиком...*

Тридцатого ноября Иоаким с папой приехали в город, чтобы купить рождественский календарь, но повсюду все календари были уже распроданы. И только в одной небольшой книжной лавке они нашли наконец старый календарь с поблекшими красками. На нем было написано: «Волшебный календарь. Цена 75 эре».

Этот рождественский календарь был создан руками старого продавца роз Иоанна. Папа несколько раз пытался найти его на площади, но тот как сквозь землю провалился.

В календаре спрятаны сложенные в несколько раз бумажные листочки. На этих листочках записана история Элизабет Хансен, которая бросилась догонять ягненка, убежавшего из большого универмага, потому что он не смог дольше выносить шум и гвалт в магазине. Ягненок, как и все, кто присоединяется к нему по дороге, направляется в Вифлеем.

В 1948 году действительно была девочка по имени Элизабет Хансен, которая потерялась в магазине в то время, как ее мама делала рождественские покупки. Если сейчас она жива, ей должно быть за пятьдесят. Была ли она той самой Элизабет, которую можно увидеть на фотографии на фоне собора Святого Петра в Риме? Фотография явно сделана в 60-е годы, на ней запечатлена молодая светловолосая женщина с серебряным крестиком на шее. Вероятно, ей лет двадцать с небольшим.

Иоанн, создатель календаря, дал Иоакиму понять, что пропавшая маленькая девочка и Элизабет на фотографии в Риме — одно и то же лицо. Но интересно, почему он написал ее имя еще и справа налево? Несколько дней назад он едва не проговорился об этом.

14 декабря Иоаким проснулся раньше родителей. Он сел на кровати. Теперь до Рождества оставалось уже только десять дней.

Интересно, что будет дальше с девочкой Элизабет, ангелом Эфириилом и всеми остальными, кто направляется в Вифлеем?

Иоаким только подумал о том, чтобы открыть очередное окошко, а мама и папа уже стояли у него в комнате.

— Ну что же, приступим, — сказал папа.

Под мышкой он держал два больших атласа.

Иоаким открыл окошко с цифрой 14. На кровать упал сложенный листок бумаги, а в окошке они увидели картинку, изображающую плот, на котором переправлялись люди, животные и ангелы.

— Плот, — сказала мама.

Они присели рядышком на край кровати. Иоаким принялся читать вслух написанное на листочке:

Исаак

В конце девятого века по большой многоводной реке По, несущей свои воды на восток, в сторону Адриатического моря, плывет удивительный плот, он плывет через страну, которая называется Ломбардия. На плоту находится небольшое овечье стадо, и овцы недовольно блеют, потому что им не позволили пить воду из реки. Самый маленький ягненок скачет по плоту, так что колокольчик на его лохматой шейке непрерывно звенит. Два пастуха постоянно начеку, следят за тем, чтобы овцы не попадали за борт.

Волхвы оглядывают окрестности и произносят разные мудрые слова о красотах той страны, через которую они проплывают. Один из них чернокожий, у другого кожа светлая. После долгого прославления апельсинов и фиников они приходят к выводу, что Господь Бог создал лучший из всех возможных миров, по крайней мере из тех, которые можно создать всего за шесть дней.

Сзади плотом управляет с помощью длинного весла человек в римской тоге. Его одежда вышла из моды не так уж давно. Он разговаривает с маленькой девочкой, которая держит в руках большой лист картона. На одной его стороне написано большими буквами «В ВИФЛЕЕМ», а на другой изображена молодая женщина с длинными светлыми волосами.

Два чудных ангела стоят в передней части плота и старательно взмахивают крыльями, чтобы плот не прибывало к берегу. Происходит это задолго до того, как был изобретен гребной винт для речных судов.

Ангел Умораил то и дело обращается к другим, восхищаясь окружающей природой.

— Удивительно! — восклицает он. — Радость и благолепие во всем, все выглядит точно так же, как тогда, на пятый день творения, когда Господь обозревал уже созданное им. И понял, что это хорошо!

Несколько раз случается, что кто-то замечает их с берега реки. Но плот является им на глаза только на мгновение. А все потому, что плывет он не только по течению реки По, но также и против течения, течения времени, сквозь историю. Иногда стоящий на берегу ребенок замечает этот удивительный плот и хочет показать на него пальчиком маме или папе, но плот исчезает прежде, чем ребенок успеет пошевелить пальчиком. Может быть, это были лишь блики на воде?

Они проплывают мимо античных сооружений, всевозможных мостов, театров, храмов и акведуков. Ангел Эфириил обращает внимание спутников на церкви, которые открываются их взору.

— Я в молодости частенько бывал здесь, — рассказывает Квириний, управляя длинным веслом. — Но это было очень давно... Вернее,

естественно, наоборот... Я имею е виду, что до этого времени еще далеко. Дикси!

Элизабет поняла, что он говорит о периоде владычества Римской империи, когда римских воинов можно было встретить чуть ли не по всему миру.

— А как все здесь выглядело тогда? — спросила Элизабет.

— Те же римские театры можно видеть и теперь. Так же, как и тогда, растут апельсиновые деревья и маки вдоль дорог. Но только в те времена никто не слышал об Иисусе, новое здесь — все эти церкви и монастыри, священники и монахи. Дикси! Дикси!

Вскоре Навин указал на берег:

— Здесь мы причалим.

Квириний направил плот к указанному месту, а ангелы принялись изо всех сил махать крыльями, чтобы помочь ему. Пока пастух Навин, зацепив своим посохом за дерево, подтягивал плот к берегу, ангел Эфириил наставлял ангелочка Умораила:

— Если на пути мы встретим людей, помни, что надо непременно предупредить их словами: «Не бойтесь». Мы ведь в гостях на земле и должны вести себя любезно.

И вот все паломники сошли с плота — и двуногие, и четвероногие, и те, у кого за спиной были крылья. Они прошли мимо церкви и свернули в сторону.

Города в те времена были небольшими. Вскоре они подошли к одному из самых крупных. Эфириил сказал, что этот город называется Падуя.

Перед городскими воротами они заметили человека в синей тоге. Он сидел на камне, обхватив голову руками, и, судя по всему, сидел так уже очень давно.

Умораил подлетел к нему, завис в воздухе и произнес:

— Не бойся, не пугайся ни капельки. Меня зовут Умораил, и я один из ангелов Господних и его святых посланцев.

Кажется, слова ангелочка подействовали на сидящего, потому что этот человек и не подумал бросаться на землю и закрывать лицо руками. Он не стал говорить ни «Аллилуйя», ни «Глория деи». Просто встал и пошел навстречу процессии.

— Это один из нас, — сказал Эфириил.

Незнакомец протянул руку Элизабет:

— Меня зовут Исаак, я пастух и пойду вместе с вами.

Теперь стало легче гнать шестерых овец через Падую. За овцами шли три пастуха, два священных царя, два ангела, наместник и маленькая

девочка из Норвегии, в целом их стало теперь пятнадцать.

Они двигались стремительно, прохожие едва успевали заметить их. Да и самим нашим пилигримам удавалось лишь на мгновение увидеть жителей города. Стоило какому-нибудь мужчине или какой-нибудь женщине из случайно оказавшихся на улице ранним утром попасться им на глаза, как тут же на их месте были уже другие.

Элизабет показалось, что они пробыли в городе всего полминуты, на самом деле они как призраки являлись людям на улицах Падуи в течение долгих семи или даже восьми лет. Потому что каждая половинка минуты состоит из тридцати маленьких секунд и эти тридцать секунд пришлось как раз на эти семь или восемь лет.

Старинные хроники свидетельствуют, что никогда в другое время не было в Падуе столько разговоров об ангелах, как в загадочные годы между 804-м и 811-м. Постоянно тот или другой житель говорил о том, что видел нечто удивительное на улицах города. Возможно, это и была наша процессия с ангелами, которая как раз в то время мчалась через город.

За городской стеной они остановились у небольшого монастыря.

— Как удивительно вновь оказаться в древнеримском городе, — произнес Кеуриний, — Интересно, кто здесь сейчас император?

Эфириш посмотрел на свои ангельские часы:

— Сейчас ровно восьмисотый год от Рождества Христова, в первый день Рождества в Риме был коронован император Карл Великий.

— Значит, мы входим в новое столетие, — заметил пастух Навин.

И он ударил посохом о стену монастыря:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Папа раскрыл атлас и показал реку По, потом нашел город Падую. Он стал листать атлас, пытаясь проследить весь долгий путь, который проделала процессия паломников.

— Вот Халден, — начал он. — Потом они подошли к большому озеру в Швеции... Это, должно быть, Венерн, Отсюда они прошли через всю Швецию до Кунгельва, Гётеборга, Хальмстада и Лунда.

Они переправились через Эресунн в Зеландию и посетили Копенгаген. Ну вот, я все это нашел. Затем они попали на остров Фюн и оказались в Оденсе. Неподалеку от Миддельфарта они переплыли через Малый Бельт и попали в Ютландию. Они прошли через города Коллинг и Фленсбург...

— Они еще путешествовали в глубь истории, — сказала мама.

Но папа водил пальцем по карте.

— Это Гамбург. Потом Элизабет споткнулась на площади в Ганновере... вот здесь. А вот Гамельн — город, жители которого нарушили

обещание, данное ими крысолову.

— Вы тоже тогда нарушили обещание, — прервал его Иоаким, — потому что открыли мою секретную шкатулку...

Папа продолжал:

— Вот Падерборн в Южной Германии, именно со шпиля здешнего собора слетел вниз ангелочек, кружа над процессией. Отсюда все направились в Кёльн и шли далее по Рейнской долине. И ангел Умораил абсолютно прав: там удивительно красиво.

— Это было в тринадцатом веке, — заметила мама.

— Ну-ка подожди, — сказал ей папа. — Понимаешь, я хочу проследить весь маршрут. В Майнце они встретили Бальтасара... Потом оказались в Вормсе и Базеле. Сейчас Базель находится в Швейцарии.

— Но ведь Элизабет побывала там в двенадцатом веке, — снова заметила мама.

Папа продолжал водить пальцем:

— Вот Бильское... а вот Женевское озеро. Мне удалось найти это местечко, Мартиньи... до чего хорошая карта! Они прошли по перевалу Сен-Бернар, в наше время там проложены туннели. Дальше — по Вальд'Аосте... до Ломбардии и Паданской низменности.

— Bravo! — воскликнула мама. — К тому же они странствовали сквозь историю. Я думаю, что их путешествие было еще более удивительным, чем мы можем себе представить.

Тут папа первый раз оторвался от карты:

— Я думаю, что Иоанн кое-что добавил от себя.

— Я считаю, что все это правда, — сказал Иоаким.

Мама кивнула:

— Да, кто знает...

Папа покачал головой:

— Интересно, каким путем они двинутся дальше?

— Уже восемь часов! — воскликнула вдруг мама.

Тут папа с мамой начали препираться и упрекать друг друга, ведь все они опаздывали. Возникло то, что Иоаким называл стрессовой ситуацией, а это самое неприятное на свете.

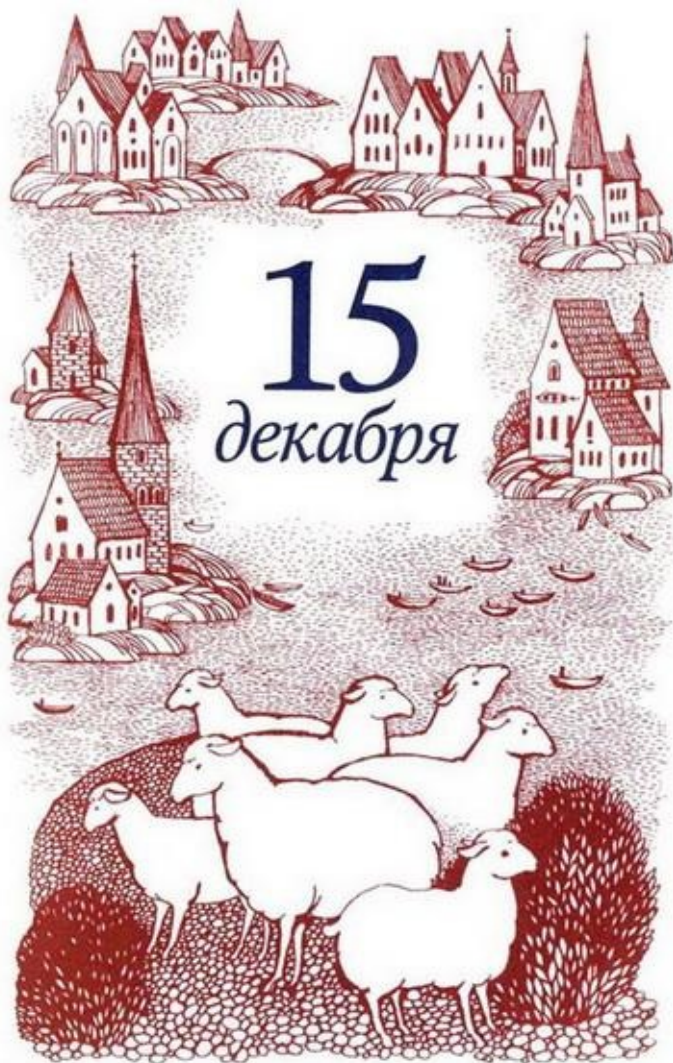
Иоаким помчался в школу, в его голове вертелось множество удивительных имен и названий. Ведь теперь он увидел на карте все места, где побывала Элизабет.

В школе начались репетиции рождественской пьесы, которую класс Иоакима должен был показать в физкультурном зале в последний учебный день перед началом рождественских каникул. Иоаким должен был играть

второго пастуха на поле.

15 ДЕКАБРЯ

...«Не бойся», — промолвил он кротким голосом...

Папа достал несколько больших атласов, для того чтобы следить за дальнейшим путешествием Элизабет в Вифлеем. Сейчас вся процессия оказалась в Северной Италии, и папа сгорал от нетерпения узнать, каким путем они пойдут дальше.

Маму больше всего поражало, что это удивительное странствие проходит сквозь историю. Они уже оказались в 800 году от Рождества Христова.

Что касается Иоакима, то его занимал вопрос, являлась ли Элизабет в волшебном календаре и вправду той же самой Элизабет, которая оказалась в Риме через много лет после того, как она пропала из большого магазина в

Норвегии вместе с ягненком с колокольчиком на шее, который больше не желал слышать шум кассовых аппаратов.

Когда Иоаким проснулся 15 декабря, в волшебном календаре оставались закрытыми всего десять окошек. Он еще не успел приподняться с подушки, а мама и папа уже стояли в его комнате.

Иоаким больше не сердился на них за то, что они открыли секретную шкатулку. Они поступили нечестно, но он простил их. Было невыносимо скучно дуться на них целую вечность. К тому же гораздо приятнее читать о странствиях Элизабет и других паломников, если рядом находятся папа и мама. Как будто у него праздник каждый день до самого Сочельника.

— Ну что же, давайте сразу и приступим.

Мама и папа не скрывали, что для них волшебный рождественский календарь был столь же захватывающе интересен, как и для Иоакима.

Иоаким поднялся на кровати и открыл окошко номер 15. Он с трудом извлек листок, стараясь, чтобы тот не порвался. На картинке было изображено множество небольших каменистых островков и шхер с маленькими домиками на них. Островки купались в лучах яркого солнца.

Сегодня была папина очередь читать. Он чуть ли не выхватил тоненькую бумажку у Иоакима, дважды откашлялся и начал громко и отчетливо читать вслух:

Седьмая овца

Шесть овец, три пастуха, два волхва, два ангела, римский наместник и маленькая девочка из Норвегии вышли к Венецианской лагуне на Адриатическом море.

Они остановились на небольшом холме, откуда открывался вид на лагуну, и Эфириил обратил внимание путников на острова и островки, теснящиеся друг около друга. На многих островках венецианцы построили дома, а на некоторых — даже церкви. Отдельные островки располагались так близко один от другого, что между ними были перекинута мосты. Повсюду сновали рыбацкие лодки.

— Время сейчас — семьсот девяносто седьмой год от Рождества

Христова, — пояснил Эфириил. — Перед нами Венеция в начале своего развития, ведь именно этим именем вскоре назовут объединенные в единое целое сто восемнадцать островов, предки теперешних венецианцев поселились в лагуне, потому что здесь они чувствовали себя защищенными от морских разбойников и варварских племен, которыми все кишмя кишело вокруг, почти сто лет назад венецианцы объединились между собой под властью одного человека — дожа.

— Я не вижу ни единой гондолы, — заметила Элизабет. — И я думала, что здесь должно быть гораздо больше мостов.

Эфириил засмеялся.

— Но ведь ты не в Венеции двадцатого века. Напоминаю, на часах семьсот девяносто седьмой год и люди живут здесь всего двести лет. Но вскоре Венеция уже будет очень густо заселена, так что острова почти сольются между собой.

Пока они стояли так и обозревали маленькие и большие островки, на горизонте появилась баржа, позже она проплыла мимо них. На одном конце баржи была насыпана целая гора соли, а на другом, сгрудившись, стояли овцы. Солнечные лучи едва пробивались сквозь утренний туман.

Человек, управляющий баржой, так перепугался, что закрыл глаза ладонью, откинулся назад и, потеряв равновесие, упал в воду. Элизабет видела, как через несколько секунд он показался над водой, но потом снова исчез.

— Он тонет! — закричала она. — Мы должны спасти его.

Ангел Эфириил уже бросился на помощь. Он пролетел в воздухе над водной гладью, крепко схватил беднягу, когда тот в очередной раз показался над поверхностью, и вытащил его на берег. Тот сильно промок, вода стекала с него ручьями. Эфириил подтащил к берегу и баржу.

Незнакомец, который едва не утонул от испуга при виде ангела, лежал на земле и вовсю кашлял. С трудом переводя дыхание, он произнес:

— Благодарю, благодарю вас...

Элизабет стала объяснять, что они идут в Вифлеем, чтобы поклониться Иисусу, и он не должен бояться их. Умораил начал кружить над ним.

— Не бойся, — произнес он кротким голосом. — Не пугайся. Но тебе не следует выходить в море одному, если ты не умеешь плавать. Ведь ты не можешь рассчитывать, что всякий раз рядом

с тобой окажется ангел или даже двое. Видишь ли... это ведь редчайший случай, когда мы оказываемся рядом.

Судя по всему, увещевания Умораила отнюдь не успокоили

несчастливого. Но ангелок все продолжал: он легонько потрепал его по щеке и повторил «не бойся» множество раз. Вероятно, на седьмой или восьмой раз это подействовало, так как человек поднялся и ступил одной ногой на баржу. Он взял с баржи маленького ягненка и, держа его на руках, направился к нашим путешественникам.

— Агнус Деи, — сказал он,

«Агнус деи» означает «агнец Божий»; и этот ягненок охотно присоединился к остальным овцам. Навин ударил о землю посохом и провозгласил:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Они вновь поспешили. Впереди всех бежал ангелочек Умораил, за ним семь овец, потом три пастыря, два волхва, Квириний, Элизабет и ангел Эфириил.

В излучине морского залива расположился древнеримский город Аквилея.

На бегу Эфириил указал на монастырь.

— Время — семьсот восемнадцатый год от Рождества Христова, но здесь христианские общины существуют с давних времен.

Процессия паломников прошла через город Триест. А далее их путь лежал по Хорватии, через горы и леса.

Папа отдал тоненький листочек Иоакиму, а сам углубился в один из больших атласов, которые разложил на секретере Иоакима.

— Вот Венеция. Вот Триест, он на границе с Югославией. А Аквилею не могу найти.

— Но я не уверена, что этот город существует в наше время, надо посмотреть в историческом атласе, — сказала мама.

Папа принес еще один большой атлас, и в нем на разных картах у стран были разные границы, и названия городов тоже менялись с течением времени.

— Найди карту восьмого века, — посоветовала мама.

Папа углубился в исторический атлас.

— Вот она, нашел Аквилею. Это очень старинный город между Венецией и Триестом. Фантастика какая-то...

— Что именно? — спросил Иоаким.

— А то, что и старому Иоанну вот так же пришлось сидеть над этими атласами. Потому что мир постоянно изменяется. Историю можно сравнить со стопкой блинов, лежащих на тарелке, где каждый блин — это новая карта мира и новый пласт времени.

Иоаким взглянул на папу.

— Стопка блинов?

Папа кивнул.

— Недостаточно спросить, где произошло то или иное событие. Также недостаточно спросить, когда оно произошло. Правильный вопрос: где и когда?

Папа положил свои руки на руки Иоакима.

— Представь себе, что перед тобой стопка из двадцати блинов, которые лежат один на другом. Предположим, тебе известно, что на одном из блинов темное пятнышко, но, чтобы найти его, тебе необходимо знать, на каком именно из этих двадцати блинов оно находится и в какой его части. Для этого, вероятно, тебе придется пересмотреть все блины в стопке.

Иоаким кивнул, а папа продолжал:

— Это большое странствие в Вифлеем примерно то же самое, что путешествие сквозь толщу всех двадцати блинов. Ведь Элизабет вместе с другими странствует не только вдоль границ верхнего блина. Она пробирается сквозь всю стопку блинов.

Теперь Иоаким понял, что папа имел в виду.

— Они пробираются в глубь двадцати столетий. В этом атласе находятся карты, по которым можно судить, как выглядел мир в каждое из этих столетий. Я думаю, что Иоанн подолгу рылся в подобного рода «блинных» книгах, то есть атласах.

Тут папа отнял свои руки от рук Иоакима, и при словах «блинные книги» они оба рассмеялись.

Из них троих лучше всех печь блины умела мама. Но она во время их разговора просто сидела рядом и смотрела прямо перед собой. Когда в конце папа щелкнул пальцами, она произнесла:

— Очень важно было бы узнать, существовал ли и в самом деле человек, которого спас ангел в Венеции в семьсот девяносто седьмом году. Как вы думаете, это можно выяснить?

Папа рассмеялся.

— Неужели и ты считаешь эту историю подлинной? — спросил он маму.

У мамы был блуждающий взгляд.

— Нет, не думаю.

Она посмотрела на Иоакима, а потом вновь подняла глаза на папу.

— Если действительно этот человек повстречал ангела, то наверняка рассказал кому-нибудь об этом, например священнику.

И тогда могли появиться письменные свидетельства. Наверное, стоит порыться на книжных полках в библиотеке...

Папа не хотел ни о чем таком слушать. Вместо этого он заявил:

— Сегодня все мы отправляемся в город, там едим пиццу, а потом идем на площадь. Ты помнишь, как выглядит этот торговец, Иоаким?

— Конечно, — ответил Иоаким. — Я сразу же узнаю его. Он говорит как-то странно, он ведь не чистый норвежец.

В тот день в школу за Иоакимом пришла мама. Они поехали в город на автобусе, и там встретились с папой. Потом они сидели в ресторане, ели пиццу и смотрели на площадь перед кафедральным собором.

Во время еды папа то и дело спрашивал:

— Ну как, ты видишь его, Иоаким?

И всякий раз Иоакиму приходилось отвечать отрицательно. Продавца роз Иоанна на площади не было.

В городе они купили красивых маленьких свечек для сервировки стола и несколько рождественских подарков.

Перед возвращением домой они заглянули в ту самую книжную лавку, где Иоаким нашел волшебный календарь. Пожилой хозяин сразу узнал и папу, и Иоакима. Он вежливо поздоровался с мамой.

— Мы снова пришли к вам, — сказал папа. — Мы хотели бы спросить, не доводилось ли вам видеть в последнее время удивительного продавца цветов?

Книготорговец покачал головой.

— Его не было здесь уже много дней. Обычно он появляется гораздо чаще, но именно в это время года всегда куда-то исчезает.

— Понимаете, этот рождественский календарь — прямо-таки настоящее чудо, — стала объяснять мама. — И мы бы очень хотели пригласить этого человека к себе, просто чтобы поблагодарить его.

Они условились о том, что книготорговец попросит Иоанна позвонить им. Ведь он знал, где они живут, а сейчас они оставили Иоанну еще и номер телефона.

Когда они уже собрались уходить, папа спросил:

— Да, еще одно. Откуда вообще этот Иоанн взялся?

Хозяин лавки задумался.

— Сдается мне, он говорил, что родился в Дамаске.

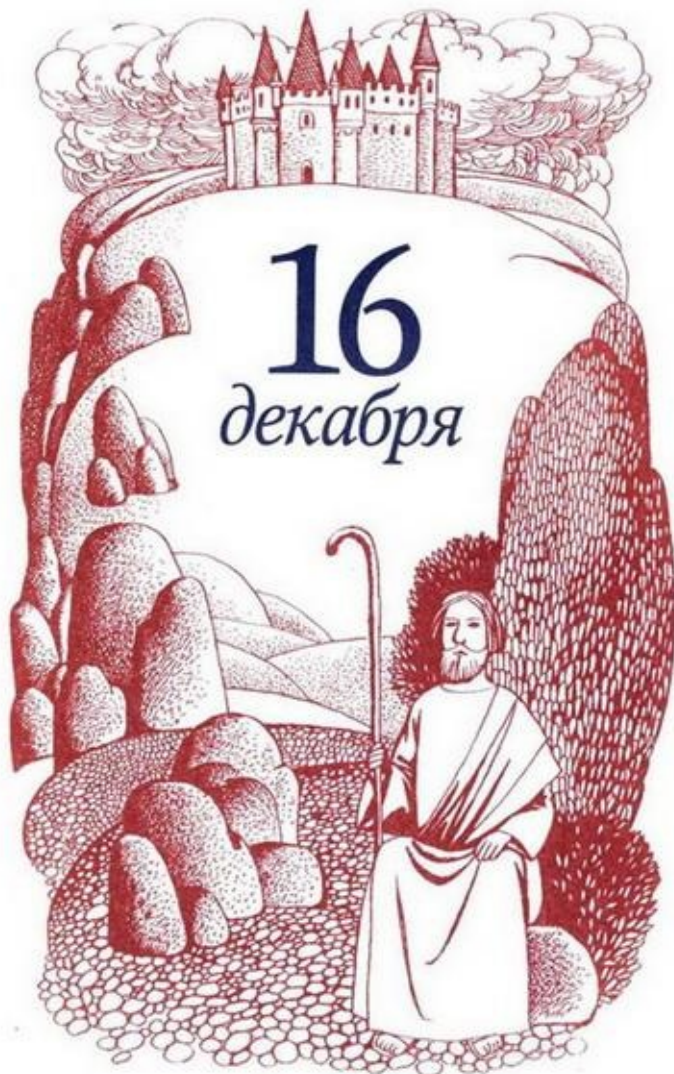
Когда все они сели в машину, чтобы ехать домой, папа замер в задумчивости, барабанил пальцами по рулю. Наконец он повернулся к маме и сказал:

— Если бы мы только смогли найти его...

— По крайней мере, сейчас мы смогли узнать, откуда он родом, — отозвалась мама. — Если не ошибаюсь, Дамаск — столица Сирии?

16 ДЕКАБРЯ

...Казалось, на него напала икота...

Целый вечер все они говорили только об Элизабет, Иоанне и волшебном календаре. Даже если они и молчали, каждый знал, о чем думают двое других.

Вставая из-за обеденного стола, папа едва не уронил вилку на пол.

— Жаль, что мы не нашли его. Но он ведь хитрая лиса, а хитрую лису так просто не выследить.

Мама сидела, держа в руках газету, но смотрела не в нее, а куда-то в пространство.

— Уже одно то загадка, что бедная девочка так и не вернулась домой.

Иоаким поставил фотографию взрослой Элизабет на каминную полку. И теперь, хотя по телевизору шла интересная передача, он неожиданно оторвался от экрана, взглянул на фотографию и сказал:

— Может быть, она была его возлюбленная.

Мама и папа слышали, что он сказал. Папа отставил свою чашку кофе на маленький столик.

— Может быть, и так.

А мама продолжила эту мысль:

— Ведь в крохотном календарике, вложенном в большой рождественский календарь, который Элизабет получила от Квириния, были написаны не только слова «Элизабет» и «Тебазилэ». Там было еще написано Roma и Amor. Amor означает любовь.

Иоаким выключил детскую передачу, спрыгнул со стула, на котором сидел.

— Ты говоришь: любовь?

Мама кивнула:

— Amor по-латыни означает любовь. Отсюда слово «Амур».

— Но ведь Amor — это слово «Roma», то есть Рим, прочитанное наоборот! — продолжал ее мысль Иоаким. — Тогда, может быть, и Тебазилэ тоже что-то означает?

Рано утром 16 декабря мама с папой пришли в комнату Иоакима и разбудили его.

— Просыпайся, Иоаким, — сказала мама. — Сейчас еще только семь часов, но сегодня нам потребуется больше времени.

Иоаким быстро вскочил в своей кровати. И снова подумал, что благодаря волшебному календарю у него теперь как будто каждый Божий день был днем рождения. Ну а если представить себе, что кто-то сделал бы подобный календарь на целый год, а не только на период адвента — ожидания Рождества?

Он вспомнил свой сон: маленькая девочка пробиралась через целую толщу блинов, чтобы найти что-то, что она потеряла. Наконец под самым нижним блином она нашла потерю: это была крохотная куколка, завернутая в тряпочку. И куколка эта в его сне была совершенно живая.

Иоаким протер глаза, отгоняя сон, и посмотрел на окошки в календаре.

— Ну что же, открывай, — сказал папа, и голос у него был почти сердитый. — Давай начнем.

Иоаким поднялся и приоткрыл окошко, на котором стояла цифра 16, и вот оттуда выпала сложенная бумажка, но папа успел первым подхватить ее. Сегодня перед ними открылась картинка, изображающая старинный

дворец.

— Слушайте, я начинаю, — сказала мама. Сегодня была ее очередь читать вслух.

Все устроились поудобнее и приготовились слушать.

Даниил

Это произошло в то время, когда старая Римская империя была разделена на два государства, в ее западной части появилась удивительная процессия, которая двигалась на восток. И на западе, и на востоке империи к тому времени христианство уже укоренилось. Нехристианский мир постоянно подвергался разорительным набегам со стороны языческих племен, они мешали возведению новых церквей, они увозили с собой все золото и серебро, подвергая города полному разграблению.

Папа римский написал воззвание, направленное на защиту церковного имущества от чужеродных племен, которые еще не слышали о Христе. В это самое время и появилась удивительная процессия, направляющаяся сквозь время и пространство в город Давидов — Вифлеем, паломники идут из далекого будущего.

Впереди бежит небольшое стадо, состоящее из семи животных: пяти больших овец и двух ягнят, вокруг них вьется ангелок, который непрерывно повторяет: «Не бойся, не бойся». Будто на него напала икота и он никак не может продолжить фразу.

Вслед за стадом овец и ангелочком спешат три пастуха, два волхва, римский наместник из Сирии и маленькая девочка из Норвегии.

И вот они пришли в город Салоники в Далмации и остановились возле руин дворца римского императора. Сначала им показалось, что руины покинуты людьми, но когда наши священные паломники открыли маленькую дверцу в стене, то обнаружили, что за стенами, окружающими дворец, полным-полно людей. Так бывает, когда отдираешь кору от старого бревна, а под ней кишмя кишит множество насекомых. Посреди бывшего императорского дворца вырос маленький городок.

Увидев всех этих людей, ангел Эфириил произнес:

— Мои ангельские часы показывают год шестьсот восемьдесят восьмой от Рождества Христова. Мы находимся в стенах дворца императора Диоклетиана. Диоклетиан родился приблизительно на двести пятьдесят лет позднее Христа, он боролся против нападений кочевых племен на Римскую империю и пытался восстановить ее могущество. Он закрывал христианские церкви, а самих христиан подвергал жестоким преследованиям, когда он умер, его похоронили здесь, на территории дворца. Но уже всего через несколько лет после смерти Диоклетиана во всей Римской империи распространилась христианская вера. А внутри бывшего императорского дворца образовалось большое поселение. Через много лет этот город получил название Сплит.

В то время, пока Эфириил рассказывал все это, их неожиданно заметил какой-то маленький мальчик, на нем почти ничего не было надето. Он показал на них пальцем и закричал:

— Ангелос! Ангелос!

Элизабет повернулась к Эфириилу и спросила:

— Что это он кричит?

— Это означает «ангелы». Малышу явно не доводилось встречать раньше столько ангелов сразу.

А в следующее мгновение уже все окружающие заметили их. Дети так и остались стоять на месте, удивленно раскрыв глаза, в то время как взрослые бросились на землю и повторяли множество раз такие слова, как «глория», «аминь» и «аллилуйя».

Умораил принялся кружить над их головами.

— Не пугайтесь ни в коем случае, — говорил он всем, — шестьсот восемьдесят восемь лет назад в городе Давидовом, Вифлееме, был рожден ваш и на все времена Спаситель. И вот мы из разных уголков мира собрались все вместе, чтобы прийти и поклониться ему.

Из толпы выступил человек в черном и направился к ним.

— Это священник, — прошептал Эфириил.

Он произнес какие-то слова, которых Элизабет не поняла, но ангел объяснил, что он просит поклониться младенцу Христу также и от их скромного захолустья.

Навин ударил посохом по старой кирпичной стене и провозгласил:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

И они отправились дальше через Далмацию. Они бежали по пологим склонам и гребням холмов, а перед ними вдали открывался прекрасный вид на Адриатическое море. Эфириил показал на маленький городок на берегу моря:

— Сейчас шестьсот пятьдесят девятый год. Этот городок называется Рагуза, совсем недавно его основали греки из Пелопоннеса, позднее этот город превратился в важнейший портовый город и стал называться Дубровник.

На высокой горной гряде, откуда тоже открывался вид на море, они встретили еще одного пастуха: он сидел, скрываясь от палящего солнца, под сенью пинии {Пиния — итальянская сосна.}.

На нем была точно такая же голубая тога, как и на Навине, Иакове и Исааке. Когда он увидел, что пилигримы приближаются, он встал и подошел к ним.

— Да будет славен наш всемогущий Господь, — сказал он. —

Меня зовут Даниил, и я ждал вас здесь много-много лет, но знал, в седьмом веке вы будете проходить через Далмацию. Я тоже должен идти в Вифлеем, где буду пасти овец на поле, и ко мне придут и расскажут, что в городе Давидовом родился Спаситель.

— Все именно так! — воскликнул ангелок Умораил. — ведь ты один из нас.

Навин ударил посохом о пинию:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Вскоре они подошли к большому озеру. На краю его стоял город.

— Город называется Шкодер, а озеро — Скутарийское, — сказал Эфириил. — Через много сотен лет эта земля будет называться Албанией. Сейчас мы уже покинули римско-католическую область и теперь приблизились к области, которая управляется Византией.

Услышав столько новых и необычных слов, Элизабет даже растерялась. А ангел Эфириил продолжал:

— Мои часы показывают, что прошло шестьсот два года после рождения Христа. С этого времени и в течение всего периода средневековья у христианской церкви было два основных центра. Одним из них был Рим, а другим — Византия, город у входа в Черное море.

— Но ведь и у тех и у других христиан была одинаковая вера?

— В основном — да, но люди проявляют свою веру немного по-разному. Поколения сменяли друг друга, а с ними менялись и церковные обычаи и установления, хотя общим началом было знаменательное событие: та ночь в городе Давидовом — Вифлееме, когда на свет явился младенец Иисус.

Умораил пошелестел крыльями и добавил:

— Вот именно! Потому что существовали только одна-единственная Мария и один-единственный младенец Иисус, но со времени его рождения

было нарисовано и вырезано из дерева огромное множество изображений Марии и младенца. И нет среди них даже двух совершенно одинаковых. Был только один младенец — Иисус, но у всех людей разное представление о нем.

Элизабет сложила и эти слова в своем сердце. И тут Умораил взмахнул крыльями и подлетел к Элизабет:

— Господь создал также одного Адама и одну Еву. Они были детьми, играли в прятки и лазили по деревьям в райском саду, ведь какой был бы смысл создавать прекрасный сад, если бы не было ребенка, который мог бы резвиться в этом саду? А затем они съели два аппетитных яблочка — от древа познания — и сразу стали взрослыми. Детским играм пришел конец, но только на короткое время. Потому что вскоре у повзрослевших Адама и Евы появились дети, а потом и внуки. Таким образом, Господь позаботился о том, чтобы в мире всегда было множество детей. Потому что нет никакого смысла создавать мир, если в нем не будет маленьких детей, которые могли бы открывать его для себя. И именно таким образом Господь каждый раз по-новому творит этот мир. И акт творенья никогда не кончается, потому что являются новые и новые дети, которые в первый раз открывают для себя мир Божий. Вот так!

Волхвы переглянулись.

— Ладно, ладно, — произнес Бальтасар.

А Каспар продолжил:

— Это толкование кажется мне, право, несколько сомнительным. Но ведь любая хорошо задуманная история может быть истолкована по крайней мере двумя или тремя различными способами, хотя сам рассказчик рассказывает ее только один раз.

— И хотя на земле за это время жили миллиарды детей, среди них невозможно было найти двух совершенно одинаковых, — высказал свое мнение Умораил. — Во всем Божьем мире не найдется даже двух совершенно одинаковых былинки. А все потому, что Господь на небесах обладает безграничной фантазией, она переполняет его, бьет ключом, как фонтан, так что отдельные брызги не достигают и земли. «...Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую, и птицы да полетят над землею по тверди небесной, — говорил он, создавая в неистовых трудах за шесть дней весь этот мир. — Да произведет земля душу живую по роду ее, скотов и гадов и зверей земных по роду их».

Ангел Умораил покосился на Элизабет.

— Я все знаю наизусть.

Элизабет захлопала в ладоши, ведь ей всегда было так трудно

выучить наизусть всякие правила, стихи или отрывки. Истин ударил посохом оземь:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

И они отправились в путь по Македонскому плоскогорью.

Мама закончила читать, а они всё сидели, улыбаясь друг другу.

— Уж чего-чего, а фантазии этому продавцу роз не занимать.

Папа снова заглянул в атлас.

— Они пробежали за один день через всю теперешнюю Югославию. Да уж, приличная часть пути, ничего не скажешь.

— Они преодолели путь, равный столетию, — заметил Иоаким. — За день они передвигаются на сто лет назад.

— Да, для нас это столетие. А для Элизабет и всех остальных время идет очень быстро, потому что они бегут сквозь целые исторические слои. Это то же самое, что плыть на всех парусах или бежать вниз по эскалатору.

Папа неохотно кивнул.

— К тому же эта страна не называется больше Югославией, — продолжала мама. — И в седьмом веке не было Югославии. Здесь были Хорватия и Далмация.

Папа продолжал изучать карту. Он показал на ней, где именно бежали паломники. А потом нашел города Сплит и Дубровник. Придя вечером с работы, папа объявил с порога:

— Сегодня я был в полиции.

У мамы расширились глаза от удивления:

— Чтобы найти Иоанна?

Папа помотал головой:

— Нет-нет. Я хотел больше узнать об этой девочке, которая пропала в тысяча девятьсот сорок восьмом году. Ей было всего семь лет, и она бесследно исчезла. Лучшие полицейские силы занимались ее поисками много месяцев. Но так и не нашли ее. Единственное, что им удалось обнаружить, так это ее шапочку: она лежала в перелеске за городом. Ясно, что эта девочка, к сожалению, прожила короткую жизнь.

— Не стоит так уж категорично утверждать это, — сказала мама и хитро подмигнула Иоакиму.

Папа продолжал:

— Я попытался также связаться с семьей девочки. Позвонил по нескольким номерам, и в конце концов мне удалось поговорить с ее матерью. Сейчас это уже немолодая женщина, ей семьдесят лет.

И мама, и Иоаким раскрыли рты от изумления.

— Ну и что она сказала?

— Она знает Иоанна?

— Давайте по порядку, — заметил папа. — Пожилая дама могла рассказать немногим больше, чем полиция. Но она говорит, что когда-то давно разговаривала с человеком из Сирии. Его звали Иоанн. Отец девочки умер несколько лет назад. Он тоже бывал в Сирии и во многих других странах. Но... — папа перевел дух, — она ничего не слышала о той фотографии, которая была сделана через десять-пятнадцать лет после исчезновения Элизабет. Я обещал прислать ей копию этой фотографии.

Поздно вечером через несколько минут после того, как мама и папа пожелали Иоакиму спокойной ночи и ушли из его комнаты, он встал с кровати и уселся за свой секретер. Кто была та молодая женщина, которую Иоанн сфотографировал в Риме?

Ее тоже звали Элизабет или на самом деле у нее было совсем другое имя?

«Забет... Тебаз», — твердил тогда Иоанн. Но почему он говорил это? Это похоже на заклинание...

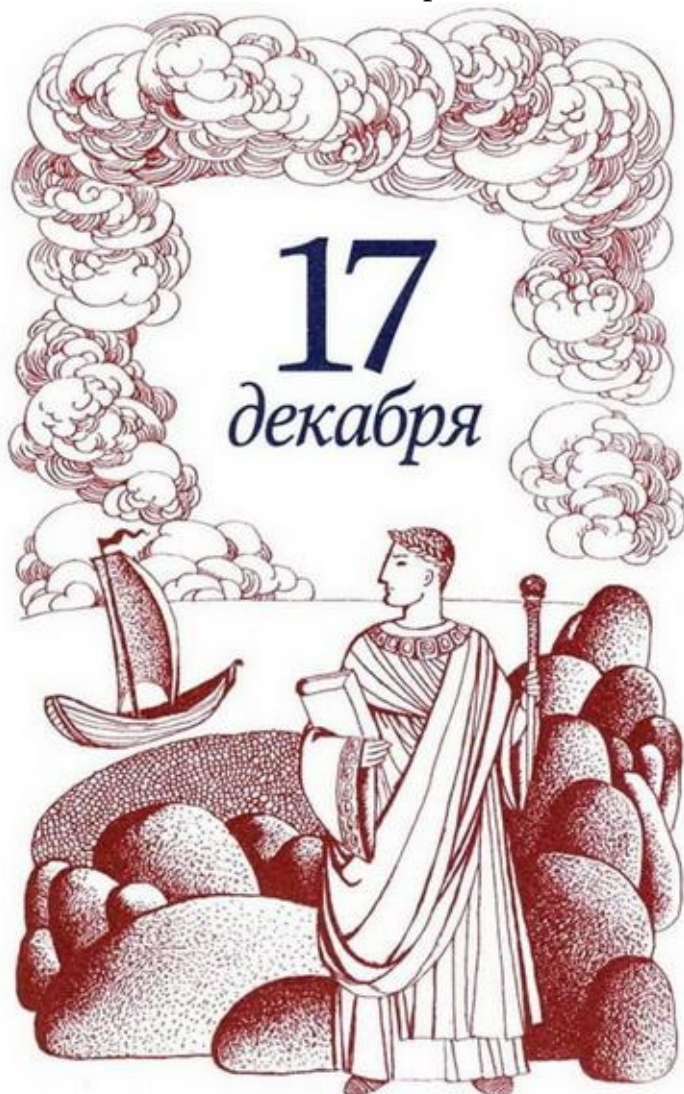
Иоаким открыл свою записную книжечку и посмотрел, каким именно образом он записал те два имени. Теперь он написал их по-другому:

З	А	Б	Е	Т	Е	Б	А	З
А			Е					А
Б			Б					Б
Е			А					Е
Т	Е	Б	А	З	А	Б	Е	Т
Е			А					Е
Б			Б					Б
А			Е					А
З	А	Б	Е	Т	Е	Б	А	З

Кажется, это похоже на окно или на крест? А может быть, на рождественский календарь...

17 ДЕКАБРЯ

*...Во имя Христа было сделано много такого,
чего мы на небесах не одобряем...*

Продавец роз Иоанн встретил однажды в Риме молодую женщину. Во всяком случае, у него была ее фотография, где она снята перед собором Святого Петра. По марке автомобиля можно судить, что фото сделано много лет назад. На фотографии написано имя: Элизабет.

Но звали ли эту женщину действительно Элизабет? Или кто-то другой просто написал «Элизабет» на фото?

Ту девочку, о которой мама, папа и Иоаким читали в волшебном рождественском календаре, тоже звали Элизабет. Кроме того, была еще

одна Элизабет, которая потерялась, когда они с мамой покупали рождественские подарки. И вот теперь папе Иоакима удалось поговорить по телефону с ее матерью.

У мамы и папы возникло столько всяких мыслей и соображений! Им очень хотелось бы встретиться со старым продавцом роз. Но сейчас он куда-то исчез. Они оставили свой номер телефона в книжной лавке, куда Иоанн время от времени заходил, чтобы выпить стакан воды.

Только бы он не уехал обратно в Дамаск!

Семнадцатого декабря первым проснулся Иоаким. Ему таки удалось открыть окошко в волшебном календаре, прежде чем встали мама с папой. На этот раз перед ним была картинка, на которой паломники спускались вниз по крутому склону горы.

Не успел он извлечь из окошка свернутый листок, как в комнату вошел папа.

— Надеюсь, ты еще не открыл окошко в календаре? — спросил он.

Иоаким вздрогнул.

— Открыл. Но я еще не читал то, что написано на листочке.

— Ты мог бы все же подождать нас, — обиженно проговорил папа.

Он бросился в спальню и разбудил маму. Он даже не позволил ей пойти сначала в ванную. И вот они опять все втроем уселись на кровать к Иоакиму и склонились над тоненьким листочком. Сегодня читал папа:

Серафиил

Конец шестого века. По горной гряде в Македонии движется длинная процессия пилигримов.

Внизу, на берегу реки Аксус, стоит крестьянин, пасущий овец, его взор устремлен в горы. Сначала он заметил семь белых овец, которые разбрелись вокруг горной вершины и кажутся жемчужным ожерельем. Рядом порхает какая-то белая птица, это была большая птица — должно быть, больше орла — и такая же белая, как ягненок, за овцами идут четверо мужчин, один из них держит в руке пастуший посох, за четырьмя пастырями идет кто-то еще.

Это удивительное зрелище длится всего одну или две секунды, а потом исчезает. Греческий пастух, которому довелось его увидеть, замирает на месте, потом протирает глаза руками и вспоминает, что о подобном ему рассказывал однажды, много лет назад, его отец. Только случилось это в другом месте — немного подальше, в долине реки Аксус. Отец видел тогда пастухов, которые бежали за стадом овец. За пастухами шли два изысканно одетых господина, один из которых был негр. Позади всех бежала девочка в яркой одежде. Самым поразительным было то, что загадочное шествие замыкали два ангела.

Потом, когда процессия уже исчезла из виду, крестьянин понял, что белая птица, которая кружила в воздухе, была отнюдь не птицей. Теперь и он сподобился увидеть ангелов Господних.

Процессия пилигримов продвигалась вдоль реки, вплоть до места, где та впадала в Эгейское море в бухте Термайкос. Элизабет еще никогда в жизни не доводилось видеть такую синюю воду.

Эфириил указал на горную вершину, возвышающуюся с правой стороны бухты, на которую они смотрели.

— Эта высокая гора называется Олимп. В старые времена греки верили, что на ней живут их боги. Этих богов звали: Зевс, Аполлон, Афина и Афродита... На моих часах сейчас год пятьсот шестьдесят девятый от Рождества Христова. Здесь сейчас уже никто не верит в греческих богов.

— Они верят в Христа? — спросила Элизабет.

Ангел кивнул.

— Но всего лишь несколько лет назад церковь добилась закрытия старой философской школы в Афинах. Эта школа была основана почти тысячу лет назад знаменитым философом по имени Платон.

— А почему надо было закрывать старую школу?

Эфириил покачал головой, а потом сказал то, что Элизабет сложила в своем сердце:

— Во имя Христа было сделано много такого, чего мы на небесах не одобряем. Иисус обращался ко всем людям. Он не требовал, чтобы они безропотно молчали. А через несколько лет в Афины приехал апостол Павел, он был первым великим миссионером, проповедующим христианство, и когда он приехал в Афины, то изъявил желание побеседовать с греческими философами. Он призвал их прислушаться к словам Всевышнего, но выслушивал также и их мнение.

Не успел Эфириил закончить свою речь, как Навин ударил посохом о землю:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

После этого наши паломники прибыли в большой город, расположенный в самой глубине бухты. Эфириил сообщил, что сейчас 551 год, а город называется Фессалоника и во время римского владычества он стал столицей Македонии.

— Уже через пятьдесят лет после рождения Христа благодаря апостолу Павлу здесь появилась христианская община. Мы еще далеко от Святой земли. Павел написал два послания христианам в этом городе. Эти послания можно прочитать в Библии.

Элизабет глубоко задумалась над словами ангела. Ей никогда не приходило в голову, что можно так долго хранить чьи-то письма. Тут они вошли в городские ворота. Было раннее утро, и на улицах почти не было людей. Эфириил показывал на многочисленные церкви и говорил, что некоторым из них уже несколько сотен лет. Он остановился около одной и сказал:

— Пройдет еще полторы тысячи лет, а эта церковь во имя святого Георгия все еще будет существовать.

Все они поспешили дальше на запад и вскоре подошли к другому городу.

— Это Филиппы, — сказал ангел Эфириил. — Здесь Павел произнес свою первую проповедь на европейской земле. Здесь он также основал и первую в Европе христианскую общину. В Библии есть послание к филиппийцам, которое он написал, когда за свою веру был заключен в темницу.

Эфириил указал на церковь в форме восьмигранника. Вдруг изнутри открылась одна из дверей. Умораил начал уже было говорить «не бойся...», но из церкви показался еще один ангел. Он сделал несколько шагов навстречу Элизабет и произнес:

— Приветствую тебя, дочь моя. Меня зовут Серафиил, и я отправлюсь с вами в Вифлеем, где поднимусь на небо и из облаков буду приветствовать пришествие в мир младенца Христа.

Навин ударил посохом о церковную стену:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

И они снова тронулись в путь по старой дороге, пролегающей между Ионическим морем и Константинополем. Серафиил рассказал, что дорога называется Виа Игнатия.

Первым бежал тот самый ягненок, который однажды покинул магазин в Норвегии, потому что устал от стрекота многочисленных кассовых аппаратов. За овцами шли четыре пастуха, за ними римский наместник Квируний, два волхва, маленькая девочка из Норвегии и ангелы

Эфириил и Серафиил. А ангелок Умораил порхал туда и сюда над всей процессией.

Они устремились далее, на запад, в сторону Константинополя. На бегу ангел Эфириил заметил:

— Сейчас на моих часах пятьсот одиннадцатый год, а в Константинополе мы будем раньше пятисотого года.

Папа листал атлас, чтобы проследить путь наших паломников.

— Вот здесь проходит македонская горная гряда. Она спускается к реке Аксцус. А это бухта Термаикос. Если находишься здесь, то справа можно видеть гору Олимп. Ну что же, все сходится.

Папа открыл другой атлас. Здесь можно было увидеть, как выглядела Европа в шестом веке.

— Виа Игнатия должна быть здесь, — сказал он. — А вот Фессалоники и Филиппы.

— А есть ли здесь карта, по которой можно проследить миссионерский путь апостола Павла? — поинтересовалась мама.

Папа все листал и листал атлас, и Иоаким подумал, что этот атлас можно считать волшебным, ведь в нем можно было увидеть, каким был мир в разные времена. В нем можно было найти города, которые уже давно погребены под толщей земли и песка.

— А, вот она! — воскликнул папа. Он нашел карту миссионерских походов апостола Павла. — Филиппы и Фессалоники он посетил во время второго путешествия.

Когда Иоаким пришел домой из школы, зазвонил телефон. Он думал, что это звонит мама или папа, потому что иногда они звонили, когда задерживались на работе, и говорили ему, чтобы он взял еду из холодильника. Иоаким терпеть этого не мог.

Иоаким поднял трубку:

— Алло!

— Это Иоанн, — донеслось до него из трубки.

Что ему сказать? Иоаким напряженно думал, а потом произнес те же слова, какие говорила мама, когда он слишком долго играл с приятелем и поздно приходил домой.

— Где ты пропадал? — спросил он.

— Я был в одном месте в пустыне, — отвечал Иоанн. — Но мы с тобой еще увидимся. А сейчас я бы просто хотел узнать, как там у вас идут дела с волшебным календарем?

— С ним дела идут очень хорошо, — ответил Иоаким. — Теперь у меня как будто бы всегда день рождения, потому что утром ко мне

приходят папа и мама и мы читаем листочки, которые выпадают из окошечек. Читаем все вместе.

— Значит, их все еще можно прочесть?

Иоаким не понял, что имел в виду Иоанн.

— Конечно, мы читаем каждый день по листочку.

— Прекрасно, просто прекрасно. А где находятся наши пилигримы сейчас?

Мне кажется, что это место называется Филиппы, — ответил Иоаким.
— Мы нашли его на карте.

— Отлично. Собственно, так все и было задумано.

— Ой...

— Что, Иоаким?

— Ничего, продолжайте.

— Как ты считаешь, что подумал греческий крестьянин, когда увидел процессию паломников на пути в долину реки Аксцус?

— Он очень сильно испугался, — сказал Иоаким.

— Да, вероятно, так оно и было.

— Мама и папа о многом хотели бы вас спросить. Может быть, вы зайдете к нам выпить кофе?

Иоанн засмеялся и заметил:

— Но ведь Сочельник еще не наступил.

— Мы все равно можем угостить вас кофе с пирожными и булочками. Мы уже много всего напекли для Рождества.

Тут Иоаким испугался, что Иоанн закончит разговор, и спросил:

— Это точно, что ту даму на фотографии зовут Элизабет?

Молчание на другом конце провода. Потом Иоанн сказал:

- Я почти уверен... если не Элизабет, то тогда Тебазилэ.

Теперь пришел черед помолчать Иоакиму. Он стал размышлять о том причудливом календаре, который Квириний дал Элизабет, а также о словах Иоанна в тот день, когда они встретились у их садовой калитки.

— Но может быть, ее зовут и так и так? Может быть, ее имя Элизабет Тебазилэ?

И снова Иоанн долго молчал, прежде чем отозваться:

— Что ж, возможно! Да, именно.

— Та дама была норвежка?

Иоанн тяжело вздохнул.

— Видишь ли, и да и нет. Она из Палестины, из небольшой деревушки неподалеку от Вифлеема. Она сказала мне, что она — палестинская беженка, но родилась в Норвегии. Все это довольно причудливо.

— И она бежала в Вифлеем вместе с Эфириилом и ягненком с колокольчиком на шее? — спросил Иоаким и затаил дыхание.

— Ты задаешь слишком много вопросов. Сейчас, видишь ли, я уже должен закончить разговор. Нужно научиться ждать, Иоаким. Ты ведь знаешь: время перед Рождеством называется «адвент», а это значит — ожидание!

И тут Иоанн повесил трубку.

Иоаким слонялся по дому до самого прихода мамы и папы. А когда они наконец появились, ему пришлось вновь и вновь пересказывать телефонный разговор с Иоанном, так как папа хотел убедиться, что Иоаким ничего не забыл рассказать им.

— Элизабет Тебазилэ, — хмыкнул он. — Не может быть, чтобы кто-то так звали.

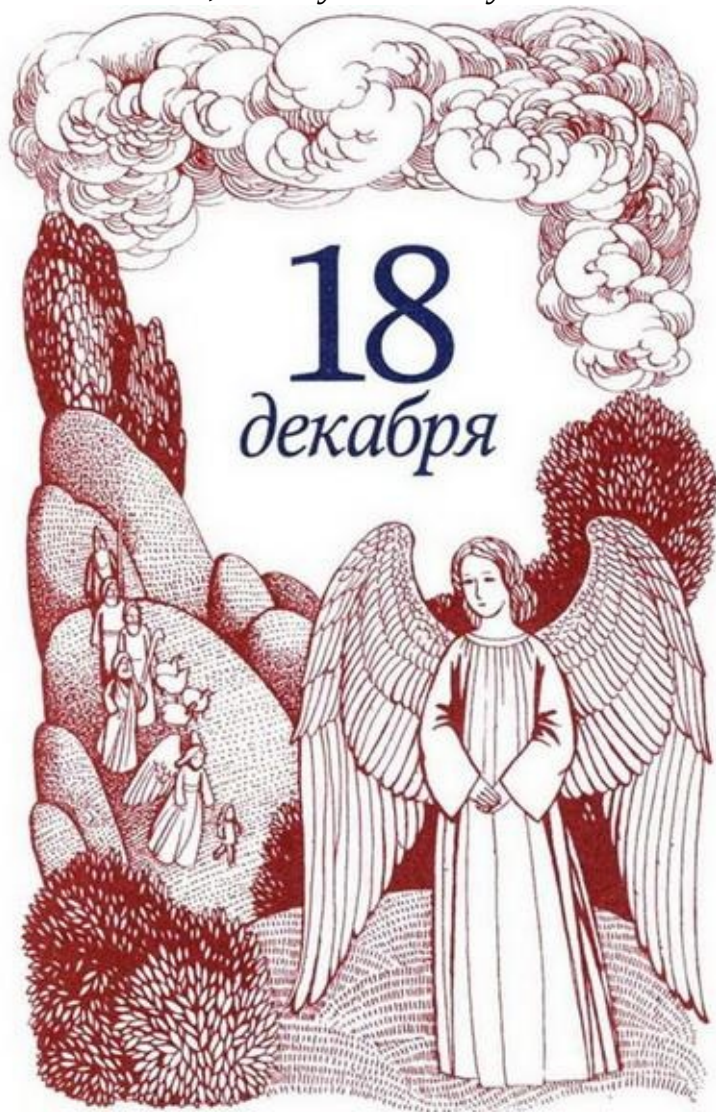
Но были и другие вопросы, над которыми задумался Иоаким. Ему было известно, что беженец — это тот, кто вынужден бежать из своей страны, потому что там идет война и жизнь становится невыносимой. Но он никогда не слышал о беженцах из Вифлеема.

Папе пришлось снова рыться в атласе. И он рассказал сыну, что многим людям из деревень, расположенных вокруг Вифлеема, пришлось покинуть свою страну, потому что там шла война. Многие лишились всего своего имущества и попали в такую нужду, что вынуждены были жить в лагерях для беженцев.

— Тогда к ним должен был прийти на помощь какой-нибудь добрый самаритянин, — сказал Иоаким. — Потому что Христос учил людей помогать друг другу в беде. К тому же повсюду на земле должен быть мир. Ведь основной смысл Рождества — в провозглашении мира на всей земле.

18 ДЕКАБРЯ

*...Царство Божие открыто для всех,
даже для тех, кто путешествует без билета...*

Иоанн позвонил Иоакиму и сказал, что находится где-то в пустыне. Иоаким пригласил его прийти к ним в гости на чашку кофе, но Иоанн ответил, что Рождество еще не наступило и что Иоаким должен научиться ждать.

И мама, и папа не сомневались, что это Иоанн сделал волшебный календарь. Папа сказал, что этот старый продавец роз — хитрая лиса, а мама назвала его таинственной личностью. Из них троих только Иоаким был уверен, что та Элизабет, которая находилась на пути в Вифлеем, чтобы

поклониться младенцу Иисусу, и та, которая была сфотографирована в Риме, — одна и та же девушка.

Элизабет Хансен исчезла в 1948 году. Если ей тогда было семь лет, то вполне вероятно, что в начале шестидесятых годов она была уже взрослой женщиной.

Но почему Иоанн точно не знал, как звали даму на фотографии: Элизабет или Тебазилэ? Может быть, Элизабет стала произносить свое имя справа налево, когда пришла в Вифлеем, чтобы оно звучало на палестинский лад?

Папе не понравилось, что Иоаким открыл окошко в волшебном календаре, не дождавшись, пока встанут они с мамой. 18 декабря папа сам пришел в комнату Иоакима и разбудил его. Он напомнил, что до Рождества остается всего неделя и что нужно поскорее открыть очередное окошко, а то ему надо спешить на работу.

Сегодня на картинке была изображена толстая короткая палка, на конце которой был приделан сверкающий золотой шар.

— Это скипетр, — объяснила мама. — Скипетры принадлежали королям и императорам и служили символом власти. Этот круглый шар означает солнце.

Иоаким развернул тоненькую бумажку, которая выпала из календаря, и стал читать вслух маме и папе. Они же сели на кровать по обе стороны от него.

Император Август

Семь овец, четыре пастыря, два священных царя, три ангела Господних и маленькая девочка из Норвегии мчатся через Фракию и устремляются к Константинополю, расположенному в бухте Золотой Рог между Мраморным и Черным морями. Скорее, скорее в Вифлеем. Прошло пятьсот лет с того времени, как в хлеву родился младенец Христос, которого завернули в тряпицу и положили в ясли, потому что в гостинице для Марии и Иосифа не нашлось места. Но эту историю знают уже почти во всем мире.

Наши пилигримы останавливаются перед городскими воротами, у которых стоят стражники. Те вынимают из ножен мечи и поднимают копья, прежде чем к воротам успевают подойти первые овцы. Тогда ангел Серафиил опускается между стражниками и животными.

— Не бойтесь, — говорит он стражникам. — Мы идем в Вифлеем, чтобы приветствовать приход в мир младенца Иисуса. Вы должны пропустить нас.

Стражники тут же бросают оружие и падают ниц. Один из них делает знак, приглашающий наших странников войти в ворота. И вскоре вся процессия проходит через ворота в толстых городских стенах.

Было раннее утро, и город еще не пробудился к жизни. Паломники остановились на вершине холма, откуда открывался красивый вид на гавань и пролив Босфор, который отделяет Европу от Азии. Пролив довольно узкий: стоя на одном берегу, можно обозревать другой. На переднем плане они увидели строящуюся церковь.

— Время — год четыреста девяносто пятый, — говорил Эфириил. — Первоначальное название этого города — Византия, но в лето Господне триста тридцатое от Рождества Христова император Константин провозгласил этот город столицей Римской империи. При нем он назывался новый Рим, а позднее стал Константинополем, потом город снова обрел свое греческое имя — Византия. По прошествии тысячелетия, в тысяча четыреста пятьдесят третьем году, город завоевали турки и дали ему имя Стамбул.

— А эти стражники слышали о Христе? — спросила Элизабет.

— Скорее всего — да. Еще в триста тринадцатом году император Константин разрешил христианство, хотя сам крестился только перед смертью, через несколько лет, в триста восьмидесятом году, христианство стало официальной религией на территории всей Римской империи.

Элизабет удивилась словам ангела.

— И как только ты умудряешься помнить все эти столетия? — спросила она.

— Это совсем нетрудно, ведь мне приходится всего-навсего следить за стрелками на моих ангельских часах. А так как нас, небожителей, не волнуют секунды, минуты, часы и дни, то со столетиями вполне можно разобраться. Следующий важный для нас год — триста девяносто пятый, то есть ровно сто лет назад. Тогда Римская империя была разделена на две части, а Константинополь стал столицей Восточной Римской империи.

Тут подошел ангел Серафим и, указав вниз, на красивую церковь, произнес:

— Эта церковь называется базилика, и построена она во славу божественной мудрости императором Константином. Через несколько лет она сгорит, но на том же месте будет снова воздвигнута прекрасная церковь — Софийский собор. На много столетий собор станет символом этой страны.

Квириний начал покашливать.

— Нам нужно переправиться через Босфор, — сказал он. — До Сирии не так уж и далеко. Дикси!

Навин ударил посохом о землю:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Они пробежали через весь город и вскоре уже были у бухты Золотой Рог. На краю причала их встретил величественный человек в роскошной одежде со сверкающим скипетром в руке, в другой он держал очень толстую книгу — свиток.

Умораил был уже тут как тут — порхал рядом с ним, собираясь сказать «не бойся», но этот роскошно одетый человек не обращал ни малейшего внимания на ангелочка.

Он направился прямо к нашим паломникам.

— Я император Август и намерен переправить вас через Босфор. Я повелеваю вам безропотно принять мое решение.

Он показал вниз, на лодку под большими парусами. Овцы уже начали прыгать на борт.

— Значит, ты тоже один из нас! — провозгласил Эфириил.

Элизабет повернулась к ангелу и сказала:

— А я и не знала, что император Август был христианином.

По лицу ангела пробежала загадочная улыбка.

— Дело в том, что старый римский император невольно оказался участником событий Евангелия, как бы своего рода безбилетным пассажиром... А царство Божие открыто для всех, даже для тех, кто путешествует без билета.

Элизабет подумала, что эти слова ангела словно бы еще больше раздвинули границы царствия небесного. И она сложила и эти слова в своем сердце.

Вскоре вся большая процессия была уже на другом берегу Босфора. Когда они сошли на берег, Элизабет поздоровалась с римским императором и спросила, какую книгу он держит под мышкой. Она думала, что, вероятнее всего, это Библия или, по крайней мере, книга

псалмов. Ведь не иначе как по воле неба старый император решил отправиться с ними в Вифлеем. Но император Август произнес только:

— Этот священный свиток — перепись населения.

Больше он не добавил ничего. Он был такой важный, что явно не любил пускаться в длинные рассуждения, тем более с маленькими девочками. Это показалось Элизабет весьма странным, потому что ведь не каждый же день римскому императору доводится разговаривать с девочкой, которая бросилась догонять ягненка, убежавшего из большого универмага в Норвегии и направлявшегося в Вифлеем, потому что он больше не мог переносить стрекот кассовых аппаратов.

Пастух Навин ударил посохом о землю и напомнил им, куда они должны спешить. Но на этот раз бежали они недолго и вскоре остановились на вершине холма, возвышающегося над городом Халкидоном.

В городе было множество священников, казалось, их здесь целый рой. Элизабет была просто изумлена, увидев столько пасторов. Она даже немного испугалась.

— Не бойся, — сказал ей ангел Серафиил. — Время — четыреста пятьдесят первый год от Рождества Христова, и сейчас проходит самый большой церковный съезд за всю историю христианской церкви.

— А что они здесь обсуждают? — поинтересовалась Элизабет.

Ангел Серафиил рассмеялся.

— Они пытаются выяснить, что же это такое — истинное христианское учение.

— Ну и как, им это удалось?

— После долгих дискуссий они пришли к выводу, что Иисус был одновременно и богом и человеком. Но они также обсуждали и многое другое. Некоторые из них так усердно старались выяснить, какова истинная вера, что в азарте совсем забыли, что именно в ней самое важное.

У Элизабет расширились глаза.

— Ну и что же самое важное?

— То, что Иисус пришел в этот мир, чтобы научить людей любить друг друга. Нет более сложной задачи для людей, чем эта, и в то же время нет и завета важнее. При этом совершенно не важно, сколько ангелов живет на небе и может ли в глазу Всевышнего оказаться сучок.

— Неужели у него и вправду есть в глазу сучок?

— Видишь ли, это совершенно неважно. Гораздо важнее видеть бревно в собственном глазу.

Элизабет подумала, что и на этот раз очень трудно понять сказанное ангелом, но и эти слова ангела она сложила в своем сердце. Быть может, когда-нибудь она лучше уразумеет их.

Волхвам речь ангела пришла не по нраву. Каспар склонил голову набок, покачал ею и лениво проговорил:

— Строго говоря, в существование ангелов верить вообще не обязательно. Многие считают, что подобные представления очень мало связаны с учением Христа.

Ангел Эфириил вперил свой взгляд прямо в глаза волхву, чтобы заставить его замолчать, и это как будто бы помогло, по крайней мере, на короткое время. Но вот слово взял Бальтасар:

— Все рассказы об ангелах можно считать просто сказками. Но тот, где Христос учил людей любить друг друга, — не вымысел.

И только после этого Эфириил счел необходимым возразить:

— Нам, ангелам, не свойственно употреблять сильные выражения. Но тем не менее я вынужден позволить себе заявить, что подобные измышления являются самыми глупыми из всех, что мне довелось услышать во время нашего паломничества. Вам обоим должно быть стыдно. Если вы способны произносить подобные речи, то вам лучше бы оставаться у себя на востоке, чем отправляться в этот путь на запад.

— Вот именно, — подхватил Умораил. — Как вам обоим не стыдно! Вы и меня обидели.

И в следующее мгновение Умораил сделал нечто такое, чего Элизабет никогда не могла бы ожидать от ангела: он поднес руку к своему обиженному лицу и показал «нос» двум волхвам с востока.

— Вот вам! — воскликнул ангелок. — Получили?

Всю священную процессию охватило чувство неловкости. Тогда ангел Серафиил кашлянул два раза и вытянул вперед обе руки, чтобы показать, что у него нет оружия.

— Легко потерять самообладание, когда даже близкие утрачивают веру в тебя. Однако если у нас возникают такие разногласия, связанные с верой, мы не должны доходить до драки. Так давайте же попробуем забыть все плохое, что было сказано и показано.

Пастух Навин был явно согласен с говорившим, потому что он ударил своим посохом о землю и провозгласил:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

И они продолжили свой путь через Фригию.

Иоаким глубоко вздохнул и выпустил из рук маленький листочек, который упал к нему на колени.

— Неприятно, когда ссорятся взрослые, — сказал он. — Но я думаю, еще хуже, когда начинают препираться ангелы небесные.

Папа кивнул.

— Это все очень тонкий предмет, и не впервые происходят бурные дискуссии об ангелах.

— Хотя в целом у спорящих и не такие уж большие разногласия, — заметила мама. — У ангелов и волхвов общее мнение. Что самое главное в учении Христа — это братская любовь людей друг к другу. И достигнуть этого гораздо труднее, чем поверить в существование ангелов.

Папа раскрыл атлас и нашел Константинополь, который сейчас называется Стамбул. Он показал также узкий пролив Босфор, через который наших странников перевез на лодке император Август.

В этом атласе со старинными картами они нашли тот город Халкидон, куда множество служителей церкви съехались, чтобы обсудить вопрос об истинной вере. Таким образом, процессия паломников достигла Азии.

Вечером, вернувшись с работы, мама принесла большой конверт с копиями вырезок из старых газет. Она побывала в библиотеке и сделала ксерокопии всех материалов, которые были опубликованы в газетах в связи с исчезновением Элизабет Хансен в 1948 году.

Все вместе сидели они за маленьким столиком в гостиной и читали ксерокопии старых газетных вырезок. Особенно пристально они вглядывались в фотографию Элизабет Хансен. Мама взяла фотографию взрослой Элизабет с каминной полки и стала сравнивать ее с изображением в газете.

Была ли на обоих снимках одна и та же Элизабет?

— У той и другой светлые волосы, — сказала мама, — и слегка заостренный носик.

— Трудно судить, — хмыкнул папа.

Он был поглощен текстом сообщения об исчезновении Элизабет. Во время чтения он приговаривал:

— Ее мать была учительницей... Отец известный журналист... Когда растаял снег, в перелеске нашли только шапочку девочки...

Больше никаких следов полиции обнаружить не удалось...

— Конечно, ведь они не читали волшебный рождественский календарь, — заметил Иоаким.

Папа засмеялся:

— А не то пришлось бы им арестовать ангела!

Позднее вечером Иоаким улегся спать, но после того как мама с папой, пожелав ему спокойной ночи, ушли из его комнаты, он снова включил свет.

Иоаким подумал вдруг, что уже много дней он не разглядывал большую картинку в календаре. Потому что почти все окошки были уже открыты. Сейчас он решил вновь закрыть их.

И ОБНАРУЖИЛ, ЧТО КАРТИНКА ОПЯТЬ ИЗМЕНИЛАСЬ!

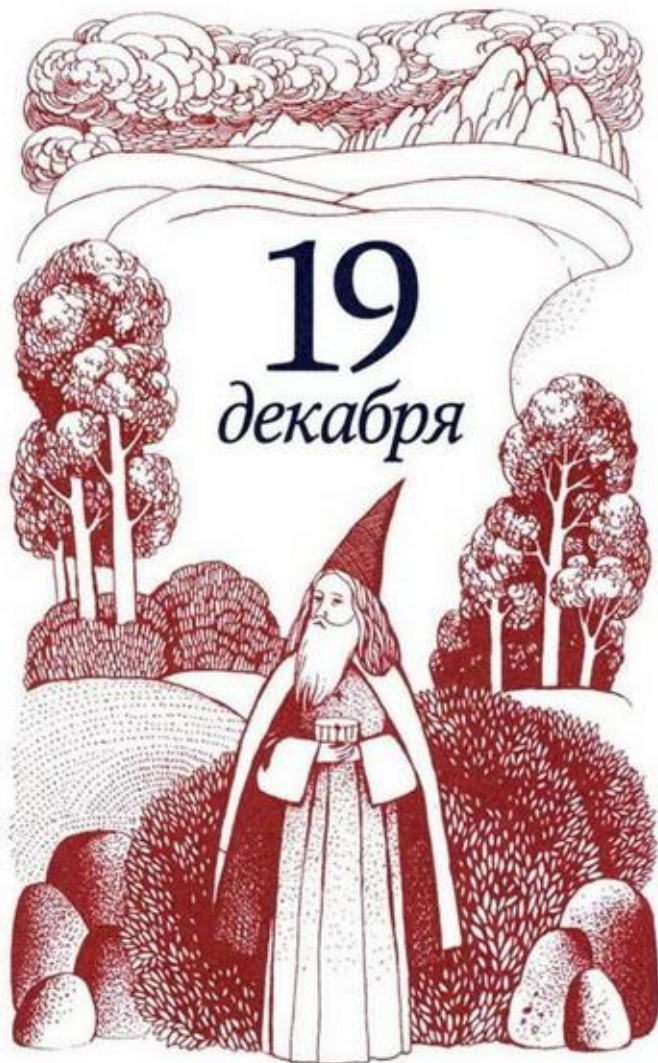
На картинке были изображены Мария и Иосиф. Мария склонилась над младенцем Иисусом, лежащим в яслях. Немного поодаль стоят волхвы, а ангелы в облаках смотрят вниз: они возвещают пастухам на поле, что родился Иисус. Тут же наверху, чуть левее, видны изображения двух мужчин в роскошных одеждах. В отличие от других они стоят спиной к зрителю. Иоаким видел их множество раз и раньше, но только теперь понял, что это Квириний и император Август. И только сейчас он наконец заметил, что в руке у императора сверкающий скипетр!

Неужели он держал в руках скипетр с того самого мгновения, когда Иоаким только получил календарь в книжной лавке?

Или скипетр появился сам по себе, только теперь?

19 ДЕКАБРЯ

*...Ему так понравилось
бросать людям в открытые окна подарки...*

Мама побывала в большой библиотеке и нашла несколько старых газетных заметок о девочке, которая пропала в 1948 году, придя со своей мамой в универмаг за рождественскими покупками. Ее звали Элизабет Хансен — точно так же, как ту девочку, история которой рассказывается в волшебном календаре. Но была и еще одна Элизабет — та, которая стояла перед собором Святого Петра в Риме на снимке, сделанном в начале шестидесятых годов. Или эту даму звали Тебазилэ? Но ведь Тебазилэ — это тоже Элизабет, только слово предстает как бы зеркально отраженным.

Сколько же этих Элизабет — одна или целых три?

Папа полагает, что Иоанн просто придумал продолжение той давней истории о пропавшей маленькой девочке по имени Элизабет. Значит, он считает, что можно говорить о существовании трех Элизабет. По мнению мамы, молодая женщина, сфотографированная в Риме, вероятно, и была той же самой девочкой, которая пропала в Норвегии пятнадцать лет назад. Но мама не верит, что она могла добраться до самого Вифлеема. Она предполагает, что существуют две Элизабет: одна — настоящая, а другая — из рождественского календаря.

Иоаким считал, что существует только одна-единственная Элизабет. Элизабет Хансен убежала вместе с ангелом Эфириилом в Вифлеем, а потом, много лет спустя, прибыла в Рим, парходом или самолетом. Здесь ей захотелось называться по-новому, и она стала писать свое имя справа налево.

Или, быть может, по какой-то причине ей просто нужно было от кого-то прятаться. В таких случаях вполне уместно сменить имя.

Только Иоанн мог бы прояснить что-то для них всех.

По крайней мере, ему довелось встречать одну из этих трех Элизабет. Но сейчас Иоанна нет. Он сказал, что находится где-то в пустыне.

Девятнадцатого декабря в окошке волшебного календаря оказалась картинка с изображением Сайта-Клауса. У него были длинные седые волосы и седая борода. Он был одет в красную мантию, на голове — островерхая шапка, тоже красного цвета. Грудь украшал серебряный крест с красным драгоценным камнем. Мама стала читать вслух написанное на тоненькой бумажке:

Мельхиор

В конце четвертого столетия по Малой Азии проходила странная процессия.

Впереди порхал ангелок Умораил, за ним бежали семь священных овец. Потом шли пастухи Навин, Иаков, Исааки Даниил, волхвы Каспар и Бальтасар, римский наместник Квириний и император Август

собственной персоной. Император Август в одной руке держал скипетр, так и сиявший в солнечных лучах, а под мышкой нес свиток. Вслед за императором и наместником парили, не касаясь земли, ангелы Эфириил и Серафиил, а замыкала это удивительное шествие, изо всех сил стараясь не отстать от других, девочка Элизабет. Вместе с маленьким ягненком она убежала от наполненного шумом и торговой суетой Рождества на родине в Норвегии. Она держит в руках портрет светловолосой женщины и торопится в Вифлеем.

Они идут по высокогорьям Фригии, проходят мимо больших соленых озер, где птицы могут стоять на водной глади. Во время долгого путешествия на их пути им попадаются медведи, волки и шакалы. Но стоит только волку или шакалу броситься к ним, как процессия тут же успевает отступить во времени на одну-две недели.

Они проходят через перевал на высокой горной гряде, которая протянулась вдоль побережья Средиземного моря, и оказываются в Памфилии. С высоты примерно двух тысяч метров над уровнем моря они замечают человека, одетого в зеленое. Словно живой дорожный знак, он сидит там, где озеро разделяется на два протока, а дорога огибает гору и спускается к Средиземному морю, человек в зеленом выглядит весьма солидно.

Завидев его, Каспар и Бальтасар начинают махать руками и стараются обогнать овец.

— Кто это? — спросила Элизабет.

— Во всяком случае, это наверняка один из нас, — изрек ангел Эфириил.

Человек поднялся им навстречу и обнял Каспара и Бальтасара.

— Круг замкнулся, — торжественно объявил он.

Элизабет ничего не поняла, но незнакомец подошел к ней и сказал:

— Добро пожаловать в Памфилию. Меня зовут Мельхиор. Я — третий из волхвов и священный царь Эгрискуллы.

И тут Элизабет поняла, что он имел в виду, когда сказал «круг замкнулся», — это значит, все три волхва собрались вместе.

— Как только вас не называют! Вы и волхвы, и священные цари, и у каждого свое имя: Каспар, Бальтасар и Мельхиор.

Мельхиор широко улыбнулся:

— Нас зовут по-разному. По-гречески наши имена звучат: Галгалат, Магалат и Сахарин, некоторые называют нас звездочетами или же персидскими жрецами. Но имена не имеют значения, мы трое участвуем в историческом событии. От имени всех людей на свете, которым не

довелось народиться на Святой земле.

Элизабет взглянула на ангела Эфириила, и тот кивнул:

— Это совершенно справедливо.

— Да и зачем бы я стал лгать? — подхватил Мельхиор. —

Священному царю подобает всегда говорить правду, изрекать истину.

А тот, кто лжет, не видит дальше своего носа.

Он говорил так забавно, что Элизабет от души рассмеялась. А Мельхиор продолжал:

— Кроме того, меня бы не прозвали Мельхиор или Млекиор, если бы я не любил молоко. И моего собрата не стали бы называть Сахарин, если бы он не питал пристрастие к сладкому, я готов петь и плясать от радости. И таким бываю в каждый рождественский Сочельник — так я рад рождению Иисуса.

— В путь, — проговорил пастух Навин и ударил посохом о камень. — В Вифлеем! В Вифлеем!

Но Мельхиор снова заговорил:

— Сначала мы с вами должны поздороваться с рождественским гномом. Он живет здесь, внизу.

И они устремились по отвесным скалам к Средиземному морю. На ходу Элизабет сказала:

— Неужели мы и вправду пойдем здороваться с рождественским гномом?

Эфириил показал рукой на город, который примыкал к склону горы. Вдали сверкала гладь Средиземного моря.

— Время — триста двадцать второй год. Город называется Миры, апостол Павел останавливался здесь по пути в Рим, куда отправился, чтобы рассказать об Иисусе в столице Римской империи. И здесь в мирах он основал христианский приход.

— Но я не понимаю, какое это имеет отношение к рождественскому гному, или Санта-Клаусу?

Ангел продолжал рассказывать:

— Через два столетия после посещения города Миры апостолом Павлом здесь родился мальчик по имени Николаус. Его родители были христиане, и мальчик этот, став взрослым, сделался епископом города Миры. Здесь же в городе жила девушка, которая была очень бедной, так как ее отец лишился всего имущества. Девушка хотела выйти замуж, но денег на приданое у нее не было. Епископ Николаус всей душой хотел помочь несчастной девушке, но знал, что семья ее очень гордая и не примет денег.

— Тогда ему надо было просто положить какую-то сумму на счет отца девушки, — предложила Элизабет.

— Да, но ведь тогда не было банков. Правда, Николаус сделал нечто похожее: он пробрался ночью к дому, где жила девушка, и под бросил ей в открытое окно мешочек с золотыми монетами. Теперь молодая девушка имела возможность выйти замуж.

— Значит, этот Николаус был очень добрый.

— Конечно, но он не остановился на этом поступке. Ему так понравилось бросать подарки в окна людям, что он стал делать это очень часто. После его смерти о нем ходило множество легенд. Позднее его стали называть Святой Николаус или Санкт-Николаус. По-английски его имя стало звучать как Санта-Клаус, а у нас в Норвегии — Юлиниссен, или рождественский гном... потому что слово «Ниссен» — это сокращенное Николаус, от него же происходят имена Нильс и Клаус.

— А носил ли Санкт-Николаус красную одежду, были ли у него длинная белая борода и шапочка-колпачок, которую носят рождественские гномы?

— погоди, сейчас увидишь, — сказал ангел Эфириил.

Солнце еще не взошло. Они остановились перед низким зданием церкви в Мирах.

Тут же церковная дверь отворилась, и оттуда вышел человек с длинной белой бородой, в красном плаще и красной островерхой шапке. На шее у него висел большой серебряный крест с красным драгоценным камнем. Он очень напоминал рождественского гнома, но Эфириил шепнул Элизабет на ухо, что на его часах 325 год от Рождества Христова и что этот человек одет в обычное епископское одеяние. Позднее красную сутану заменили на темную.

— Это епископ Николаус, — прошептал ангел.

Элизабет задумалась.

— А название города Мира имеет какое-то отношение к мирре{ Мирра — ароматическая смола. }?

По лицу ангела пробежала лукавая улыбка.

— Пожалуй, можно считать и так, ведь мирра была одним из трех даров, принесенных волхвами Иисусу. И с тех пор привычка делать подарки на Рождество укоренилась именно потому, что волхвы принесли дары новорожденному Иисусу, и потому, что Николаус очень любил делать подарки.

Под мышкой епископ Николаус держал три разные шкатулки. Решительным шагом он направился к трем священным царям и с низким поклоном протянул каждому по шкатулке. В шкатулке Каспара оказались

сверкающие золотые монеты. В шкатулке Бальтасара лежали благовония, а шкатулка, полученная Мельхиором, была наполнена миррой.

— Мы направляемся в Вифлеем, — объявил Каспар.

Епископ засмеялся так, что борода его затряслась.

— Ха-ха-ха, но тогда вам следует взять кое-какие гостинцы для младенца, который лежит там в яслях. Они вам совершенно необходимы. Не правда ли? Ха-ха-ха!

Поскольку перед Элизабет находился самый настоящий Санта-Клаус, она тут же подбежала к нему и потрогала рукой его красное одеяние. Тогда епископ Николаус наклонился и взял Элизабет на руки. А она попыталась дернуть его за бороду, чтобы убедиться, что она настоящая, и так оно и было.

— Почему ты такой добрый? — спросила Элизабет.

— Ха-ха-ха, — вновь залился смехом человек, одетый в красное. — Чем больше мы отдаем другим, тем богаче становимся сами, и, напротив, чем меньше мы отдаем другим, тем беднее становимся сами. Так или иначе, в этом тайна радости дарителя. И в этом же секрет бедности.

Ангел Умораил захлопал в ладоши:

— Хорошо сказано, епископ!

А епископ Николаус продолжал:

— Всякий, кто собирает сокровища на земле, в один прекрасный день окажется нищим. Тот же, кто отдал все, что имел, никогда не будет бедным. К тому же у таких людей всегда радостно на душе. Ха-ха-ха! Потому что самое большое счастье на земле — это одаривать других.

— Может, оно и так, — сказала Элизабет. — Но прежде, чем одаривать, надо, чтобы у тебя было что давать.

При этих ее словах епископ так расхохотался, что все его тело заходило ходуном. Элизабет чувствовала себя как при морской качке, ведь она все еще сидела у него на руках.

— Совсем не обязательно, — проговорил епископ, когда наконец смех отпустил его и он вновь обрел дар речи. — Чтобы ощутить радость дарителя, совсем не обязательно что-то иметь. Твоим даром другому может быть просто улыбка или что-либо, сделанное своими руками.

И с этими словами он опустил Элизабет на мозаичные камни перед церковным порогом. Навин ударил посохом о землю:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

И, удаляясь, они еще долго слышали раскатистый смех епископа, стоящего перед церковью: «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!»

Мама подняла глаза от листочка и тоже принялась смеяться. Ее смех

заразил Иоакима, а тут уж и папа не смог сдержаться и присоединился к ним. Так они и сидели все вместе, вздрагивая от смеха.

Наконец мама сказала:

— Я думаю, что этот заразительный смех сродни полевым цветам.

Ни папа, ни Иоаким не поняли, что она имела в виду, и она пояснила:

— И то и другое — частица небесной благодати, пролившейся на землю. И то и другое очень легко распространяется дальше.

Мама еще не успела дочитать до конца написанное на тоненьком листочке, а папа уже достал исторический атлас. Каждому столетию здесь была отведена отдельная карта Европы. По другим картам можно было видеть, как выглядели неевропейские страны во время всего этого путешествия, продолжавшегося почти две тысячи лет. Если эти исторические карты положить одну на другую, то получится, образно говоря, стопка блинов. Всякий, кто любит блины, знает, что нет двух совершенно одинаковых блинов.

Папа отвлекся от этой «блинной книги».

— Да, все названия соответствуют помеченным на карте. И апостол Павел действительно останавливался в маленьком городке под названием Миры, на пути из Иерусалима в Рим.

— Может быть, Элизабет с фотографии совершила тот же путь, что и апостол Павел, — предположил Иоаким. — Ведь она тоже побывала в Риме.

— Кроме того, на шее у нее тоже был серебряный крестик с красным камешком, — заметила мама. — Как у Сайта-Клауса.

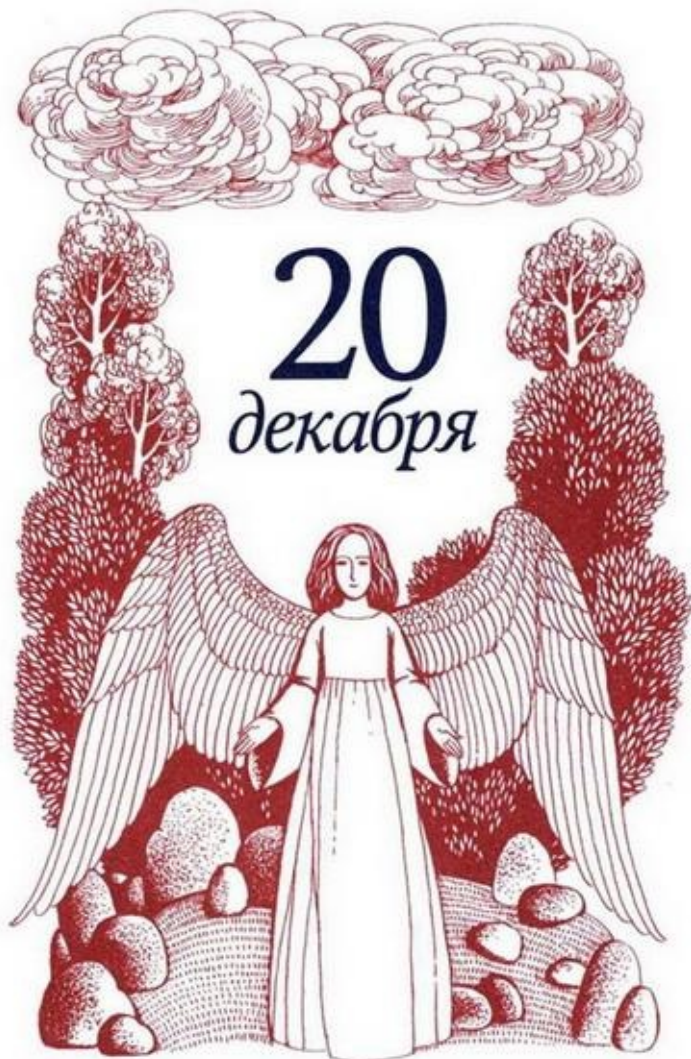
Папа засмеялся. Потом пошел в гостиную, чтобы взять энциклопедический словарь. Вскоре он вернулся со словарем в руках и, еще стоя в дверях, начал читать.

— Что касается этого епископа из Мир, все сходится. Он действительно был самым первым Санта-Клаусом, или рождественским гномом.

— Воистину история насыщена удивительными событиями и фактами, которые странным образом связаны между собой, — сказала мама. — Как будто какие-то крохотные гномики носятся вверх и вниз сквозь толщу блинов-столетий и тонкими нитями связывают их между собой.

20 ДЕКАБРЯ

...С неба вдруг что-то опустилось на землю...

В воскресенье двадцатого декабря Иоаким проснулся от звонка будильника в спальне родителей. Это было довольно-таки странно, потому что они очень редко заводили будильник в воскресенье. Вероятнее всего, они просто боялись, что он проснется раньше и откроет окошко в волшебном календаре без них.

Уже в следующую секунду мама с папой были тут как тут.

— Ну давай же, скорей, — поторопил Иоакима папа.

Иоаким открыл окошко с цифрой 20. За окошком они увидели картинку, на которой был изображен лежащий на спине человек. Он смотрел на столб света, ниспадавший с неба.

— Какая-то странная картинка, правда? — сказала мама. Папа сгорал от нетерпения.

— Давайте читать, — торопил он.

И вот они снова устроились все втроем рядышком. Сегодня была папина очередь разворачивать листок и читать вслух написанное крошечными буквами:

Керувиил

Через Малую Азию идет процессия паломников. В третьем веке они пересекают Памфилию и Киликию к югу от высоких гор Тавра. Процессия состоит из семи овей, четырех пастухов, трех священных царей, трех ангелов Господних и девочки Элизабет Хансен из Норвегии. Они пересекают реки, фруктовые сады, высокогорья, вот они спускаются с отвесных склонов с каменистыми расселинами, вскоре уже стремительно передвигаются по берегу моря, так что песчаная пыль поднимается столбом, они проходят через вереницу римских городов, таких как Атталия, Селев-кия и Таре. В Тарсе они на мгновение останавливаются и оглядываются по сторонам. Ангел Эфириил рассказывает, что это родной город апостола Павла.

На своем пути наши странники проходят мимо римских театров, арен, портов, триумфальных арок и языческих храмов. Время от времени они видят сооружения, напоминающие христианские храмы.

Маршрут проложен так, чтобы не привлекать лишнего внимания. Бывает, они задерживаются где-то на целое столетие, но появляются на улицах городов и селений лишь рано на рассвете, до пробуждения их жителей. Правда, порой случается, что их появление нарушает покой какого-то стражника или одинокого рыбака, спозаранку забросившего сети. Тогда они просто продолжают свой путь, а пораженный рыбак или стражник застывают на месте и протирают глаза.

Бывает и так, что ангел Умораил кричит им, чтобы они не боялись.

Ведь не часто же доводится людям видеть ангелов Господних, да и длится их явление не больше одной-двух секунд. И тогда легко поверить,

что это кому-то всего-навсего померещилось. Во всяком случае, это отнюдь не удивительно для усталого дозорного, который не сомкнул глаз за долгую ночную вахту.

Загадочная процессия огибает залив Искендерон в Средиземном море. Отсюда их путь лежит на юг, вдоль западного побережья Средиземного моря. Они подходят к сирийскому городу Антиохия и останавливаются перед городскими воротами.

— Мы находимся в году двести двадцать восьмом от Рождества Господня, — сообщил ангел Эфириил. — Отсюда начались первые странствия паломников к апостолу Павлу. К тому же мы должны обратить внимание на то, что именно здесь, в Антиохии, впервые было сказано слово «христианский».

— Но разве ученики Иисуса не были христианами? — спросила Элизабет.

— И да, и нет, — отвечал Эфириил. — Прошло много лет, прежде чем первые христиане стали называть себя христианами, и впервые это произошло именно в Антиохии. Прежде христианами считали себя лишь евреи. Апостол Павел был тоже евреем, но во время своих миссионерских странствий он пришел к убеждению, что и римляне, и греки способны верить в Христа. Павел понял: чтобы поверить в Христа, совсем не обязательно быть евреем. К тому же совсем не обязательно во всем следовать законам, данным Моисеем. Ведь Иисус обращался не только к евреям. Он обращался ко всем людям Земли.

Волхвы подошли и встали рядом с Эфириилом.

— Мы все трое — мудрецы, пришедшие с Востока. Один из нас из Нубии, другой из Сабы, а третий из Эгрискуллы. Ни у одного из нас в жилах не течет ни капли еврейской крови. И тем не менее мы одни из тех, кто первым приветствовал приход в этот мир младенца Иисуса.

Навин ударил посохом о городскую стену.

— В Вифлеем! — провозгласил он. — В Вифлеем!

Пилигримы снова тронулись в путь. Эфириил сказал, что они приближаются к Дамаску, столице Сирии.

Через некоторое время Эфириил крикнул, чтобы они остановились. Это было на пустынном участке старой римской дороги через Сирию.

— Это здесь, — произнес Эфириил и показал на удивительно яркий красный мак у дороги.

Ангел Серафиил подтвердил кивком:

— Да, вот это место.

Элизабет ничего не могла понять, а Эфириил объяснил:

— Время — год двести тридцать пятый от Рождества Христова. Двести лет назад здесь произошло одно весьма важное событие, которое имело огромное значение для всей мировой истории.

Все трое волхвов стояли плечом к плечу и торжественно кивали. Чтобы показать, что и он согласен с этим, император Август воткнул свой скипетр в землю рядом с цветком красного мака.

Четверо пастухов пытались собрать маленькое овечье стадо вокруг императорского скипетра. А он сиял как маленькое солнце. Квириний, который когда-то был здесь наместником, повел рукой:

— Как хорошо снова оказаться дома! Ведь всего каких-то двести лет назад я был наместником Сирии.

— Извините, что я спрашиваю так прямо, но, вероятно, я единственная здесь, кто не понимает, о чем вы говорите. Разве Иисус родился здесь?

Эфириш засмеялся:

— В год Господень тридцать пятый от Рождества Христа один еврей из Тарса в Малой Азии останавливался здесь на пути в Дамаск. Его римское имя было Паулус, а еврейское — Савл, молодые годы он провел в Иерусалиме, где изучал древние еврейские рукописи. Вероятно, там он и встретил Христа и услышал его проповеди. В то время Павел был фарисеем, который верил, что люди могут умилостивить Бога, исполняя все законы и предписания Моисея. И он стал одним из самых истовых преследователей христиан. Он помогал заключать их в темницу, участвовал в убийстве святого Стефана.

— Значит, он просто глупый и нехороший человек, — сказала Элизабет.

Эфириш и все остальные закивали. А ангел продолжал:

— Но когда он отправился в Дамаск, чтобы там чинить расправу над христианами, с ним произошло чудо. Внезапно показался в небе свет, и Павел услышал голос: «Савл, Савл, что ты гонишь меня?» Павел спросил, кто это говорит. И в ответ прозвучало: «Я Иисус, Которого ты гонишь. Вставай и иди в город, и сказано будет тебе, что тебе надобно делать». Павел и те, кто был вместе с ним, стояли в оцепенении. Все слышали голос и слова, произнесенные им, но не видели ничего, кроме света, струящегося с неба.

Умораил кивнул.

— Конечно же, все было именно так. И голос этот даже не сказал Павлу: «Не бойся».

После этого Павел отправился в Дамаск и присоединился здесь к

христианской общине. И вскоре он стал первым великим христианским миссионером. Павел был гражданином Римской империи, но умел говорить также по-гречески и арамейски, а на арамейском языке говорил Христос. Кроме того, Павел умел читать древнееврейские тексты, во время своих четырех миссионерских странствий он рассказывал людям об Иисусе — и в Греции, и в Риме, и в Малой Азии.

Пока Эфириил говорил, с неба вдруг что-то опустилось на землю. Это произошло так внезапно, что Элизабет даже не успела вздрогнуть. Сначала она подумала, что это села какая-то птица, но тут же увидела, что прямо перед ней стоит еще один ангел,

— Не бойтесь, — сказал ангел. — Меня зовут Керувиил, и я пройду с вами оставшуюся часть пути до Вифлеема.

Император Август поднял скипетр, который стоял в том месте, где апостол Павел услышал голос с неба, пастухи тихонько подогнали овец, а Навин провозгласил:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Тоненький листочек выпал из папиных рук на кровать.

— Невероятно, — сказал папа.

Он углубился в карты, по которым можно было получить представление о том, как выглядели земли, где проходили наши странники в третьем веке. Водя пальцем по карте, он повторял их названия. И все они звучали как песнь.

— Памфилия, Киликия, Атгалия, Селевкия, Таре, Антиохия.

Было воскресенье, и поэтому все были свободны. Вся семья Иоакима готовилась к Рождеству — надо было стирать белье, мыть полы, печь печенье и булочки и красить марципаны особыми кондитерскими красками. Но папа и мама находили время, чтобы погрузиться в чтение энциклопедии и разглядывать старинные карты. Потому что им очень хотелось как можно больше узнать обо всех местах, где останавливались участники удивительного путешествия, описанного в волшебном календаре.

— Я чувствую себя школьницей, — сказала мама со смехом.

Папа засел за Библию. Несколько раз он даже читал вслух отрывки из той ее части, которая называется «Деяния апостолов» и где много говорится о Павле, который обратился в христианство после того, как услышал глас небесный. Потом он объездил все страны Средиземноморья и всюду рассказывал о Христе.

Иоакиму казалось очень странным видеть папу сидящим в зеленом кресле-качалке и читающим Библию. Раньше папа не имел подобной привычки.

Один раз он положил эту толстую книгу себе на колени и произнес вслух то, о чем думал:

— В сущности, эта книга не менее удивительна, чем сам волшебный календарь.

Потом он прочитал вслух несколько псалмов из Библии.

— Вот, я нашел и это место! — воскликнул папа. — «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба.

Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Встань и иди в город, и сказано будет тебе, что тебе надобно делать. Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли и с открытыми глазами никого не видел; и повели его за руки и провели в Дамаск. И три дня он не видел, и не ел, и не пил».

Когда они ужинали, раздался телефонный звонок. Мама взяла трубку, а потом передала ее папе.

— Да, — сказал он. — Это я... Многолетней давности... Нет, я понимаю... Да, изображение отчетливое... Совершенно точно... на заднем плане виден собор Святого Петра... Я бы тоже никогда не стал терять надежды... Нет, я бы не... Просто у нас в руках оказался этот удивительный календарь... Он исчез... Нет, я никогда не встречался с ним... Да, здесь тоже говорится... острый носик, да... Нет, я не верю в ангелов... совсем не верю... Можно подумать, что ее просто похитили... Нет, кто-то... Я не знаю... но совершенно ясно: можно надеяться, что она жива... Вряд ли она помнит что-то... ведь ей было всего семь лет... И даже этого она не помнит... У нас только один мальчик... Нет, я бы тоже никогда не терял надежду. Немедленно, да... я обещаю вам... И спасибо за звонок!

Тут папа положил трубку.

— Это был Иоанн? — спросил Иоаким.

Папа покачал головой.

— Это была фру Хансен, мать Элизабет. Я послал ей копию старой фотографии. Она говорит, та молодая дама вполне могла быть ее дочерью, исчезнувшей сорок пять лет назад. Девочке тогда было всего шесть или семь лет. Потом у нее родилась еще одна дочь. Ее зовут Анна, и она...

Тут папа в задумчивости умолк.

— Ну же, — торопила мама.

— Она немного похожа на эту молодую женщину перед собором Святого Петра...

Придя в тот вечер в комнату Иоакима, чтобы пожелать ему спокойной

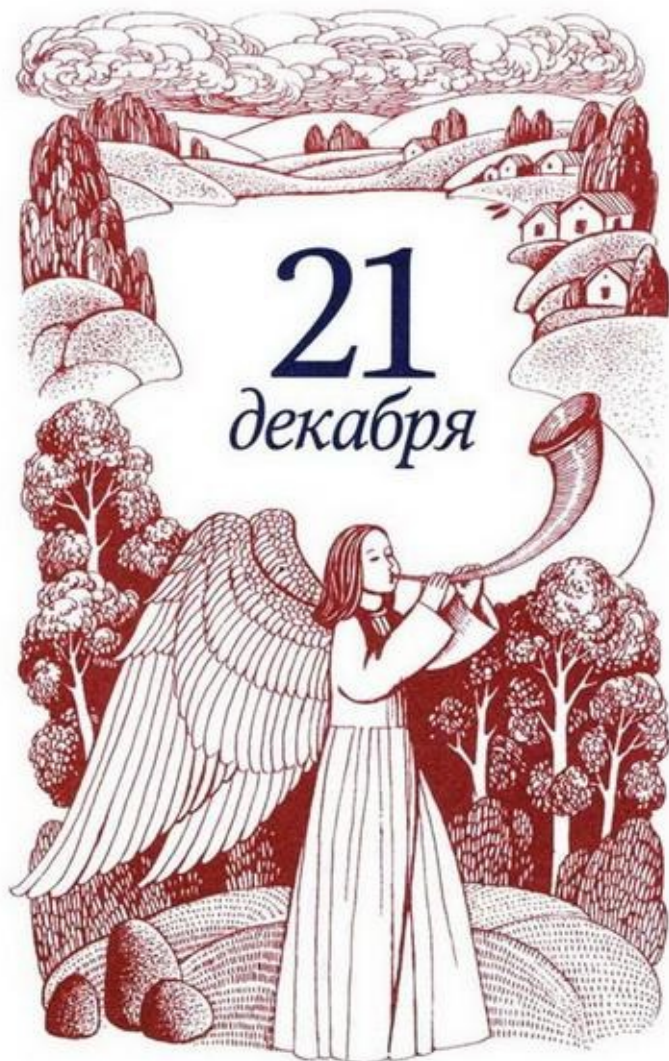
ночи, папа остался стоять у окна, вглядываясь в темноту.

— Как ты думаешь, где Иоанн?

— Он в пустыне, — ответил Иоаким. — Но ведь Рождество еще не наступило.

21 ДЕКАБРЯ

*...Озеро было похоже
на синее фарфоровое блюдо с золотой каймой...*

До Рождества оставалось всего-навсего четыре дня, но Иоанн так и не появлялся после своего исчезновения с рыночной площади, а это случилось уже давно. Папа не сомневался, что это Иоанн сделал волшебный календарь с таинственными листочками, которые рассказывают о долгом странствии в Вифлеем.

Иоанн родился в Дамаске. Интересно, что привело его в Норвегию много лет назад? Почему бы ему не торговать цветами на какой-нибудь площади в Дамаске?

В один прекрасный день он встретил молодую женщину по имени

Элизабет, вероятно, в Риме, ведь фотография была сделана именно там. Если Иоанн и в самом деле был знаком с ней, почему он не был уверен в том, как все же ее зовут — Элизабет или Тебазилэ?

Сама эта женщина рассказала ему, что была палестинской беженкой из маленькой деревушки неподалеку от Вифлеема. Но не говорила ли она ему, что родилась в Норвегии?

Иоанн навестил мать девочки, бесследно исчезнувшей в декабре 1948 года. Тогда наверняка он увидел и ее младшую сестру.

Показалось ли Иоанну, что Анна похожа на ту молодую женщину перед собором Святого Петра?

Пусть даже так, но что же все-таки побудило этого таинственного человека из Сирии углубиться в давнюю историю с пропавшим ребенком, которая произошла здесь, в этом норвежском городе, задолго до его приезда?

В понедельник 21 декабря папа рано разбудил Иоакима.

— Давайте начнем скорее, — сказал он. — Видите ли, сегодня я должен быть на работе как можно раньше. Но ведь календарь — это тоже важно. Возможно, это даже важнее работы.

Иоаким поднялся на кровати и открыл окошко рождественского календаря. Теперь его уже страшило приближение Рождества, потому что тогда с волшебным календарем будет покончено.

Сегодня в окошке оказалась картинка деревни с тихим озером и сверкающей водной гладью. И деревья, и низкие горы, окружавшие озеро, купались в золотых солнечных лучах.

Иоаким развернул тоненькую бумажку, которая выпала из календаря, и прочитал вслух:

Евангелии

В конце второго столетия после Рождество Христова ранним утром весьма странное шествие направилось в город Дамаск на берегу реки Барада. Теперь в нашей процессии насчитывалось семь овец, четыре пастуха, три волхва, четыре ангела Господних, наместник Квириний,

император Август и Элизабет.

Вот они проходят мимо двух стражников, охраняющих западные ворота, и выбегают на прямую улицу, которая делит город на две части.

Стражники изумленно поворачиваются друг к другу:

— Что это?

— Сильный порыв ветра с северо-запада.

— Но это был не просто песчаный столб. Я видел людей.

Стражники вспомнили старую историю, которая произошла несколько лет назад, это случилось у восточных ворот города: какая-то процессия прямо-таки смела с пути стражников и с шумом устремилась из города. Там были и люди, и животные, а некоторые заметили даже ангелов.

Дело в том, что когда Элизабет, Эфириил и все остальные выходили из города, они невольно столкнули с дороги нескольких римских воинов. Солдаты попадали на землю, потом в недоумении поднялись и замерли, глядя им вслед. А процессия уже переместилась на милю вперед и на год назад.

Однажды вечером в середине второго века путешественники подошли к Геннисаретскому озеру в Галилее. Они остановились неподалеку от какой-то деревни и стали вглядываться в блестящую водную гладь. Невысокие горы венцом окружали озеро, и, когда солнечные лучи осветили их, озеро показалось Элизабет похожим на синее фарфоровое блюдо с золотой каймой.

Деревня состояла из низких домов, возле каждого дома имелся небольшой загон для скота. По улице шли навьюченные ослы, которых вели мужчины в туниках и накидках. Женщины в просторной одежде несли на голове кувшины,

— Мы в Капернауме, который расположен на пересечении старых караванных путей между Дамаском и Египтом, — объяснил Эфириил. — Именно здесь Иисус призвал своих первых учеников. Одним из них был Матфей, сборщик податей. Капернаум был важным центром сбора податей. Другими учениками Иисуса стали братья Симон, называемый Петром, и Андрей, оба рыбаки. «Идите за Мною, — сказал им Иисус. — Я сделаю вас ловцами человеков».

— Иисус помог им также ловить и самую обыкновенную рыбу, — поспешил вставить Умораил. — Вот так!

Эфириил кивнул:

— Однажды, стоя на берегу озера и обращаясь к большому числу людей, он увидел на озере, недалеко от берега, две лодки. Одна из них

принадлежала Симону. Иисус взошел на борт этой лодки, по просил Симона немного отплыть от берега и начал проповедовать прямо из лодки. И это было очень умно, потому что теперь все могли видеть его. Закончив свою речь, Иисус велел Симону грести на глубину и забросить там сеть. На что Симон возразил, что он пытался ловить здесь всю ночь и не поймал ни единой рыбки.

Но все же сделал, как велел Иисус, и тогда поймал столько рыбы, что у него чуть не порвалась сеть.

А однажды Иисус с учениками были далеко на озере, — затараторил Умораил. — И вдруг начался шторм. Ученики Христа перепугались насмерть, что утонут, а Иисус лег спать в лодке. В конце концов ему пришлось усмирить шторм, чтобы успокоить учеников.

— Он хотел показать им, сколь мала была их вера, — объяснил Эфириил.

Умораил энергично кивнул:

— Именно! А в другой раз как-то ученики Иисуса были одни на озере. И Иисус, пройдя по воде, подошел к ним. Увидев его, ученики перепугались до смерти, потому что приняли его за призрак или что-то в этом роде. Но Симон Петр сказал всем, что это Иисус, и притом он хотел немного покрасоваться и показать другим, насколько велика его вера. Поэтому он вышел из лодки и сам зашагал по воде. Сначала все шло очень хорошо, но потом Симон так испугался волн, что начал тонуть. Тогда он принялся звать Иисуса, чтобы тот пришел и спас его.

Навин ударил посохом о грудь придорожных камней:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Какое-то время они шли берегом Геннисаретского озера. Но вскоре Эфириил прокричал, чтобы они остановились. Он показал на уступ в горе. Здесь стоял Иисус, когда произносил свою знаменитую Нагорную проповедь. Самое важное из своего учения он произнес именно здесь.

— А что это было? — с интересом спросила Элизабет.

Ангелок Умораил зашелестел крылышками, поднялся на полметра над землей и начал говорить:

— Отче наш, суций на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле как на небе.

Здесь его прервал Эфириил:

— Он научил людей молиться. Но прежде всего он хотел научить людей любить друг друга. В то же время Иисус хотел показать, что перед Господом все люди несовершенны.

— Блаженны милостивые... — начал Умораил. — но кто ударит тебя

в правую щеку твою, обрати к нему и другую... Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас... И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...

— Спасибо, достаточно, — прервал его Эфириил. — мы видим, что ты знаешь все это наизусть. Но было бы непростительно, если б один из ангелов Господних не знал учения Христа.

Тут все три волхва хором кашлянули, они явно хотели что-то сказать. Каспар и Бальтасар кивнули Мельхиору, предоставив ему слово.

— Но совершенно недостаточно постоянно твердить наизусть эти жизненные правила. Гораздо важнее попытаться следовать им. И самое главное — это помогать людям в беде, тем, кто немощен и беден, или тем, кто вынужден покинуть свой дом. В этом главный смысл учения Христа и Рождества.

— В Вифлеем! — вновь взял дело в свои руки Навин. — В Вифлеем!

Они не успели еще как следует разогнаться, как Эфириил обернулся к Элизабет и сказал, что они пробегают как раз то место, где Иисус накормил тысячи людей несколькими рыбами и хлебами.

— Именно! — воскликнул Умораил. — Иисус хотел, чтобы люди делились тем немногим, что они имеют. И если бы только люди научились делиться друг с другом, то никогда не было бы голодных и бедных. И не было бы чрезмерно богатых. Гораздо лучше, когда нет ни голодных, ни бедных, чем когда лишь немногие невероятно богаты.

Дойдя до деревни Тивериады, они повернули в сторону от Геннисаретского озера и пошли по холмистым местам. Перед цветущей долиной, где росли фруктовые деревья и пальмы, они увидели город. Эфириил велел им остановиться.

Ангельские часы показывали, что прошло 107 лет со времени рождения Христа. Город называется Назарет. Именно здесь Иисус рос как сын плотника Иосифа. А еще раньше именно здесь один из ангелов Господних предстал перед Марией и поведал ей, что она носит во чреве дитя.

Он еще не успел закончить, как кто-то быстро опустился на землю, словно через дыру в небе. И в следующее мгновение еще один ангел предстал перед процессией пилигримов. В руке он держал трубу. Ангел протрубил в трубу и сказал:

— Меня зовут ангел Евангелиил, и я принес радостную весть.

Осталось совсем немного до рождения Иисуса.

Умораил принялся кружить и порхать в воздухе.

— Он — один из нас, и он придет вместе с нами последний участок

пути до Вифлеема.

То, что произошло на глазах Элизабет, напомнило ей несколько слов из старой рождественской песни.

— Ангелы украдкой смотрят на нас с небес... — затянула она самым нежным голоском, на какой только была способна.

И три волхва захлопали в ладоши, потому что пела она хорошо. Тут Элизабет немножко смутилась. Ведь все вокруг смотрели на нее. Чтобы отвлечь их, она сказала:

— Теперь я вижу, что мы на самом деле приближаемся к Вифлеему, ведь вокруг меня столько ангелов сразу.

Навин слегка подхлестнул овец:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Оставалось всего лишь столетие до того, как они придут в град Давидов.

Папа сидел рядом с Иоакимом, устремив взгляд в пространство, пока сын читал написанное на тоненьком листочке.

— Ну вот, все становится на свои места, — сказал он.

Мама удивленно посмотрела на него.

— Ты имеешь в виду, что они уже достигли Святой земли?

Папа покачал головой.

— Квириний сказал вчера, когда они подходили к Дамаску: «Как хорошо вновь оказаться дома». Естественно, он сказал это потому, что римский наместник в Сирии, вероятно, когда-то жил в Дамаске. Но когда ты читал, мне показалось, что при этих словах я как будто услышал голос Иоанна: «Как хорошо вновь оказаться дома».

— Ты считаешь, что Иоанн, который сделал этот волшебный календарь, действительно родом из Дамаска? — спросила мама.

Папа кивнул.

— Обратите внимание, кем является этот Квириний в нашей удивительной истории? Ведь это он передал Элизабет рождественский календарь, на обратной стороне которого была изображена молодая светловолосая женщина. Таким образом Иоанн ввел себя в рассказываемую историю, себя самого и ту молодую даму, с которой познакомился в Риме. Он вставил ее в середину своего длинного повествования, ведь Квириний и рождественский календарь появляются только в двенадцатой и тринадцатой главах. Все время после своих высказываний Квириний говорил «дикси», что означает «я все сказал», и вновь я слышу в этом голос Иоанна. Историей, описанной в этом рождественском календаре, он как бы облегчил душу.

— Я принимаю твою версию, — сказала мама.

— Прочитанное сегодня проливает свет на очень многое, — продолжал папа.

— На что же? — спросили мама и Иоаким в один голос.

— Старый продавец цветов описывает много городов, деревень и селений на долгом пути в Вифлеем. Но сегодняшнее описание наиболее подробное. Он упоминал «прямую улицу, которая разделяет Дамаск на две части от западных до восточных ворот». Так может писать только тот, кто хорошо знает этот город.

— Скорее всего, ты прав, — подхватила мама. — Но не кажется ли тебе, что ему в самом деле доводилось слышать историю о стражниках, сметенных шествием ангелов?

Папа фыркнул.

— Чепуха! — Однако потом добавил: — Но нельзя ничего исключать. Если бы мы только могли найти его снова!

Иоаким в это время сидел и думал совсем о другом. Он посмотрел на тоненькую бумажку, которую только что прочитал, приложил палец к одной из фраз и произнес:

— Волхв сказал, что очень важно сделать что-то для тех, кто вынужден покинуть свой дом. Как вы думаете, что он имел в виду?

Папа повернул голову:

— Он имел в виду помощь беженцам.

— Вот именно, — сказал Иоаким. — Именно об этом я и подумал.

Мама с папой переглянулись.

— Я думаю, что это имеет какое-то отношение к той женщине на фотографии. Она тоже была беженкой. Кроме того, она была возлюбленной Иоанна.

Папа поднялся с кровати Иоакима. Он решительно хлопнул в ладоши и сказал:

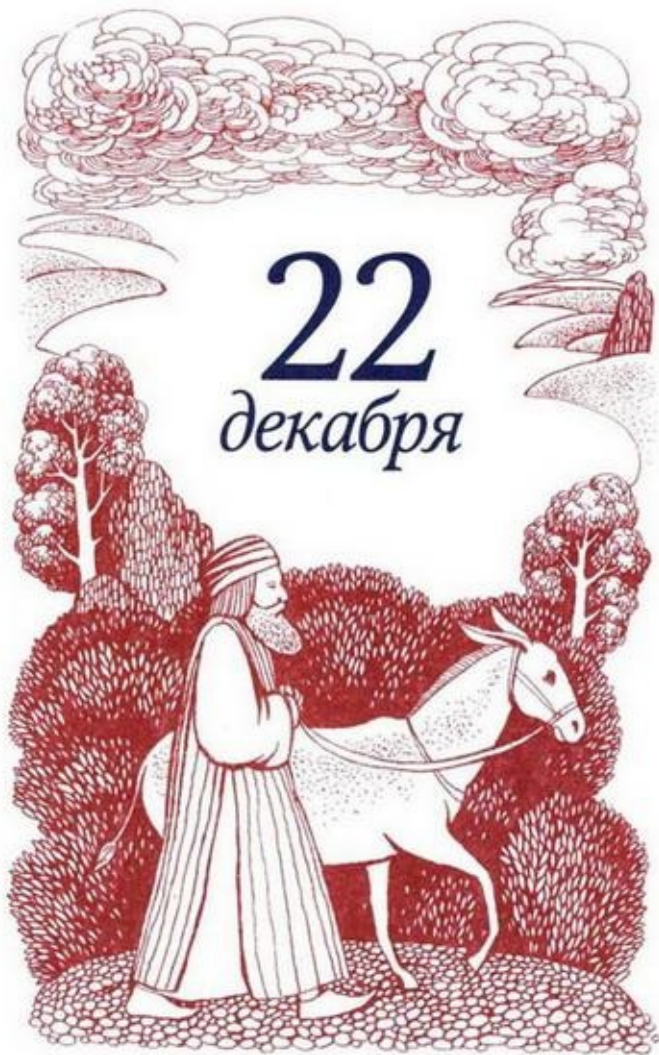
— Ну хватит, давайте поторопимся. Через десять минут мне надо выезжать на работу.

В тот вечер, прежде чем улечься спать, Иоаким какое-то время сидел и играл буквами. Он думал об Иоанне, который встретил Элизабет в Риме, и о том, что если слово «Рим» (по-латыни — ROMA) прочесть справа налево, то получится слово «AMOR» -любовь.

В конце концов он записал несколько волшебных слов в свою записную книжечку:

22 ДЕКАБРЯ

...И пищей его были акриды и дикий мед...

Двадцать второго декабря Иоаким проснулся рано. До Рождества оставалось всего три дня — и только три закрытых окошка в волшебном календаре.

Появится ли Иоанн в их городе до Сочельника? Разве он не обещал Иоакиму вернуться? А что он имел в виду, когда сказал, что удалился в пустыню?

И вдруг Иоакима осенила блестящая идея. Книготорговец говорил, что не представляет, откуда Иоанн брал те цветы, которые продавал на площади. Быть может, он выезжал куда-то за город, чтобы собирать там

цветы?

Сейчас середина зимы. Так что не очень-то пособираешь цветы. А если та загородная местность невероятно далеко отсюда — скорее всего, в той стране, где круглый год царит лето! Ведь Иоанн как раз родом из такой страны.

И еще одна мысль поразила Иоакима. Элизабет одним махом перепрыгнула из зимы в лето. Конечно, это изумило ее, но ведь факт остается фактом: она собирала цветы посреди зимы.

Иоаким горел нетерпением узнать, что таят в себе последние окошки в волшебном календаре. Он не решился открыть очередное окошко прежде, чем встанут мама и папа, — тем более теперь, когда их оставалось только три.

И вот родители в его комнате. Папа, кажется, слегка нервничает.

— Давайте... давайте приступим.

Иоаким открыл окошко и увидел человека, погруженного в воду по пояс. Его плечи и грудь прикрывали бедные лохмотья.

Мама развернула тоненький листок и принялась читать:

Хозяин гостиницы

Святая рать идет через Самарию. Это происходит в самом конце первого столетия от Рождества Христова. Первым летит, проворно взмахивая крылышками, ангелок Умораил, потом идут семь священных овец, которых гонят Навин, Иаков, Исаак и Даниил. За стадом шествуют три волхва: Каспар, Бальтасар и Мельхиор, за ними наместник Квириний и император Август. Император держит сверкающий скипетр, поднятый к голубому небу, подмышкой у него священный свиток. Сзади идут Элизабет и ангелы Эфириил, Серафиил, Керувиил и Евангелиил. Они спешат в Вифлеем, в Вифлеем!

На рассвете одного дня в год 91-й они останавливаются на берегу реки Иордан, которая вытекает из Геннисаретского озера и впадает в Мертвое море.

— Здесь! — восклицает Эфириил.

Ангел Серафиил продолжает:

— Именно здесь Иисус был крещен Иоанном Крестителем, на Крестителе была одежда из верблюжьего волоса и кожаный пояс на чреслах. А пищей его были акриды и дикий мед.

— Я знаю, — вмешался Умораил. — Иоанн сказал: «Идущий за мной сильнее меня; я недостойн развязать ремень его обуви. Я крестил вас водой, а он будет крестить вас Духом Святым». Потом пришел Иисус и крестился в реке Иордан, я сам видел это из-за облаков и хлопал в ладоши. У меня даже в животе закололо от волнения, такой это был великий момент.

— Это тогда с неба спустился голубь? — поинтересовалась Элизабет, ведь она что-то такое слышала.

Умораил прошелестел крыльями и кивнул:

— Именно так!

— В Вифлеем! — провозгласил Навин. — В Вифлеем!

Они продолжили путь и вскоре уже пересекли большой город. На бегу Эфириил сообщил, что город называется Иерихон и, вероятно, это самый старый город в мире. Именно на этой дороге милосердный самаритянин помог несчастному человеку, который пострадал от разбойников.

Потом наши пилигримы направились к Иерусалиму. Сначала они взобрались на Елеонскую гору. Отсюда они посмотрели вниз, на Гефсиманию, где Иисус был схвачен стражниками, а его ученики заснули в то время, когда должны были бдеть и молиться.

Они взглянули на Иерусалим, и Элизабет увидела лишь одни руины.

— Неужели это могла быть иудейская столица?

Эфириил объяснил;

— Ангельские часы показывают семьдесят первый год после Рождества Христова. Год назад сюда пришли римляне и разрушили весь город, потому что его жители восстали против римского колониального владычества. И сейчас великий город похож на разбитый кувшин.

— Это дело рук императора Тита, — сказал Умораил, — но не только его одного, конечно. Тита и десятков тысяч солдат.

Эфириил продолжал:

— Они разрушили и местный храм, осталась только небольшая часть западной стены. С тех пор эта стена получила название стены плача. И с того времени евреи рассеялись по всему свету.

— Эта история с разрушением города настолько страшная и нелепая, что мне хочется плакать, — сказал Умораил. — Мы постоянно твердим «мир да пребудет с вами» или «мир на земле». Но, кажется, люди никогда

не научатся тому, что не следует враждовать друг с другом. Когда Иисуса схватили стражники, а один из бывших с ним пытался защитить его мечом, то он сказал: «Все, взявшие меч, мечом и погибнут».

Эфириил кивнул:

— Все, кто чтит Рождество, должны помнить, что основной смысл Рождества в провозглашении мира.

— Об этом мы все поем каждый Сочельник, — продолжал Умораил. — Мы славим Творца и мир на земле! Но, кажется, именно этого псалма люди как раз и не хотят слышать. Скоро я сам уже не смогу петь его.

Навин ударил посохом о вершину Елеонской горы:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Процессия пересекла город. Среди развалин бродили люди. Какая-то женщина заглядывала во все разрушенные строения, как будто упорно искала здесь что-то потерянное ею.

Паломники пробежали через разрушенные западные ворота города и оказались на дороге в Вифлеем. До града Давидова оставалось всего несколько километров.

И тут они увидели человека, который шел рядом с ослом. Заметив приближающуюся процессию, он замахал обеими руками.

— Не бойся, не бойся, — закричал Умораил издали, но этот человек совершенно не испугался.

— Значит, он один из нас, — сказал Эфириил.

Человек, который вел осла, подошел к ним. Он протянул руку Элизабет:

— Я хозяин гостиницы. Это я буду вынужден сказать Иосифу и Марии, что у меня нет для них комнаты, но я предложу им место в хлеву.

С этими словами он посадил Элизабет на спину осла.

— Ты наверняка устала после столь долгого странствия, — сказал он.

Элизабет покачала головой.

— Я бежала через всю Европу, но я бежало также и через всю историю, это было все равно что бежать по эскалатору.

Человек недоуменно посмотрел на нее.

— Ты сказала «эскалатор»?

Элизабет кивнула.

— Эскалатор? — снова переспросил мужчина. — Какое забавное слово — эскалатор...

Навин ударил посохом о землю:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Мама отложила листочек в сторону и с торжественным выражением

лица окинула взглядом остальных. Она слегка кивнула, а папа процитировал:

«Здесь, в пустыне, Иисуса крестил Иоанн Креститель».

— Я знаю это, — сказал Иоаким в точности так же, как говорил ангел Умораил в волшебном календаре. Затем он продолжил, энергично жестикулируя: — Торговец цветами Иоанн тоже сейчас где-то за городом... Кроме того, он кропил водой и себя, и продавца в книжной лавке. Именно так.

— Вряд ли это случайное совпадение, — сказал папа, — И как это мы раньше не обратили внимания на имя этого человека!

— Вода необходима как людям, так и цветам, — продолжал Иоаким. — В этом волшебном календаре написано, что полевые цветы — часть небесной благодати, пролившейся на землю. Наверняка и река Иордан также была переполнена небесной благодатью.

Кажется, последние слова не произвели на папу особенного впечатления, потому что он просто встал и пошел в гостиную за Библией, которую читал в воскресенье.

Вернувшись, он стал листать ее и прочел вслух:

— «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте пути Господу, прямыми сделайте стези Ему. Всякий дол да наполнится и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими. И узрит всякая плоть спасение Божие».

— Как поэтично, — сказала мама.

— Можно сказать, что как раз об этом и говорится во всех листочках из волшебного календаря, — продолжал папа. — Ведь процессия наших паломников бежала через долины, горы и холмы. Их путь лежал в Вифлеем, но кроме природы они имели возможность видеть, каким образом история о Христе распространилась почти по всему миру.

— Я согласна, — сказала мама, — вероятно, смысл в этом. Но я не успокоюсь, пока мы не раскроем тайну трех Элизабет.

Им всем уже надо было спешить — кому на работу, кому в школу. А Иоакима ждал праздник в физкультурном зале.

В школе у Иоакима должен был состояться прощальный перед рождественскими каникулами утренник. Класс Иоакима выступал перед другими учениками. Иоаким играл роль одного из пастухов на поле.

По дороге домой он размышлял о том, что среди персонажей школьного представления были почти все участники странствия паломников из волшебного рождественского календаря.

Открывая ключом входную дверь, он увидел письмо, вставленное в

дверную щель. Он взял его в руки.

«Иоакиму» — было написано на конверте!

Иоаким поскорее отпер дверь и уселся на табуретке в прихожей. Он вскрыл письмо и прочитал написанное на тонком листке бумаги:

Дорогой Иоаким! Я приглашаю сам себя к тебе на чашечку кофе и пару печенъиц в канун Сочельника, в 19.00. Я надеюсь увидеть и всю твою семью,

С приветом, Иоанн

Вскоре пришла мама, но Иоаким решил пока не говорить ей о письме от Иоанна, а повременить до прихода папы. Он подождал, пока все собрались за обеденным столом, точно так же, как в тот день, когда их посетил книготорговец, чтобы вернуть папино водительское удостоверение.

— Сегодня я получил письмо, — начал он.

Иоакиму пришлось приложить большие усилия, чтобы его рот не расплылся в улыбке.

— Вот как, — сказал папа: это сообщение сначала, видимо, не особенно заинтересовало его.

— Это письмо от Иоанна.

— Что?

Тут уж папа чуть не поперхнулся. Он вскочил и протянул руку к Иоакиму:

— Дай посмотреть!

Наверное, папа забыл, что не годится читать чужие письма. Иоаким побежал в свою комнату и принес письмо. Он отдал его папе, а тот прочел письмо вслух маме:

— Дорогой Иоаким! Я приглашаю сам себя к тебе на чашечку кофе и пару печенъиц в канун Сочельника, в 19.00. Я надеюсь увидеть и всю твою семью. С приветом. Иоанн.

Мама ахнула:

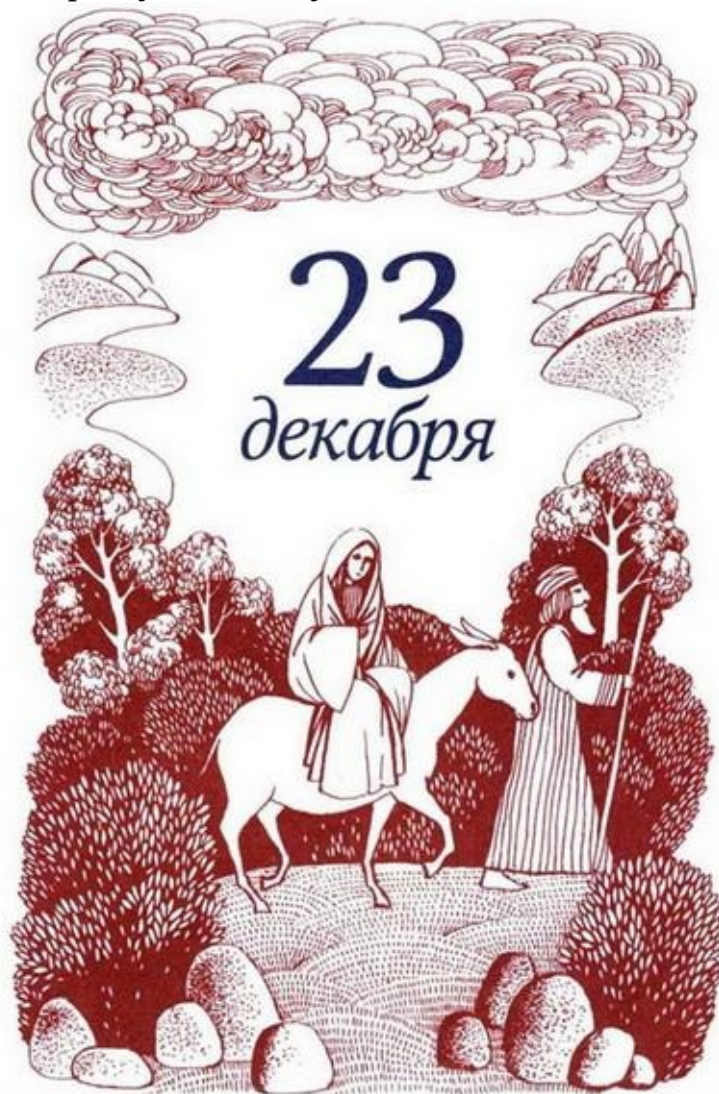
— Завтра в семь! Смотрите, будьте все в это время дома.

Папа широко улыбнулся:

— Надо же — пару печенъиц. Да мы поставим на стол все, что у нас есть. И даже торт — пирамидку из крендельков. Ведь Рождество теперь не за горами!

23 ДЕКАБРЯ

*...Казалось, все вспоминают свои роли,
которые учили наизусть очень давно...*

Теперь уже Рождество! — подумал Иоаким, когда проснулся в канун Сочельника. У него так и чесались руки открыть предпоследнее окошко в волшебном календаре. Но он не отваживался дотронуться до него, пока не встали мама с папой.

Вскоре родители появились. Папа сказал, что он отпросился с работы. — Потому что Рождество уже наступило.

И вот Иоаким открыл предпоследнее окошко в рождественском календаре. Там был изображен человек, идущий рядом с ослом. На осле

сидела женщина в красной одежде.

Из календаря выпал сложенный в несколько раз листочек бумаги. Папа развернул его и принялся читать написанное. Иоаким заметил, что у папы дрожит рука.

Иосиф и Мария

Священная рать на пути в Вифлеем, образно говоря, процессия пилигримов словно бы соединила длинную и узкую страну на краю Европы, начинающуюся почти у самого Северного полюса, с южной, знойной Иудеей, страной, где Европа встречается с Азией и Африкой. Это шествие направляется из отдаленного будущего к самому началу летоисчисления.

Процессию составляли семь священных овец, четыре пастуха, три священных царя, пять ангелов, император Август, наместник Квириний, хозяин гостиницы и Элизабет, которая уютно устроилась на спине у осла на этом последнем отрезке пути в город Давидов.

Постепенно они замедляют свой бег. Вскоре они уже идут самым обычным шагом. Эфириил сообщил, что стрелки его ангельских часов остановились на цифре «ноль». Он указал на город вдали и объявил, что это Вифлеем.

Вдруг император Август остановился и воткнул свой скипетр в землю под оливковым деревом. Он выпрямился, поднял вверх свиток, который держал под мышкой, и провозгласил властным голосом:

— Час пробил!

Все недвижно застыли на дороге, а величественный император продолжал:

— Я повелеваю, чтобы все вписали свои имена в священный свиток.

Он поднял с земли уголек, а потом протянул его каждому страннику по очереди. И все они начертали в священном свитке свои имена. Только овцы остались стоять в сторонке, потому что они не умеют писать и потому что у них не было имен.

Элизабет была последней, прежде чем запечатлеть свое имя, она

прочла имена всех остальных:

1 пастух Навин

2 пастух Иаков

3 пастух Исаак

4 пастух Даниил

1 волхв Каспар

2 волхв Бальтасар

3 волхв Мельхиор

1 ангел Эфириил

2 ангел Умораил

3 ангел Серафим

4 ангел Керувиил

5 ангел Евангелиил

Квирий, римский наместник Сирии

Август, император Римской империи

Хозяин гостиницы

И Элизабет записалась в книге вслед за другими следующим образом:

1 паломник Элизабет Хансен

А потом у нее возникла очень забавная мысль. Хотя овцы не умели писать и вообще у них не было никаких имен, Элизабет решила, что они тоже должны быть переписаны вместе со всеми:

1 овца

2 овца

3 овца

4 овца

5 овца

6 овца

7 овца

Потом Элизабет бросила взгляд на императора Августа. Она боялась, что он будет недоволен, потому что она испортила его книгу переписи, но он свернул свиток, не изменив выражения лица.

Элизабет подсчитала, что теперь, включая ее саму и семь овец, в списке насчитывалось всего 23 паломника. По количеству это мог быть целый класс в школе.

После того как имена пилигримов были записаны, все они почувствовали себя более важными персонами, чем были в Сконе, Гамельне, Венеции, Константинополе, Мирах и Дамаске.

Эфириил произнес:

— «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по

всей земле... И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова. Записываться с Марией, обрученной ему женой, которая была беременна».

Шествие пилигримов медленно двинулось дальше, но вскоре Эфириил сказал, что они должны сделать остановку. Он показал на дорогу. Все увидели молодого мужчину, который шел рядом с ослом, на осле же сидела женщина в красной одежде. А вдали раскинулся Вифлеем, город среди террас с большими пологими склонами, на склонах почти не было травы, так как ее выщипали пасшиеся там овцы.

— Это Иосиф и Мария, — пояснил Эфириил. — время пришло. Оно уже как созревший плод.

Лицо хозяина гостиницы стало озабоченным.

— Нужно спешить, чтобы опередить их.

И он припустился бежать по камням, бормоча себе под нос:

— Нет, к сожалению, у нас все переполнено. Но вы можете заночевать у меня в хлеву...

Лихорадочное волнение охватило и участников шествия. Казалось, что все вспоминают свои роли, которые учили наизусть очень давно.

Умораил поднялся на несколько метров вверх, прошелестел крыльями и произнес:

— Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям, ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь. И вот вам знак: вы найдете младенца в пеленах, лежащего в яслях.

Эфириил кивнул, а Умораил воскликнул:

— Здорово!

Теперь ангел Евангелиил протрубил в свою трубу, и все пять ангелов произнесли хором:

— Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!

Неожиданно заблеяли овцы. Как будто и они решили порепетировать что-то. Пастух Навин обратился к другим пастухам:

— Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь.

Тут заговорил один из волхвов:

— Где родившийся царь Иудейский? Ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему.

Тут все три волхва встали на колени и протянули золото, ладан и мирру.

*Ангел Евангелии*л удовлетворенно кивнул:

— Да, мне кажется, что получилось хорошо.

Навин осторожно коснулся посохом одной овцы и прошептал:

— В Вифлеем! В Вифлеем!

Папа долго сидел, держа на коленях тоненький листочек; все молчали, не осмеливаясь нарушить тишину.

Они только что прочитали о том, что волнение охватило участников шествия, когда они приближались к хлеву в Вифлееме. Это волнение охватило и их всех, сидящих в комнате Иоакима.

— Подумать только, на всем белом свете существует единственный такой календарь и этот единственный в мире календарь — у нас!

Мама кивнула:

— Настоящая рождественская ночь была лишь однажды. Но с тех пор Рождество празднуют по всему миру.

— Это потому, что небесная благодать очень легко распространяется вокруг, — заметил Иоаким. — Она словно бы захватывает всех.

До Рождества им необходимо было переделать множество дел. Но в течение дня они не раз прерывали дела, чтобы поговорить об Иоанне, который обещал прийти к ним на чашечку кофе.

Обычно мама и папа украшали елку, когда Иоаким укладывался спать, но сегодня было решено, что они займутся этим все вместе до прихода Иоанна. Тогда уже всё будет готово к Рождеству.

Наступил вечер. Мама накрыла прекрасный кофейный стол. Конечно же, она последовала папиному совету: выставила на стол все самые вкусные вещи, которые были у них дома, включая торт — пирамидку из крендельков.

Часы пробили семь, и тут же раздался звонок в дверь.

— Открывай ты, — сказала мама. — Ведь это тебе достался волшебный календарь, и Иоанн придет на кофе прежде всего к тебе.

Иоаким подбежал к двери. На лестнице стоял старый продавец роз.

— Заходите, пожалуйста, — пригласил его Иоаким.

Тут подошли и мама с папой. Иоанн протянул маме большой букет роз.

— Большое спасибо, — поблагодарила она. — И еще спасибо за волшебный рождественский календарь.

Иоанн положил руку на голову Иоакима и скромно отозвался:

— Вероятно, это я должен благодарить.

Они уселись за стол, и, едва отхлебнув кофе, Иоанн принялся рассказывать:

— Я родился в Дамаске и вырос в христианской семье. Некоторые

считают, что наши предки принадлежали к числу первых христиан в Сирии.

— Неужели? — спросил папа, а старик продолжал:

— Однажды, еще подростком, я нашел старый кувшин, который был наполнен полуистлевшими рукописными свитками. У моих родителей хватило здравого смысла передать кувшин с этими свитками в музей. Кувшин оказался очень древним. И свитки тоже.

Папа сгорал от нетерпения.

— А что было написано в этих свитках?

— Там были разные донесения от римских легионеров. В этих древних донесениях говорилось также о том, что произошло в Дамаске в конце второго века от Рождества Христова. В сто семьдесят пятом году через восточные ворота стремительно пронеслась, покидая город, странная процессия. Несколькими годами позднее подобная процессия вошла в город через западные ворота. В обоих случаях шествие сопровождали ангелы.

Мама с Иоакимом кивнули, потому что сразу вспомнили о том, что прочли в волшебном календаре.

— С давних времен существует множество подобных легенд и сказаний, — продолжал Иоанн. — Но я был поражен тем, что эта процессия пронеслась, покидая город, раньше, чем она вошла в него. Значит, они бежали назад во времени, а это совершенно невозможно.

— Да, абсолютно невозможно, — отозвался папа. И он сделал знак Иоанну, чтобы тот продолжал.

— С того времени во мне пробудился интерес к легендам и сказаниям. Я начал читать старинные книги, обращая особое внимание на свидетельства людей, которым казалось, что они видели ангелов. В конце концов я собрал множество подобных историй, происходивших в той части мира, где находится моя родина, и в разных странах Европы. Через несколько лет я отправился в Рим, чтобы прикоснуться к книжным сокровищам этого города.

— И там познакомились с Элизабет? — спросил Иоаким.

Иоанн кивнул.

— Но погоди немного. Я сосредоточил свое внимание на нескольких историях, связанных с появлением ангелов, и на таких именно, которые, как показалось мне, имели что-то общее. Все они произошли в совершенно разных местах — таких как Ганновер и Копенгаген, Базель и Венеция, долина Валь-д'Аоста в Северной Италии и долина реки Аксцус в Македонии. Все эти истории охватывают значительный период времени.

Самая ранняя случилась в Капернауме, в Галилее, а самая последняя — на проселочной дороге в Норвегии, в Халдене, уже в тысяча девятьсот шестнадцатом году.

— Старинный автомобиль! — воскликнул Иоаким.

— Естественно, сейчас мало кто верит в подобные истории. Кроме того, во всех собранных мною историях рассказывается, что появление маленькой девочки и ангела длилось не более одной-двух секунд. И все же, сравнивая все эти рассказы о событиях в Халдене, Ганновере и Гамельне с историями из Валь-д'Аосты, Аксцуса и Капернаума, я нахожу в них много удивительного.

Мама посмотрела на торговца цветами. Старик сидел какое-то время погруженный в свои мысли.

— Некое мистическое явление возникает на секунду в одном месте, а потом в следующую секунду гаснет, подобно выгоревшей керосиновой лампе. Хотя стоит повернуть голову в другую сторону, как там загорается новый огонек. Поэтому человеку трудно уловить мгновение, когда он соприкасается с небесными силами. Его нельзя подобрать, как камень с земли, и положить себе в карман. Ангелы ведь украдкой смотрят на нас с небес, а не падают с неба на городскую площадь.

— Ну а что вы можете рассказать об этой молодой женщине, сфотографированной на площади? — спросил папа.

Иоанн глубоко вдохнул и выдохнул. Иоакиму показалось, что у Иоанна блеснули слезы. Во всяком случае, он поднес руку к глазам.

Он начал рассказывать:

— Когда-то давно, много-много лет назад, я встретил в Риме молодую женщину. Наше знакомство продолжалось всего несколько недель, но я искренне привязался к ней.

— Расскажите, — попросил папа. — Расскажите!

— Это была загадочная женщина, которая называла себя Тебазилэ. Она говорила, что, по всей видимости, родилась в Норвегии, но выросла среди крестьян-овцеводов и пастухов в Палестине. Последнее звучало вполне убедительно, так как она свободно говорила по-арабски. Да и имя Тебазилэ похоже на палестинское... хотя оно вполне может быть и итальянским именем.

— Но ведь это просто-напросто имя Элизабет, прочитанное задом наперед! — воскликнул Иоаким.

Иоанн кивнул.

— Да, ты умница. Но ведь не принято же писать свое имя за дом наперед.

— Продолжайте-ка, — попросил папа.

— Конечно, она вполне могла быть и норвежкой. Кожа у нее была светлой, почти персикового цвета, кроме того, у нее были пронзительно-голубые глаза. Когда я спросил, что ее привело в Палестину, она ответила: «Меня похитили». На мой вопрос, кто похитил ее, она сказала: «Ангел, которому я была нужна в Вифлееме... Но это случилось так давно... я была тогда всего-навсего маленькой девочкой...»

Мама изумленно ахнула и тут же прикрыла рот ладонью. Папа принялся постукивать по кофейному столику спичечным коробком.

— А вы что на это сказали? — спросил папа.

— Истории об ангелах все называют выдумками. Но я много думал, перечитывал собранные мною истории, и я верю, что все в них — правда. Я сказал ей, что верю ее словам. И именно то, что я воспринял рассказанное ею вполне серьезно, напугало ее.

— Что же произошло? — спросила мама.

— Мы видели друг друга после этого еще только один раз — несколько дней спустя, на площади перед собором Святого Петра.

Она сообщила мне, что в тот вечер должна уехать из Рима. Но она разрешила сделать этот снимок на память. Это было в апреле тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

— А как случилось, что вы оказались в Норвегии? — спросил папа. — И зачем?

Иоанн взял крендель сверху из пирамидки и произнес:

— Я приехал сюда, чтобы попытаться найти эту загадочную женщину, и с тех пор живу здесь. Где она находится, мне так и не удалось узнать. Но мы увидим... — Он откусил кусок от маленького кренделя. — Живя здесь, я узнал, что в тысяча девятьсот сорок восьмом году здесь пропала девочка. И тогда я стал спрашивать себя, не могла ли эта несчастная малышка оказаться той самой Тебазилэ, которая рассказала мне, что ее ребенком похитил ангел. Я не знал точно, сколько ей лет, но вполне могло быть, что она родилась приблизительно в тысяча девятьсот сороковом году.

Старик какое-то время сидел молча. Потом заговорил:

— Теперь только я обнаружил поразительное сходство имен.

Людям свойственно повторять про себя имя того, кто занимает их мысли. В один прекрасный день мы вдруг произносим его наоборот. Живя в Норвегии, первое время я неотступно думал о Тебазилэ. И вдруг словно грянул гром среди ясного неба. Я прочитал имя Тебазилэ наоборот, и получилось Элизабет! Это укрепило меня в мысли о том, что Тебазилэ, которую я много-много лет спустя встретил в Риме, и была той самой

маленькой Элизабет. И вот тогда я приступил к созданию своего волшебного календаря. На это ушло, как вы понимаете, много месяцев.

— И все же подобное совпадение трудно себе представить, просто уму непостижимо, — заметил папа.

— Конечно же, я постоянно задавался вопросом, могла ли это быть та самая Элизабет, — продолжал Иоанн. — Имя — то же самое, только прочитанное наоборот. Догадка осенила меня, кажется, после того, как я познакомился с младшей сестрой Элизабет Хансен, Анной. Я подумал, что Анна — удивительное имя, оно всегда остается таким же, никогда не меняется, с какого конца ни читай. Вероятно, именно после этого я прочел наоборот имя Элизабет. Кроме того, мне показалось, что сестренка пропавшей Элизабет похожа на Тебазилэ.

Мама посмотрела на Иоанна.

— А почему вы решили представить эту историю именно в виде рождественского календаря? Почему вы не написали книгу?

Иоанн рассмеялся:

— Но кто поверит в подобную историю, прочитав ее в книге?

И неужели вы думаете, что нашлось бы издательство, которое опубликовало бы ее?

Мама покачала головой, а старик продолжал:

— Я сделал этот волшебный календарь для того, чтобы хотя бы один человек на всем белом свете узнал историю Элизабет и смог бы проследить за долгим странствием паломников в Вифлеем. Я также отчасти надеялся, что каким-нибудь образом, возможно, эта старая тайна будет раскрыта. Неизвестно, сколько мне осталось жить. Но теперь я уже не единственный, кто знает эту удивительную историю.

— Значит, это вы поставили фотографию Элизабет в витрине книжной лавки? — заметила мама.

Иоанн кивнул:

— В надежде, что, может быть, кто-то из горожан узнает ее.

— А зачем вы удалялись в пустыню, вернее, уезжали из города? — спросил Иоаким.

Продавец роз подробно объяснил:

— Всякий раз в декабре, ожидая Рождества, я ухожу за город и брожу по окрестным лесам и горным пустошам. Я делаю это, чтобы обрести душевный покой перед великим праздником Рождества Христова, но также еще и для того, чтобы попытаться найти следы ягненка, Элизабет и ангела Эфириила, которые отправились отсюда в Вифлеем в тысяча девятьсот сорок восьмом году. Бывало так, что, бродя, я повторял про себя оба имени

одно за другим: Элизабет... Тебазилэ... Элизабет...

— А вам никогда не хотелось вернуться в Дамаск? — спросил папа.

Иоанн покачал головой.

— Нет-нет, теперь мой дом здесь. Я торгую цветами на площади и некоторым образом распространяю небесную благодать. Ведь она так легко изливается на землю. А может быть, в один прекрасный день Элизабет вернется сюда, в город. Потому что есть еще нечто...

В комнате стало так тихо, что, казалось, можно было услышать, как на паркет опускаются пылинки. Иоанн обратился к Иоакиму:

— Все эти годы я изо всех сил старался найти ее. Но ведь мне было известно только ее имя... как я думал. Найти какую-нибудь Элизабет или Тебазилэ без фамилии в Риме или Палестине — это то же самое, что искать иголку в стог сена. Надо мной смеялись в посольствах и в разных административных учреждениях многих стран. Но Иоаким...

В гостиной снова стало совершенно тихо.

— Кажется, Иоаким помог мне найти ее. Так что это я должен благодарить.

Иоаким посмотрел на маму с папой. Он не мог понять, что имеет в виду Иоанн.

— Объясните нам это, пожалуйста, поподробней, — попросила мама.

— Это Иоаким навел меня на мысль, что ее могут звать одновременно и так и так, то есть одно из этих слов означает имя, другое — фамилию. Просто удивительно, насколько мы, взрослые, бываем лишены фантазии, думая годами об одном и том же.

Лицо Иоакима просветлело.

— Элизабет Тебазилэ! — воскликнул он. — Ее так зовут?

И в уголках обоих глаз старика выступило по слезинке.

— Во всяком случае, в Риме есть абонент с таким именем. Но Рождество еще не наступило. Завтра вы откроете последнее окошко в волшебном календаре.

Иоанн поднялся из-за кофейного столика и сказал, что ему пора уходить: есть дела, которые он должен успеть сделать сегодня.

— Но, может, вы дадите мне взглянуть в последний раз на старый календарь, — попросил он.

Иоаким поспешил в свою комнату и снял волшебный календарь с крючка, на котором тот висел. Войдя в гостиную, он протянул календарь Иоанну, и старик стоя внимательно смотрел на главную картинку на календаре.

— Вы можете закрыть снова все окошки, — предложил Иоаким.

Иоанн сделал это и сказал:

— Ну вот, они все там, да: Квириний, император Август, ангелы в небе и пастухи на поле, священные цари, Мария, Иосиф и младенец Иисус.

— А Элизабет нет, - произнес Иоаким.

— Да, Элизабет нет.

Они проводили Иоанна до двери. Уже уходя, он сказал:

— Посмотрим, что принесет нам это Рождество.

— Да, — сказал папа. Он явно почувствовал облегчение, услышав историю, рассказанную стариком Иоанном.

Но тут Иоанн добавил:

— Надеюсь, вы не станете открывать последнее окошко в календаре, пока не зазвонят рождественские колокола?

Мама посмотрела на него.

— А почему?

— Ну, конечно же, мы не откроем его раньше времени, — решительно заявил папа.

Уже выйдя за дверь и стоя на ступеньках крыльца, Иоанн сказал:

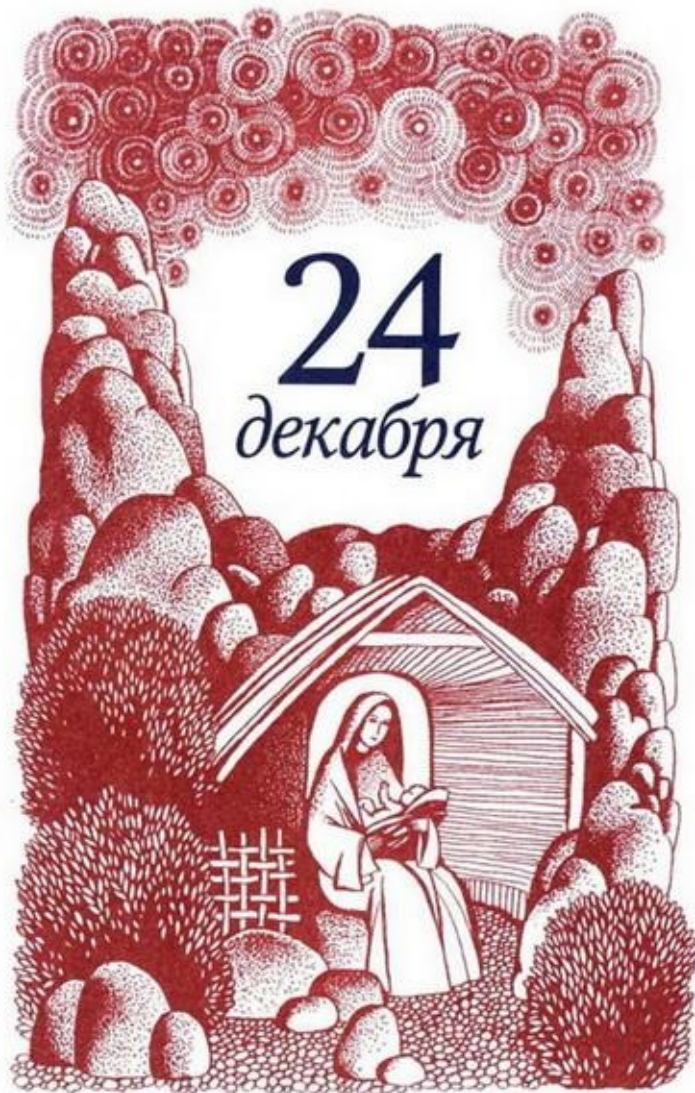
— Возможно, я и завтра зайду к вам.

Иоаким был сам не свой от радости. А все потому, что Иоанн сказал, что, вероятно, зайдет к ним завтра. В отличие от мамы и папы он не был полностью удовлетворен тем, что узнал.

Он считал, что чего-то в этой истории не хватает.

24 ДЕКАБРЯ

*...Искра большого небесного костра
среди слабо светящихся фонарей...*

Сочельник в доме Иоакима начался как обычно. Как всегда, оставались какие-то недоделанные дела. Время от времени кто-то из семьи пробирался в комнату Иоакима и бросал нетерпеливый взгляд на волшебный календарь. Они обещали не открывать последнее окошко, пока не зазвонят рождественские колокола.

Днем они начали готовить рождественский ужин. Вскоре запах Рождества уже витал по всему дому. Наконец стрелка часов остановилась

на цифре «пять». Папа открыл окно, и до них донесся звон рождественских колоколов.

Не говоря ни слова, все потихоньку отправились в детскую. Иоаким забрался на кровать и открыл последнее, самое большое окошко. Его створка представляла собой ту часть первой картинка календаря, где был изображен младенец. А внутри окошка Иоаким увидел пещеру в горах. И вот в последний раз они все трое присели на край кровати. Иоаким развернул тоненький листочек и начал читать вслух маме и папе:

Младенец Иисус

Место действия — земля между Европой, Азией и Африкой. Тут происходит центральное событие в истории и начинается летоисчисление. Время действия — около полуночи.

В торжественном молчании процессия пилигримов осторожно пробирается среди домов Вифлеема. Это небольшое стадо овец, четыре пастуха, пять ангелов Господних, три священных царя, римский император, наместник в Сирии и Элизабет, девочка из далекой окраинной страны, протянувшейся длинной узкой полосой почти у самого Северного полюса.

В окнах некоторых приземистых домов видны слабые огоньки еще не потушенных ламп, но большинство жителей этого города мирно спят.

Один из волхвов показывает вверх, на горящие на небе звезды. Они кажутся искорками далекого костра. Одна звезда горит ярче, чем все остальные, вместе взятые. И кажется, что она находится ближе других к земле.

Ангел Умораил оборачивается костальным, прикладывает палец к губам и шепчет:

— Тише, тише, тише...

Шествие подходит к гостинице, тут же в окне появляется хозяин. Увидев пилигримов, он решительно кивает и указывает на пещеру в склоне горы.

Ангел Эфириил шепчет какие-то слова, похожие на древнее

песнопение.

— «Когда же они были там, наступило время родить ей. И родила сына своего, первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице».

Наши странники прошли через двор и остановились перед пещерой. По запаху они поняли, что это хлев.

И вот в тишину ворвался крик младенца.

Свершилось. Свершилось в хлеву в Вифлееме.

Над хлевом сияет звезда. Мария пеленает новорожденное дитя и кладет его в ясли.

Вот так встречаются небо и земля. Потому что младенец, лежащий в яслях, — это искра большого небесного костра среди слабо светящихся фонарей.

Вот оно, это чудо. И это повторяется всякий раз, когда в мир приходит новое человеческое дитя.

Ведь каждый раз мир словно создается заново.

Женщина тяжело дышит и плачет. Но это не горькие слезы, Мария плачет тихими, счастливыми, задумчивыми слезами. Но громкий крик ребенка заглушает плач Марии. В хлеву в Вифлееме родился младенец Иисус. Он пришел на нашу многострадальную землю.

Ангел Эфириил торжественно обратился к другим пилигримам:

— Сегодня в городе Давидовом родился наш Спаситель.

Император Август кивнул.

— Настал наш черед. Все занимают свои места, все помнят свои роли. Ведь мы репетировали, готовились к этому почти две тысячи лет.

По знаку императора Квириний продолжил:

— Пастухи! Выгоните стадо в поле и не забудьте, что вы должны быть добрыми пастырями. Волхвы! Идите в пустыню и каждый садитесь на своего верблюда. Неустанно наблюдайте за звездами на небесном своде. Ангелы! Взлетите высоко на небо. Не показывайтесь людям на земле, если в этом нет крайней необходимости, и не забывайте говорить им: «Не бойтесь». Иисус уже родился.

И вот исчезли все пастухи, овцы, ангелы и волхвы. А Элизабет осталась с Квиринием и императором Августом.

— Мне надо спешить домой в Дамаск, — сказал Квириний. —

Потому что я должен сыграть там важную роль.

— А мне пора домой в Рим. Это моя роль.

Прежде чем они ушли, Элизабет показала на хлев и спросила:

— Как вы думаете, я могу туда зайти?

Император широко улыбнулся:

— Ты должна туда пойти. Ведь это твоя роль.

Квириний согласно кивнул:

— Не для того же ты прошла весь этот долгий путь, чтобы просто так стоять здесь без дела.

И с этими словами оба римлянина пустились бежать по той же самой дороге, по которой пришли сюда.

Элизабет взглянула на звездное небо. Ей пришлось сильно закинуть голову, чтобы рассмотреть звезду, которая сияла так ярко. И вновь из пещеры до нее донесся плач ребенка.

И она вошла в хлев.

Папа поднялся с кровати и хлопнул Иоакима по плечу.

— Да уж, нечего сказать, удивительный рождественский календарь нам достался в этом году, — сказал он.

Для папы история Элизабет завершилась.

У Иоакима же не было полного удовлетворения. Что же все-таки произошло с Элизабет дальше? Мама тоже сидела в задумчивости. Потом она наконец поднялась и сказала:

— Скоро праздничный ужин будет готов. А вы пока разложите под елкой рождественские подарки. В этом году, как обычно, вас ждут еще и небольшие сюрпризы.

Вот что она успела сказать. Но тут раздался звонок в дверь. Иоаким пошел открывать, и снова на пороге стоял Иоанн. Вид у него был еще более радостный и торжественный, нежели вчера.

— Я пришел, просто чтобы поблагодарить, — сказал он.

Мама и папа бросились в прихожую и пригласили его войти.

И вновь на столе появилась пирамидка из крендельков. Не хватало только верхнего кренделька, но на его место папа положил красный круглый марципан. Иоаким принес кофейные чашки и десертные тарелки.

Они уселись все вместе за кофейный столик. Иоанн обвел взглядом по очереди всех троих. На его лице было лукавое выражение. Он начал говорить:

— Когда я рисовал эту большую картинку на календаре, то пытался сделать ее такой, чтобы всякий раз на ней можно было обнаружить что-то новое. Я считаю, что именно таковы все творения Божьи. Чем больше мы проникаем в их суть, тем более удивительными они предстают перед нами. Чем внимательнее мы рассматриваем окружающий нас мир, тем лучше понимаем его.

Таким образом, мы всегда можем увидеть что-то новое, если только

наши глаза открыты навстречу этому удивительному миру вокруг нас.

Папа кивнул, а Иоанн продолжал:

— Но я и не подозревал, что вдобавок тот, кто прочитает тоненькие листочки в моем календаре, сможет раскрыть старую тайну о девочке, бесследно исчезнувшей почти пятьдесят лет назад.

И вновь на лице Иоанна появилось лукавое выражение. Иоаким посмотрел ему прямо в глаза.

— Вам удалось узнать что-то новое об Элизабет?

Но не успел Иоанн ответить, как раздался звонок в дверь. Мама с папой переглянулись. Иоанн же сказал:

— Иди, Иоаким. Это ведь ты открыл все до одного окошки в волшебном календаре. А теперь ты должен открыть эту дверь. На этот раз не снаружи, а изнутри.

Направляясь к входной двери, Иоаким заметил, что мама с папой взялись за руки. Неужели они боялись, что к ним сейчас придет в гости ангел Эфириил? Во всяком случае, вид у них был слегка напуганный.

Иоаким открыл дверь и увидел женщину лет пятидесяти. На ней было красное пальто, а волосы светлые, с сединой. Незнакомая женщина широко улыбнулась и протянула Иоакиму руку.

— Мистер Иоаким? — спросила она. — Right {(англ.) — верно, правильно.}?

У Иоакима от волнения закружилась голова, но он все же догадался, кто это, и пожал протянутую ему руку.

— Вы — Элизабет Хансен, — сказал он. — Проходите, пожалуйста.

Они вошли в гостиную, где папа и мама продолжали сидеть рядом, держась за руки. Тут продавец роз разразился безудержным смехом. Иоаким подумал, что он чем-то напоминает епископа Николауса из волшебного календаря.

Элизабет стояла, держа на руке свое красное пальто. На шее у нее блестел серебряный крестик с красным камешком.

Когда наконец смех отпустил Иоанна, он встал и произнес:

— Это — Элизабет Тебазилэ-Хансен, одна в трех лицах. Я опередил ее на несколько минут. Вот и она здесь, с нами.

Мама и папа выглядели совсем растерянными. На всякий случай Иоаким подошел к ним и принялся махать руками.

— Не бойтесь! — сказал он. — Не бойтесь! Не бойтесь!

Тогда они поднялись с дивана, и каждый протянул Элизабет руку. Мама взяла у нее пальто и подала ей стул, а папа принес из кухни чашку кофе...

Вскоре стало ясно, что Элизабет говорит только по-английски. Когда они все наконец уселись, папа тем не менее произнес по-норвежски:

— Мне кажется, пришло время окончательно выяснить всю правду.

Иоанн откашлялся:

— Я буду говорить по-норвежски, чтобы мальчик все понял.

Потому что это благодаря ему мы все имеем удовольствие собраться здесь.

Кажется, женщина с крестиком на шее поняла сказанное Иоанном, потому что она посмотрела на Иоакима и улыбнулась.

— Продолжайте! — попросил папа,

— Уже вчера, будучи у вас в гостях, я знал, что Элизабет находится на пути в Норвегию, — начал старый продавец роз.

Мама широко раскрыла глаза.

— Но почему же вы ничего не сказали нам?

Иоанн тихо хмыкнул как бы про себя. А потом сказал:

— Нельзя же делать рождественские подарки до наступления Рождества. К тому же я до конца не был уверен, что она действительно приедет. И не был также уверен, кто именно приедет.

Папа покачал головой. Он качал ею так долго, что казалось, никогда не остановится.

— Нет, все же трудно осмыслить все это, — сказал он.

И тогда Иоанн рассказал обо всем:

— События начали разворачиваться через несколько дней после моего разговора с Иоакимом по телефону. Много лет я пытался найти или ту самую Элизабет, или ту самую Тебазилэ, потому что был уверен, что это одно и то же лицо. И только Иоаким навел меня на мысль, что Элизабет могла использовать свое имя, прочитанное наоборот, то есть Тебазилэ, в качестве фамилии. Я звонил в разные справочные службы, и мне дали номер телефона в Риме. Через несколько часов я уже связался с ней по телефону. Она оказалась дома и вскоре вспомнила меня и ту нашу встречу в волшебные апрельские дни тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

Элизабет попыталась что-то сказать, но Иоанн решительным жестом остановил ее.

— Я рассказал ей о матери, которая потеряла свою маленькую девочку в сорок восьмом году. Таким образом от меня она смогла узнать о своем подлинном происхождении. И вчера вечером она приехала в этот город, в котором не была с того самого декабрьского вечера, сорок пять лет назад.

Папа вскочил с дивана и подбежал к телефону.

— Что это ты? — спросила мама.

— Я обещал фру Хансен немедленно позвонить, как только узнаю что-нибудь о ее дочери.

Иоанн засмеялся.

— Элизабет ночевала сегодня у своей матери. Конечно же, они глаз не сомкнули, но всё, как вы видите, в полном порядке.

— Тогда я должен позвонить в полицию... — продолжал папа. — Теперь у них не будет больше нераскрытого дела о пропавшей девочке...

— И с этим все в порядке, — отозвался Иоанн. — Вы, наверное, не читали сегодняшних газет и не слушали радио. «Возвращение Элизабет». Ведь это большая радость для всех.

Папа так и сел на диван. От него ничего не требовалось, ему оставалось только сидеть и слушать продолжение рассказа Иоанна. Он смотрел в пол.

— Можно мне задать вопрос? - спросил папа.

Иоанн кивнул:

— Пожалуйста!

— Что же все-таки произошло в декабре тысяча девятьсот сорок восьмого года? Не станете же вы теперь утверждать, что Элизабет исчезла потому, что пустилась догонять ягненка с колокольчиком на шее, которому надоело слушать болтовню покупателей и стрекот кассовых аппаратов в универмаге. Так же как вы не можете утверждать, что по дороге ей навстречу попался ангел по имени Эфириил.

Чтобы немедленно получить точный ответ на свой вопрос, папа повернулся к Элизабет и задал ей тот же самый вопрос по-английски. Она закрыла рот ладошкой, удерживая смех, и сделала знак Иоанну, чтобы он ответил.

— Она всегда начинает смеяться, стоит заговорить об этом, — объяснил Иоанн. — По этому поводу у нас так и нет единого мнения. Так что сначала я расскажу, как все это объясняет сама Элизабет. Кстати, она считает, что местная полиция сделала все возможное, когда пыталась найти ее. Но я думаю, нам следует начать с другого конца.

Папа хмыкнул.

— Начинайте с любого конца, лишь бы концы потом сошлись друг с другом.

Иоанн встал и принялся расхаживать по комнате. Время от времени он клал руку на плечо Элизабет.

— Элизабет выросла в маленькой деревушке недалеко от Вифлеема. Люди жили там лишь тем, что возделывали свою скудную землю, и вот эта скудная земля была отнята у них. Когда я познакомился с Элизабет в Риме

весной тысяча девятьсот шестьдесят первого года, то узнал, что ей довелось жить в разных лагерях беженцев в Иордании и Ливане. В Рим она приехала с целью рассказать там о положении беженцев. Впрочем, об этом мы поговорим в другой раз. Но Элизабет действительно появилась в Вифлееме в декабре тысяча девятьсот сорок восьмого года. Ей довелось жить среди несчастных, гонимых людей, которые нуждались в Божьей помощи. Именно это она имела в виду, когда говорила, что в Вифлеем ее привел ангел. Она имела в виду, что из родного города ее увел тот, кто хотел помочь людям, живущим в деревнях вокруг Вифлеема. Здесь она росла как пастушка, так что у нее с ранних лет всегда была возможность гладить мягкую шерстку ягнят — то, к чему так стремилась Элизабет Хансен в волшебном рождественском календаре.

Папа сделал попытку остановить Иоанна.

— Потом Элизабет скрылась от вас в Риме, — сказал он. —

Почему она не хотела снова вас видеть?

— Это хороший вопрос, и будьте покойны, я задавал его себе несчетное число раз за все эти долгие годы. Дело в том, что она должна была быть крайне осторожной с теми, с кем разговаривала. Вот почему она придумала себе фамилию, написав свое имя задом наперед. Не забывайте, что она приехала из страны, где шла война.

Элизабет объяснила мне, что боялась, как бы ее снова не похитили.

— Продолжайте, — попросил папа, щелкнув пальцами.

— Когда я сказал Элизабет, что верю в рассказанную ею историю про ангела, это показалось ей подозрительным. Она подумала, что я могу представлять опасность для нее и для палестинского народа.

— Но сама Элизабет — норвежка? — спросила мама.

Иоанн кивнул.

— Элизабет — норвежка. Она считает, что была похищена какими-то несчастными, готовыми пойти на все ради того, чтобы раскрыть глаза другим на страдания палестинского народа.

— И все же это так ужасно — похитить невинного ребенка, — заметила мама.

Иоанн энергично кивнул.

— Конечно же, вы совершенно правы. Но Элизабет считает, что ее хотели вернуть. Возможно, похитители хотели заставить ее отца написать в газеты о тех несчастных, которых, согнав с родной земли, заставили переходить из одной деревни в другую, пока они не оказались в больших лагерях беженцев далеко за пределами своей страны.

— Да, но почему же ее все-таки не вернули? — перебил папа.

— Элизабет говорит, что почти ничего не помнит из того времени, когда она еще не жила под опекой большой семьи в маленькой деревушке в окрестностях Вифлеема.

И пока Иоанн говорил, мама не сводила с него глаз.

— А как вы объясняете всю эту историю?

Иоанн провел рукой по волосам.

— Вы хорошо знаете мое объяснение.

Иоаким вытянулся на своем стуле.

— Вы считаете, что она ушла вслед за ягненком и встретила в лесу ангела Эфириила? — спросил он.

Иоанн кивнул.

— Да, я так считаю.

Элизабет сделала протестующее движение.

— No, — произнесла она.

— Yes, — возразил Иоанн.

— No, — сказала Элизабет и засмеялась.

Тут и другие засмеялись.

— Только не вздумайте драться, — предостерег их Иоаким. — И я надеюсь, что вы не будете также показывать друг другу нос.

— Но я ставлю очко на историю, рассказанную Элизабет, — сказал папа.

— А вы? — обратился Иоанн к маме и Иоакиму.

— Я ставлю все двадцать четыре очка на историю, как она рассказана Иоанном, — сказал Иоаким.

— А я ставлю двенадцать очков на историю Иоанна и двенадцать — на историю, рассказанную Элизабет, — сказала мама. — Потому что считаю, что в это Рождество ангелы слетали в Вифлеем и обратно. Ради Элизабет и всей этой истории.

Тут снова заговорил Иоанн:

— Но Иоаким совершенно прав: мы не должны начинать драку только из-за того, что думаем по-разному. Ведь в этом величайший смысл Рождества. Мне кажется, одна из самых величайших истин состоит в том, что небесная благодать очень легко распространяется — во всяком случае, если мы, люди, будем способствовать этому. Когда я записывал всю эту историю на тоненьких листочках, которые потом тщательно свернул и спрятал в волшебном календаре, у меня было три исходных пункта. Я слышал об исчезнувшей Элизабет Хансен, а в Риме встретил женщину по имени Тебазилэ. Кроме того, я вставил сюда также поразившие меня старые истории о встречах с ангелами. Все остальное я придумал сам.

В гостиной стало совсем тихо.

— Вам блестяще удался ваш замысел, — закончила мама.

Старик застенчиво улыбнулся.

— Но ведь всякое творчество — частица небесной благодати, пролившейся на землю. И оно так же легко распространяется.

— Насколько же все это удивительно! — заметила мама. —

Сегодня мы открыли последнее окошко в старом рождественском календаре и узнали, что Элизабет вошла в хлев в Вифлееме, чтобы приветствовать приход в мир младенца Иисуса.

Иоанн кивнул, а мама продолжала:

— И вот сразу после этого та же самая Элизабет позвонила в дверь нашего собственного дома. Получается, что наш дом словно бы связан с тем священным местом, где родился Иисус.

Мама встала, подошла к Элизабет и обняла ее.

— Добро пожаловать обратно в Норвегию, дитя мое, — сказала она.

Это прозвучало немного странно, ведь Элизабет была лет на двадцать старше мамы Иоакима.

— Спасибо большое, — сказала Элизабет, и эти слова она произнесла по-норвежски.

Чуть позднее зазвонил телефон. Папа взял трубку, и по его репликам Иоаким сразу же догадался, с кем он разговаривает:

— Мы тоже потрясены, все... невероятный подарок, фру Хансен... да, теперь я поверил в ангелов... Она сейчас подойдет... Счастливого Рождества... самые наилучшие рождественские пожелания всей вашей семье...

Папа махнул рукой Элизабет и передал ей трубку. Она говорила по-английски, поэтому Иоаким не мог понять, о чем шла речь. Он только подумал, как это, должно быть, обидно — разговаривать с собственной матерью на иностранном языке.

Вскоре пришла пора Иоанну и Элизабет уходить. Но уже на второй день Рождества они все должны были снова увидеться, потому что на этот день мама, папа и Иоаким были приглашены в гости в семью Элизабет.

Они проводили гостей до крыльца. На улице шел густой снег.

Папа спросил Элизабет, помнит ли она какие-нибудь норвежские слова со времен своего детства.

Элизабет стояла под уличным фонарем у них в саду, и снежинки падали на ее красное пальто. Вдруг она наклонилась и вытянула вперед руку, будто пытаясь поймать танцующую снежинку.

— Бяша, бяша, бяша! — позвала она.

Потом испуганно прикусила губу и прикрыла рот ладонью.

И бросилась бежать. Вскоре они вместе с Иоанном исчезли из виду.

В этот вечер, прежде чем лечь спать, Иоаким долго стоял перед окном, вглядываясь в рождественскую ночь. Выпал густой снег, но небо было ясным, и на нем ярко сияли звезды.

Вдруг он заметил несколько фигур, какие-то призрачные силуэты на проезжей части улицы. Ему не удалось разглядеть их, он едва успел заметить их в свете уличных фонарей, и это продолжалось всего одну или две секунды.

Иоакиму показалось, что он узнал ангела Эфириила и всех остальных, с кем Элизабет шла в Вифлеем.

А сегодня ночью они привели ее обратно.

С Р О Ж Д Е С Т В О М !

Повесть-сказка «Рождественская мистерия» написана в лучших традициях скандинавских сказочников, но при этом в захватывающей остросюжетной форме.

Юстейн Гордер (р. 1952) – самый знаменитый современный писатель Норвегии, автор мирового бестселлера «Мир Софин». Этот писатель обладает уникальным талантом легко и интересно говорить о самом сложном: о мировой истории, религии, законах бытия. Вместе с героями этой книги вы сможете отправиться в невероятное путешествие сквозь время и пространство и стать свидетелями чудесного рождения Иисуса Христа.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

W W W - A M P H O R A - R U

Иллюстрация на обложке
Светланы Кондашук

9 783367 002811
ISBN 5-367-00281-1